ОИК

Отк
Герцен
1859.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ

ВЪ

ЛОНДОНѢ.

КНИЖКА ВТОРАЯ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ИСКАНДЕРА

LONDON

TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW.

1861.

№24440

ПРЕДИСЛОВІЕ ИСКАНДЕРА

Второй выпускъ *Историческаго Сборника Вольной Русской Типографіи*, доставитъ нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ, для уголовнаго слѣдствія теперь начавшагося надъ петербургскимъ періодомъ нашей исторіи. Золотые времена Петровской Руси миновали. Самъ Устряловъ наложилъ тяжелую руку на нѣкогда боготворимаго преобразователя. За нимъ послѣдовали въ опалу не только Анна съ Бирономъ, но и Менщиковъ съ Волынскимъ, потомъ благодушная Елисавета Петровна и еще больше благодушный Петръ Ѳедоровичь. Далѣе еще не позволяютъ намъ знать исторію. Русское правительство какъ *обратное провидѣніе*, устроиваетъ къ лучшему не будущее, но прошедшее. Пошлая газетная ложь остается обязательной. Въ дозволенной исторіи все сохранилось, отъ гастрической болѣзни Петра III и апоплексическаго удара Павла I—до изумительныхъ побѣдъ Паскевича и пр.

Вотъ этому-то пробѣлу и помогаютъ нѣсколько статей нашего Сборника. Имѣютъ ли нѣкоторые изъ нихъ полное историческое оправданіе или нѣтъ, какъ на пр. статья о финскомъ происхожденіи Павла I, не до такой степени важно—какъ то, что такой слухъ былъ, что ему не только вѣрили, но вслѣдствіе его былъ поискъ, обличившій сомнѣніе самыхъ лицъ царской фамиліи. И не мудрено, если вспомнить неслыханный сборъ всевозможныхъ подлоговъ и незаконнорожденій, спутаннаго родства и сомнительныхъ происхожденій этой династіи, которая при Николаѣ, съ бурбонской аристократіей, ставила себя представителемъ легитимизма.*

Династія, *исправляющая*, по выраженію кн. П. Долгорукова, *должность* Романовыхъ, не только не Романовская, но и не Голштейнъ-Готторпская, даже и не Салтыковская—кажется этого было бы довольно, по крайней мѣрѣ съ материнской стороны, императорскій домъ въ родствѣ съ Ангалтъ-Цербстомъ. Мать у каждаго бываетъ *своя*—на пр. кто была мать Бобринскаго никто не сомнѣвается. Но послѣ раз-

* Поневолѣ вспоминаются стихи Байрона:

But oh, thou grand legitimate Alexander!
Her son's son, let not this last phrase offend
Thine ear.....
...So you be
Your father's son, 'tis quite enough for me.

DON JUAN. C. VI—XCIII.

ныхъ сомнѣній въ отцѣ Павла, оказывается, что онъ не отъ своей матери и Петровская династія становится *династіей родства непомнящей.*

Точно такъ какъ ея члены не вѣрятъ что они—они, такъ не вѣрятъ они и въ ту власть, которая у нихъ въ рукахъ, отсюда постоянныя попытки террора, страхъ и готовность уступить.

Между двумя геркулесовыми столбами деспотизма, между приказами Павла, обличающаго больше бѣлую горячку, чѣмъ черную душу, и увеличеніемъ приговоровъ по дѣлу Петрашевскаго, обличающимъ гораздо больше черной души, и не меньше бѣлой горячки въ Николаѣ, читатели между прочимъ найдутъ государственную уставную грамоту Россійской имперіи. У Александра I было такъ велико сомнѣніе въ прочности этой искуственной машины граненыхъ штыковъ и чиненыхъ перьевъ, что онъ боялся, что не сегодня-завтра этотъ наскоро сколоченный острогъ развалится. Ссылая, съ жестокостью трусости и неспокойной совѣстью, на каторжную работу за либеральное слово, за смѣлый стихъ,—самодержцы, на всякій случай, сами въ тихомолку заказываютъ проэкты, и вы не думайте, что это было только при Александрѣ. Николай, этотъ человѣкъ котораго рука не дрогнула подписывая приговоры на ссылку за то, что человѣкъ "слушалъ разговоры," или присутствовалъ при "чтеніи письма В. Бѣлинскаго къ

Гоголю"— поручалъ особому секретному комитету составлять какое то новое уложенiе въ 1829 году.

Читатели наши конечно не ждутъ, что самъ Павелъ чуть не сдѣлался конституцiоннымъ императоромъ. Вотъ что мы читаемъ въ запискахъ одного изъ героевъ 14 Декабря:

"Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель великаго князя наслѣдника Павла Петровича, провелъ молодость свою въ Швецiи. Долго оставаясь тамъ посланникомъ и съ любовью изучая конституцiю этого государства, онъ желалъ ввести нѣчто подобное въ Россiю: ему хотѣлось ограничить самовластiе твердыми аристократическими институцiями. Съ этою цѣлiю Панинъ предлагалъ основать политическую свободу сначала для одного дворянства, въ учрежденiи верховнаго совѣта, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ (inamovibles) назначались бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословiя лицъ. Синодъ также бы входилъ въ составъ общаго собранiя сената. Подъ нимъ (то есть подъ верховнымъ сенатомъ), въ iерархической постепенности были бы дворянскiя собранiя, губернскiя или областныя и уѣздныя, которымъ предоставлялось право совѣщаться объ общественныхъ интересахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять объ нихъ сенату и предлагать ему новые законы.

"Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ мѣстныхъ администрацій, производился-бы въ этихъ-же собраніяхъ. Сенатъ былъ-бы облеченъ полною законодательною властью, а императорамъ оставалась-бы власть исполнительная, съ правомъ утверждать сенатомъ обсуженные и принятые законы, и обнародывать ихъ. Въ конституціи упоминалось и о необходимости постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Проэктъ былъ написанъ Д. И. Фонъ-Визинымъ подъ руководствомъ графа Панина. Введеніе или предисловіе къ этому акту,—родъ considerants—сколько припомню, начиналось такъ: "Верховная власть ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, а добрые государи чувствуютъ. Просвѣщенной ясностію сея истины и великими качествами души одаренный монархъ, принявъ бразды правленія, тотчасъ почувствуетъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство, и что прямое самовластье тогда только вступаетъ въ истинное величіе, когда само у себя отъемлетъ власть и возможность къ содѣянію какого-либо зла и т. д." За этимъ слѣдовала политическая картина Россіи и исчисленіе всѣхъ золъ, которыя она терпитъ отъ самодержавія.

"Списокъ съ конституціоннаго акта хранился у роднаго брата его редактора, Петра Ивановича Фонъ-Визина. Когда въ первую французскую рево-

люцію, извѣстный масонъ и содержатель типографіи Новиковъ и московскія масонскія ложи были подозрѣваемы въ революціонныхъ замыслахъ, генералъ-губ. князь Прозоровскій, преслѣдуя масоновъ, считалъ сообщниками или единомышленниками ихъ всѣхъ, служившихъ въ то время въ Московскомъ университетѣ, а П. И. Фонъ-Визинъ былъ тогда его директоромъ. Предъ самымъ прибытіемъ полиціи для взятія его бумагъ, ему удалось истребить конституціонный актъ, который братъ его ему ввѣрилъ. Но третій братъ, Александръ Ивановичъ, случившійся въ то время у него, успѣлъ спасти введеніе или considerants, котораго начало я выписалъ выше. Въ 1826 г. при арестованіи Михаила Александровича Фонъ-Визина, эту бумагу взяли вмѣстѣ съ прочими; объ ней спрашивали его въ извѣстномъ комитетѣ, и онъ разсказалъ всю исторію, какъ зналъ. Покойному Никитѣ Михайловичу Муравьеву онъ сообщилъ съ съ нея копію, и тотъ передѣлалъ ее, приспособивъ содержаніе этого акта къ царствованію Александра. Разошлось нѣсколько экземпляровъ этого сочиненія, которое стали приписывать М. П. Фонъ-Визину. Въ 1825 году князь М. Д. Горчаковъ, нынѣшній намѣстникъ въ Польшѣ, признавался, что онъ въ восторгѣ отъ него (*каковъ!*). Подлинное *введеніе*, писанное рукою Д. И. Фонъ-Визина, послѣ какъ-то досталось П. П. Бекетову, и должно храниться въ его бумагахъ.

"Александръ Ивановичъ Фонъ-Визинъ разсказывалъ, что въ 1773 и въ 1774 году, когда цесаревичъ Павелъ Петровичъ достигъ совершеннолѣтія и женился на Дармштатской принцессѣ, названной Наталіею Алексѣевною, графъ Н. П. Панинъ, братъ его фельдмаршалъ П. И., княгиня Дашкова, князь Н. В. Репнинъ, кто-то изъ архіереевъ, чуть ли не митрополитъ Гавріилъ, и многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ, вступили въ заговоръ съ цѣлью свергнуть съ престола царствующую безъ права Екатерину II и вмѣсто ея возвести совершеннолѣтняго ея сына. Павелъ Петровичъ зналъ объ этомъ, согласился принять предложенную ему Панинымъ конституцію, утвердилъ ее своею подписью и далъ присягу въ томъ, что воцарившись не нарушитъ этого кореннаго государственнаго закона, ограничивающаго самодержавіе. Душею заговора была супруга Павла, в. к. Наталья Алекс., тогда беременная.

"При графѣ Панинѣ были довѣренными секретарями Д. И. Фонъ-Визинъ и Бакунинъ (Петръ Васильевичъ), оба участники въ заговорѣ. Бакунинъ изъ честолюбивыхъ, своекорыстныхъ видовъ рѣшился быть предателемъ. Онъ открылъ любовнику императрицы князю Г. Г. Орлову всѣ обстоятельства заговора и всѣхъ участниковъ—стало быть это сдѣлалось извѣстнымъ и Екатеринѣ. Она позвала къ

себѣ сына и гнѣвно упрекала ему его участіе въ замыслахъ противъ нея. *Павелъ испугался, принесъ матери повинную и списокъ всѣхъ заговорщиковъ.* Она сидѣла у камина, и взявъ списокъ, не взглянувъ на него, бросила бумагу въ каминъ, и сказала: "Я не хочу и знать, кто эти несчастные." *Она знала всѣхъ,* по доносу измѣнника Бакунина. Единственною жертвою заговора была великая княгиня: полагали, что ее отравили или извели другимъ образомъ. Изъ заговорщиковъ никто не погибъ. Екатерина никого изъ нихъ не преслѣдовала. Графъ Панинъ былъ удаленъ отъ Павла съ благоволительнымъ рескриптомъ, съ пожалованіемъ ему за воспитаніе цесаревича 5,000 душъ,* и остался канцлеромъ. Братъ его фельдмаршалъ и княгиня Дашкова оставили дворъ и переселились въ Москву. Князь Репнинъ уѣхалъ въ свое намѣстничество, въ Смоленскъ; а надъ прочими заговорщиками учрежденъ тайный надзоръ."

Не знаю можемъ ли мы, должны ли благодарить особъ приславшихъ намъ эти матеріалы, т. е. имѣемъ ли мы право на это. Во всякомъ случаѣ они должны принять нашу благодарность какъ отъ читателей, за большее и большее обличеніе канцелярской тайны Зимняго Дворца.

Мы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣемъ къ нимъ просьбу.

* Можетъ быть оттого-то графъ Панинъ и не захотѣлъ принять этихъ пяти тысячъ душъ.

Первая статья о Павлѣ, статья о его происхожденіи, нѣсколько рѣзкихъ страницъ о А. П. Ермоловѣ, присланы намъ безъ всякаго означенія откуда онѣ взяты и кѣмъ писаны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ особыхъ препятствій—мы очень желали бы знать источники, или имя автора; если не для печати, то для насъ. Тимашевъ какъ не ѣзди въ Лондонъ и какихъ мошенниковъ III Отдѣленія не посылай —*ничего не узнаетъ*—за это мы ручаемся.

И—ръ.

24 Декабря 1860.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

КЪ

АТАМАНУ ДОНСКАГО ВОЙСКА ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРІИ ОРЛОВУ I

(Списаны съ подлинниковъ)

I.

С. Петербургъ, Января 12, 1801 года.

Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ Шведовъ и Датчанъ, я готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ. Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, и того четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему Василій Петровичъ. Соберитесь вы съ онымъ и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдете съ артиллеріею прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія Англійскія по ней лежащія. Войска того края, ихъ таковаго же рода какъ и ваше, такъ имѣя артиллерію вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги, все богатство Индіи будетъ намъ наградою за сію экспедицію.

Соберите войско къ заднимъ станицамъ и тогда увѣдомивъ меня, ожидайте повелѣнія идти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте другаго идти далѣе. Таковое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ славою, заслужитъ по мѣрѣ заслугъ мое особенное благоволеніе, пріобрѣтетъ богатства и торговлю и поразитъ непріятеля въ его сердце. Здѣсь прилагаю карты сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благословитъ.

Есмь вашъ благосклонный

Павелъ I.

NB. Карты мои идутъ только до Хивы и до Амурской рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣденія до заведеній Англійскихъ и до народовъ Индейскихъ имъ подвластныхъ.

II.

С. Петербургъ, Января 12, 1801 года.

Индія, куда вы назначаетесь управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами или оружіемъ, то и цѣль все сіе раззорить, а угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и землю привесть Россіи въ туже зависимость въ какой они у Англичанъ и торгъ обратить къ намъ. Сіе вамъ исполненіе поручая, пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

III.

С. Петербургъ, Января 13, 1801 года.

Василій Петровичь,

Посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до Англичанъ только, а миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помагать, и такъ проходя, ихъ увѣряйте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда на Гангесъ и тамъ на Англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобъ Китайцамъ не досталось. Въ Хивѣ высвободите столько то тысячь нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. Естьли бы нужна была пѣхота, то пришлю въ слѣдъ за вами, а не инако прислать будетъ можно.

По лучше кабы вы то одни собою сдѣлали.

Вашъ благосклонный

Павелъ.

IV.

Не собственноручное.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи Орловъ I на донесеніе ваше отъ 25 Января не имѣю вамъ ничего инаго сказать какъ апробую вами представленное.

Пребываю вамъ благосклоннымъ

Павелъ.

Собственноручная приписка,

Возьмите сколько можно. О пѣхотѣ же будучи вашего мнѣнія лучше не брать.

Въ Михайловскомъ замкѣ,
Февраля 21, 1801 года.

V.

Михайловскій замокъ
Февраля 7, 1801 года.

При семъ посылаю вамъ маршрутъ какой могъ для васъ достать, онъ дополнитъ вамъ карту и объяснитъ. Экспедиція весьма нужна и чѣмъ скорѣе тѣмъ вѣрнѣе и лучше.

Вашъ благосклонный

Павелъ.

Симъ маршрутомъ я вамъ вовсе рукъ не связываю однакоже.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРИКАЗОВЪ ПО АРМІИ

ОТДАННЫХЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ПАВЛОМЪ I.

СО ДНЯ ВСТУПЛЕНІЯ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ ДО 1 ЯНВАРЯ 1801 ГОДА.

(Составлено Современникомъ.)

Правленіе императора Павла I, какъ грозный метеоръ, явилося на горизонтѣ Россіи; дѣйствія его были тѣмъ поразительнѣе, что оно слѣдовало за вѣкомъ Екатерины II, исполненнымъ кротости и благоразумія. Россія начинала уже вкушать плоды узаконеній изданныхъ сею государынею, упрочивалося просвѣщеніе, насажденное Петромъ Великимъ; постоянныя правила ея, отъ которыхъ она рѣдко устранялася, поселили повсемѣстную тишину и спокойствіе;—какъ вдругъ при преемникѣ ея владычество законовъ начало уступать мѣсто своеволію, изчезло уваженіе къ долговременной службѣ, порождающее соревнованіе; несоразмѣрныя наказанія за легкіе проступки дѣйствовали вопреки дворянской грамотѣ; люди безъ заслугъ, безъ способностей возводимы были на первыя степени почестей, и безпрестанно выходили новыя постановленія одни другимъ противорѣчившія.

Но ни въ одной отрасли государственнаго управленія перемѣны не были столь внезапны, часты и ощутительны, какъ по военной части, нахо-

дившейся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ самаго императора, и которая посему можетъ послужить лучшимъ мѣриломъ для изображенія духа его царствованія.

Хотя государь намѣренъ былъ только дать другой видъ и образованію ея, и искоренить нѣкоторыя вкравшіяся въ оное злоупотребленія; но мѣры къ сему были приняты столь крутыя, что составъ арміи въ 4 года совсѣмъ перемѣнился. Почти всѣ заслуженные генералы, большею частію, покрытые славою, были поруганы и устранены, и мѣста ихъ заняли люди ничтожные, изъ коихъ почти ни одинъ не слыхалъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Чтобы изобразить духъ его правленія, я составилъ выписки изъ приказовъ отданныхъ по арміи со дня вступленія на престолъ императора до 31 Декабря 1800 года.

Я выбралъ изъ нихъ тѣ, которые носятъ на себѣ отпечатокъ странности. Въ нихъ заключается лучшая характеристика сего времени, а по сему я счелъ излишнимъ присовокуплять къ нимъ пространныя замѣчанія. Руководствуясь безпристрастіемъ, я не упустилъ изъ виду чертъ, служащихъ къ чести государя. Я помѣстилъ также приказы, которые по какой либо причинѣ показалися мнѣ любопытны и слѣдовали хронологическому порядку, въ которымъ приказы отдаваемы были.

1796 годъ.

7 Ноября:

Камеръ пажъ *Пелидовъ* производится въ маіоры.

9 Ноября:

Въ подполковники.

1798 годъ.

1 Января:

Въ полковники.

21 Января:

Въ генералъ-адъютанты.

3 Мая:

Въ тайные совѣтники.

Таковое скорое производство въ годъ и шесть недѣль изъ пажей въ генералы нарушало всѣ принятыя до того правила въ повышеніи чиновъ, оно было обидно старымъ служивымъ и пагубно для службы.

17 Ноября:

Нѣсколько гвардіи унтеръ-офицеровъ, за нерадѣніе и хожденіе во фракѣ разжаловываются въ солдаты безъ выслуги.

Несоразмѣрное наказаніе за шалости молодыхъ людей, едва оставившихъ родительскій домъ. Онаго даже и тѣмъ извинить нельзя, что гвардейскіе унтеръ-офицеры были при императрицѣ Екатеринѣ отмѣнно избалованы и что государь по возшествіи на престолъ намѣревался вѣроятно строгимъ примѣромъ поселить въ нихъ настоящій духъ порядка.

1 Декабря:

Генералъ *Вязмитиновъ* назначается военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ.

3 Декабря:

Въ Кіевъ.

13 Декабря:

Его же опредѣлили комендантомъ въ С. Петербургъ. Столь поспѣшное перемѣщеніе съ одного мѣста на другое показываетъ какъ императоръ или не дорожилъ званіемъ военнаго губернатора, въ каковомъ случаѣ надлежало ихъ уничтожить, что впослѣдствіе преемникомъ его не сдѣлано, или же оно показываетъ съ другой стороны сколь намѣренія его были неосновательны и непостоянны.

15 Декабря:

Учреждается во Дворцѣ тактическій классъ для штабъ и оберъ-офицеровъ; за онымъ надзиралъ генералъ-маіоръ Аракчеевъ, а уроки преподавалъ полковникъ *Канабихъ*.

Въ семъ тактическомъ классѣ, собиравшемся въ такъ называемой бѣлой залѣ Зимняго Дворца, объясняли новый воинскій уставъ.

Императоръ ежедневно посѣщалъ оный и вызывалъ учащихся предлагать ему самому вопросы въ такихъ случаяхъ, когда слушателямъ казалось что либо не ясно; онъ любилъ, чтобы кромѣ офицеровъ приходили въ сей классъ и генералы.

Фельдмаршалъ князь Репнинъ въ угодность его рѣдко пропускалъ сіи засѣданія.

Смѣшно было видѣть полководцевъ Екатерины получавшихъ уроки въ военномъ дѣлѣ отъ гатчинскихъ офицеровъ не бывшихъ на войнѣ. Канабиху, учителю сего класса, черезъ годъ послѣ того, именно въ приказѣ 2 Февраля 1798 года, отказано отъ

команды за безпорядки, а Аракчеевъ никогда не былъ военнымъ человѣкомъ.

Сверхъ того нововведенный уставъ былъ наполненъ тысячами мелочныхъ подробностей, отъ которыхъ пострадало множество заслуженныхъ генераловъ, ибо ихъ выключали изъ службы, или дѣлали имъ выговоры въ приказахъ "за незнаніе службы" то есть, за незнаніе уставовъ сего устава, что мы вскорѣ увидимъ.

1797 годъ.

1 Января.

Его императорское величество желаетъ на сей новый годъ всему войску всякаго благополучія.

Странность!

12 Января:

Спросить штабсъ-ротмистра Шувалова желаетъ ли онъ служить, ибо е. и. величество можетъ обойтись и безъ него.

Съ 15 Января по 6 Февраля, т. е. въ теченіи трехъ недѣль, какъ ниже сего значится въ четырехъ различныхъ приказахъ сдѣлана непріятность безсмертному Суворову, а наконецъ, пятымъ онъ исключенъ изъ службы.

Какое уваженіе могли требовать прочіе военные, когда съ покорителемъ Измаила и Праги поступили такимъ образомъ?

15 Января:

Выговоръ Суворову за самовольный отпускъ полковника Батурина.

25 Января:

Ему же выговоръ за присылку офицера курьеромъ безъ всякаго дѣла.

27 Января:

Суворову быть безъ команды и прибыть въ С. Петербургъ.

30 Января:

Находившихся при Суворовѣ адъютантовъ: *Тищенкова* и *Мандрину* взять прочь.

1 Февраля:

Маіоръ Лисаневичъ выключается изъ службы за *ретираду*.

Трудно понять, что это значитъ, ибо тогда Россія не вела войны ни съ одною державою.

4 Февраля:

Лисаневича принять въ службу.

5 Февраля:

Выключаются изъ службы: 5 генераловъ, 13 бригадировъ, 29 полковниковъ, 20 подполковниковъ, и 5 Маіоровъ. Не сказано за что.

26 Февраля:

Генералъ-лейтенантъ *форъ деръ Паленъ*, за почести и встрѣчи дѣлаемыя *К. Зубову* при проѣздѣ его черезъ Ригу, изключенъ изъ службы.

1 Марта:

Изключены изъ службы Гг. Маіоры: Ермоловъ, Багговутъ, Дохторовъ, Коновницынъ, Ламбертъ, Сакенъ, Тормасовъ, Бенигсенъ и другіе, за незнаніе службы. Всѣ тѣ, которые въ 1812 году увѣковѣчили себя громкими дѣлами своими!

9 Сентября:

Уволены въ одинъ день: 3 полныхъ генераловъ, 3 генералъ-лейтенантовъ, 9 генералъ-маіоровъ, 68 оберъ-офицеровъ гвардейскихъ полковъ, 90 унтеръ-офицеровъ, и одного преображенскаго полка 120 человѣкъ! не сказано за что.

1799 годъ.

3 Февраля:

Выговоръ Кутузову и фельдмаршалу графу Салтыкову, за незнаніе службы.

1800 годъ.

8 Февраля:

Умершему генералу Врангелю въ примѣръ другимъ строжайшій выговоръ.

10 Сентября:

Мичманъ *Фейшъ*, просящійся въ отпускъ въ Англію, отставленъ отъ службы.

26 Декабря:

Полковникъ *Тиньковъ* выключается изъ службы вслѣдствіе рапорта его о неотыскапіи имъ гарнизоннаго баталліона, коего онъ былъ назначенъ командиромъ.

26 Ноября:

Фельдмаршалъ кн. Репнинъ уволенъ отъ службы, не сказано за что.

14 Декабря:

Графъ Ферзенъ уволенъ отъ службы, за незнаніе службы.

1799 годъ.

15 Февраля:

Штабъ-ротмистръ *Бороздинъ,* сажается въ крѣпость, на хлѣбъ и воду, на 6 недѣль, за хвастовство, что онъ будетъ флигель-адъютантомъ.

24 Апрѣля:

Его И. В. въ благодарность подвиговъ князя Суворова, повелѣваетъ гвардіи и всѣмъ войскамъ отдавать всѣ почести подобно особѣ царской.

25 Апрѣля:

Больной полковникъ Чоглоковъ исключается изъ списковъ какъ умершій.

27 Сентября:

Выключаются изъ службы всѣ въ плѣнъ взятые и раненые.

Ужасный примѣръ!

2 Мая:

Штабъ-капитанъ Кирпичниковъ разжаловается въ солдаты съ прогнаніемъ сквозь строй черезъ 100 человѣкъ.

Строже сего приказа не было ни одного въ царствованіе Павла. Сіе обстоятельство имѣло вліяніе на то событіе, которое прекратило его правленіе.

ПОДРАЖАНІЕ ЛОМОНОСОВУ

МАРИНА.

(Писано въ царствованіе Павла I.)

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ!
Шумишь и сердишься всечасно,
Что ты давно не кавалеръ!
Внимай, что царь тебѣ вѣщаетъ,
Онъ гласомъ сборы прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ—
Смотри! каковъ въ штиблетахъ онъ!—

Речетъ: сбери всѣ силы нынѣ
И стой такъ прямо, какъ солдатъ,
Гдѣ былъ, какъ въ унтерскомъ я чинѣ
Завелъ въ Россіи вахтъ-парадъ?—
Когда маршировать заставилъ?
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть свою?
Подай-ка тактику свою.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ,
Моей обдѣланный рукою?
Ты не видалъ такихъ чудесъ.

Когда солдаты всѣ одѣты,
Какъ бы бубновые валеты,
Тянули фронтъ передо мной;
Ты тутъ вкушалъ одинъ покой.
Кто съ деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять?
Къ спинѣ бѣлеными ремнями
Лопатки вздумалъ привязать?
Мундиры съ битью золотою
Не я-ли сильною рукою
На плечи офицеръ надѣлъ
И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?
Главы острижены солдатски
Ты могъ ли пуклями снабдить?
И ихъ одѣвши по дурацки
Въ казармы кучами набить?
И вдругъ, ударивши тревогу,
Подобно звѣрю, а не Богу,
Отъ трусости какъ листь дрожать
И двухъ въ солдаты написать.
Въ болотахъ глинистыхъ и грязныхъ
Когда, и гдѣ ты увязалъ?
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?
Не зря враговъ передъ собою
Приготовлялся ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ?
И взялъ ли приступомъ ты Бибъ.*
Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кои не смогутъ говорить,
Надѣлать кучу генераловъ
И имъ полки препоручить?
Ты могъ ли эспантонъ поправить?
И подъ арестъ за то отправить?
За вздоръ изъ службы исключить
Иль на вѣкъ въ крѣпость засадить?

---

* Укрѣпленіе въ Гатчинѣ.

Твоей ли хитростью Кутайцевъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ какъ зайцевъ
Дворянство все не ставитъ въ грошъ?
Въ моихъ палатахъ обитая,
Россіянъ бѣдныхъ раззоряя,
Въ немъ видѣнъ точный Бусурманъ.
Такой талантъ тобой ли данъ?

Не яспа-ль въ томъ моя щедрота,
Велѣлъ, что головы рубить? *
Пришлась тебѣ когда охота
Кадиломъ въ церквѣ покадить?
Священной ризою одѣту
Въ себѣ представить шута свѣту,
Служа обѣдню за попа? †
Уже ли мысль сія глупа?

Ко удивленію же свѣта
Когда мундиры я кроилъ,
Зачѣмъ не подалъ мнѣ совѣта,
Чтобъ я покрой перемѣнилъ?
Когда я выдумалъ штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,
За чѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ я иной всему видъ далъ?

Ума твоего предѣлы узки
Могли ли тайну ту понять,
Что Анна * греческа, по Русски
Святую значитъ: благодать?

---

* На Дону былъ казненъ казачій полковникъ за вину, стоющую только ареста.

† Въ Гатчинѣ, въ придворной церкви Павелъ во всемъ церковномъ облаченіи служилъ обѣдню.

* Въ честь своей любовницы Анны А. Лопухиной Павелъ приказалъ на знаменахъ и штандартахъ вѣшать благодать.

Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной именемъ моей ?

Скажи ты мнѣ, въ странахъ Россійскихъ
Кто славный акціонъ завелъ,
Чтобъ кто хотѣлъ крестовъ мальтійскихъ,
За деньги, въ ономъ бы нашелъ ! *
Съ Французами два года дрался,
Чтобъ островъ Мальта намъ достался,
На коемъ нѣтъ почти людей !
Дѣла то мудрости моей !—

Возмогъ ли ты хотя однажды
Гоненье шляпамъ объявить ?
Велѣть Россіянамъ, чтобъ каждый
Престалъ бы круглыя носить ?
Пучки и сапоги съ ушами
Указомъ истребить межъ вами,
Изгнать потомъ съ заносомъ фракъ ?
А всѣ кричатъ, что я дуракъ !

Сіе служивый разсуждая,
Познай мою ты сильну власть,
И прусскій твой мундиръ таская
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Я все на пользу вашу строю :
Казню кого или покою,
Аресты, каторги сноси
И безъ роптанія терпи.

---

* Кресты мальтійскаго ордена продавались.

СМЕРТЬ ПАВЛА I.

Императоръ Павелъ I взошелъ на престолъ 6 Ноября 1799 г. Онъ былъ въ чрезвычайномъ раздраженіи противъ матери своей Екатерины II. Преданіе говоритъ, что причиною сей ненависти были фавориты Екатерины. Орловы покушались на жизнь его; Потемкинъ обращался съ нимъ съ чрезвычайнымъ презрѣніемъ и заносчивостью какъ и со всѣмъ міромъ; по его высокомѣрному характеру, Зубовъ также не умѣлъ оказать ему достаточнаго вниманія какъ наслѣднику престола. Мнѣ кажется, что коренною причиною этой ненависти было внушеніе, дѣланное Павлу при его воспитаніи. Ему натолковали съ дѣтскихъ еще лѣтъ, что Екатерина похитила престолъ, ему принадлежащій, что онъ долженъ былъ царствовать, а она повиноваться, а самолюбіе подсказывало ему, что онъ бы царствовалъ и распоряжался умнѣе ея. Самолюбіе всегда обманываетъ людей; но едва ли когда нибудь оно обманывало сильнѣе чѣмъ въ этомъ случаѣ. Послѣ такого критическаго и опаснаго переворота, которымъ Екатерина взошла на престолъ, слѣдовало бы

взять гораздо осторожнѣйшую систему въ воспитаніи наслѣдника, т. е. слѣдовало бы воспитать его такимъ кроткимъ и покорнымъ, какимъ воспитала Екатерина внука своего Александра. Но она, кажется, не смѣла смѣнить находившихся при немъ графа Никиту Ивановича Панина и не имѣла кѣмъ замѣнить его.

Такія стѣснительныя въ этомъ отношеніи обстоятельства Екатерины проистекали изъ того, что она взошла на престолъ Россійскій насильственнымъ образомъ. Странно какъ это удалось. Два гвардейскіе офицера, братья Орловы, едва ли въ капитанскихъ чинахъ, имѣя сообщниками нѣсколькихъ своихъ товарищей, безъ всякаго соучастія вельможъ, генераловъ, сената, синода и прочихъ коллегій, императрицу, гонимую мужемъ своимъ, приводятъ на удачу къ начальнику одного гвардейскаго полка, по темной надеждѣ на его къ ней расположеніе, собираютъ три полка гвардіи, убѣждаютъ присягнуть ей, низвергаютъ и задушаютъ царствующаго императора, и такимъ образомъ въ двое сутокъ дѣлаютъ совершенный въ правленіи переворотъ, которому безусловно покорилось все обширнѣйшее въ мірѣ государство безъ малѣйшаго кровопролитія ; нѣтъ ни одной жертвы, кромѣ самого вѣнценосца. Единственный тогда въ Россіи фельдмаршалъ, даровитый и прославленный своими подвигами Минихъ,— Минихъ, который уже разъ самъ перемѣнилъ правительство съ одною ротою своего полка, покушается защищать императора, но тщетно. Усилія добродѣтельнаго фельдмаршала ничтожны противъ заговора

двухъ развратныхъ, буйныхъ молодыхъ офицеровъ! Боже мой какое непостижимое происшествіе! Какая тайна, какія обстоятельства, какія отношенія, какіе поступки были причиною такого необычайнаго успѣха? Но тогда менѣе этому удивлялись, потому что привыкли къ переворотамъ. Петръ III взойдя на престолъ съ самыми добродѣтельными побужденіями на пользу своихъ подданныхъ, слишкомъ былъ лѣнивъ и слабъ характеромъ, чтобы крѣпко держать бразды правленія. Онъ только наслаждался сладостями стола и незаконной любовью къ Елисаветѣ Воронцовой, которая послѣ была за Полянскимъ. Петръ, въ жертву ей, хотѣлъ принести законную, геніальную и образованную супругу. Екатеринѣ оставались только два пути: или вѣчное заключеніе, или престолъ. Она избрала послѣдній. Петръ, сдѣлавъ себѣ врага опаснѣйшаго изъ своей супруги, противупоставилъ себѣ и націю, а особенно войско, безтолковымъ, мелочнымъ и обиднымъ для всѣхъ поклоненіемъ всему Прусскому. Уваженіе, питаемое имъ къ Фридриху II, дѣлаетъ честь его сердцу. Этотъ геній-герой и благодѣтель своего рода достоинъ былъ обожанія; но наружные признаки благоговѣнія должны быть такъ умно расчитаны, чтобы не оскорбляли никого, а наипаче тѣхъ людей, на которыхъ мы возлагаемъ свою защиту и съ которыми хотимъ пріобрѣсти себѣ славу. Вотъ ближайшія причины, доставившія быстрый успѣхъ Екатеринѣ. Но кромѣ того существовала, хотя и отдаленная, но столько же важная.

Петръ I, по ненависти къ сыну своему Алексѣю, котораго онъ измучилъ пытками и умертвилъ, разрушилъ порядокъ наслѣдства по первородству, утвержденный вѣками и предоставилъ царствующему государю назначать по себѣ наслѣдникомъ кого ему вздумается, безъ всякого ограниченія. Не прошло полусутокъ послѣ его кончины, какъ изъ этого указа уже сдѣлано злоупотребленіе. Извѣстно, что Менщиковъ съ нѣсколькими гренадерами выломалъ дверь той залы, въ которой главные государственные чиновники совѣщались объ избраніи наслѣдника, и съ обнаженною шпагою провозгласилъ императрицею Екатерину I, возникшую изъ черни и преданную ему совершенно, съ тѣхъ еще поръ, когда она была въ домѣ его служанкою. Съ легкой руки Менщикова, 75 лѣтъ продолжались перевороты, изъ которыхъ составилась пословица : кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ. Едва умеръ Петръ II, какъ Иванъ Долгорукій также съ обнаженною шпагою, взошелъ въ залу собранія и провозгласилъ сестру свою императрицею. Ему бы и удалось, если бы хотя за сутки до кончины императора она была обвѣнчана съ нимъ. Нѣсколько чиновниковъ избираютъ императрицею Анну, обходя семейство Петра I и предписываютъ ей условія. Анна Іоановна, при собраніи своего двора, не прося согласія ни сената ни народа, раздираетъ эти условія, объявляетъ себя самодержавною и предаетъ Россію на волю бывшаго своего конюха Бирона. Елисаветѣ стоило только войти во дворецъ, взявъ изъ колыбели импе-

ратора Іоанна, отдать его въ руки гренадеръ, чтобъ объявить себя царствующею. Перемѣнить царствующую особу было также легко, какъ перемѣнить министра, но перемѣнить министра было тогда труднѣе чѣмъ теперь. Надобно было внезапно и вооруженною силою захватить Менщикова и Бирона, чтобъ отнять у нихъ власть. Отъ Петра до Екатерины II въ продолженіи 39 лѣтъ, было семь переворотовъ: 1) насильственное провозглашеніе Екатерины I, 2) низверженіе Менщикова, 3) избраніе Анны партіею, самовольно составившеюся, 4) уничтоженіе принятыхъ ею условій, 5) арестъ и ссылка Бирона, 6) воцареніе Елисаветы и 7) восшествіе на престолъ Екатерины II. Вотъ еще—какъ скончался Павелъ I. Все это суть слѣдствія Петрова постановленія о наслѣдствѣ. Этотъ безумно-деспотическій законъ отдалъ Россію на произволъ интригъ и заговоровъ. Онъ, такъ сказать, кинулъ ее на драку честолюбцамъ, подобно тому какъ Римская имперія безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки съ насильственною смертію царствующихъ, по произволу преторіанскихъ солдатъ. Въ Римѣ избрать императора, значило почти тоже самое, что осудить на смерть, а пожаловать въ префекты преторіи почти тоже, что открыть путь къ престолу. Послѣ такого рода примѣровъ, Екатерина конечно могла надѣяться, что сынъ ея не долженъ питать къ ней ожесточенной ненависти за ея похищеніе, но все-таки слѣдовало ему внушить, что ежели бы мать его заключена была въ монастырь и потомъ, вѣроятно, лишена жизни, то

императоръ Петръ III, женясь на Воронцовой, едва ли бы сдѣлалъ его наслѣдникомъ и едва ли бы призналъ его сыномъ своимъ, и что безъ сомнѣнія онъ сдѣлался бы вскорѣ жертвою своей мачихи, которая не преминула бы имѣть дѣтей, а можетъ быть, также смѣнена бы была другою. Страсти сильнѣе дѣйствуютъ на престолѣ и не въ такомъ слабомъ государѣ какъ Петръ III. Напротивъ, Павелъ былъ направленъ совсѣмъ къ противуположному. Правда, что графъ Панинъ доставилъ ему хорошее умственное образованіе, но характеръ его былъ совершенно испорченъ. Запосчивость и необузданность страстей, щедрость и мстительность въ высочайшей степени, подозрительность на каждомъ шагу и трусость при видѣ опасности, нетерпѣливость въ волѣ, словомъ сказать ожесточенные и самые неумѣренные порывы составляли весь характеръ Павла. Глубокая, закоренѣвшая ненависть ко всему тому, что учреждено Екатериною, дѣлало порывы его еще вреднѣе и опаснѣе. Взойдя на престолъ, котораго ожиданіемъ онъ истомился, съ такою раздраженною злобою онъ сталъ коверкать все, и гражданскую и военную часть, и внѣшнія отношенія государства, а паче всего страсть къ экзерциціямъ и запальчивая взыскательность за малѣйшія ошибки во фрунтѣ, возстановили противъ него войско и все дворянство. Нѣмцы, вышедшіе изъ камеръ-лакеевъ и ремесленниковъ, и самые мелкопомѣстные дворяне, едва знавшіе грамотѣ, выслужившіеся черезъ педантскую Гатчинскую

службу, стали угнетать и презирать дворянство избалованное Екатериною. Оно раздражилось, писало пасквили и карикатуры, подкладывало самому императору насмѣшливыя и ругательныя письма. Онъ въ ярости требовалъ немедленнаго отысканія виновныхъ; полиція, чтобы удовлетворить его изступленному нетерпѣнію, хватала по малѣйшему подозрѣнію часто невинныхъ, такъ что наконецъ вошло уже въ систему схватывать кого ни попало, лишь бы скорѣе кто зазѣвался и не снялъ шляпы, кто не успѣлъ выйти изъ экипажа, кто переѣхалъ дорогу императору, всѣхъ брали въ полицію: лошадей подъ артилерію, людей наказывали палками. Господа трепетали, въ домахъ; всѣ приходили въ волненіе, если кто нибудь изъ домашнихъ не скоро возвращался, тогда предполагали, что могутъ встрѣтить государя.

Павелъ чрезмѣренъ былъ во всемъ, и въ злобѣ и въ любви. Влюбясь въ фрейлину свою Нелидову и встрѣтя упорное сопротивленіе, онъ предлагалъ ей умертвить свою жену. Нелидова объявила о томъ Маріи Ѳедоровнѣ, которая до самой кончины своей сохранила къ Нелидовой самую нѣжную дружбу и благодарность. Нелидова, для большей безопасности, отъ его преслѣдованій, поселилась въ Смольномъ монастырѣ. Однажды Павелъ, находясь тамъ съ фамиліею своею на дѣтскомъ балѣ, вдругъ изъ танцовальной залы пошелъ по корридорамъ монастыря. Экономъ этого заведенія, графъ Кутайсовъ и еще кто то третій послѣдовали за нимъ. Онъ скорыми шагами прошелъ въ комнаты Нелидовой, отдернулъ занавѣсь

ея кровати и съ восторгомъ восклицая: "это храмъ добродѣтели, это храмъ непорочности, это единственная божественная женщина, она божество въ образѣ человѣческомъ"—сталъ на колѣни, нѣсколько разъ поцѣловалъ постель и потомъ отправился назадъ. Нелидова все это время находилась въ танцовальной залѣ при императрицѣ. Мнѣ сказывалъ это одинъ изъ трехъ очевидцевъ. Всѣмъ извѣстно какъ страстно обожалъ Павелъ Анну Петровну Лопухину, впослѣдствіи княгиню Гагарину. Гренадерскія шапки, знамена, флаги кораблей и самые корабли украшены были именемъ *благодати*, потому что Анна по гречески значитъ благодать. Сколько было жертвъ его ревности и сколько милостей къ ея родству.

Павелъ ежедневно выходилъ на свои вахт-парады и другія экзерциціи и очень часто былъ ими недоволенъ, такъ что по нѣскольку офицеровъ вдругъ были тяжело штрафованы. Ихъ тутъ же хватали изъ фронта, сажали въ кибитки и отвозили въ Сибирь, въ дальніе гарнизоны, въ крѣпости, или разжаловали въ солдаты. Сихъ послѣднихъ тутъ же передъ фронтомъ передѣвали въ солдатскіе мундиры, срывая съ нихъ офицерскіе признаки и разрывая платье. Императоръ иногда самъ наносилъ имъ по нѣскольку ударовъ палкою. Будучи недоволенъ успѣхомъ въ этихъ любимыхъ своихъ экзерциціяхъ, въ которыхъ онъ все переиначилъ и требовалъ съ нетерпѣливостью быстроты и точности, къ чему, правду сказать, и трудно довести было неповоротливую Екатерипенскую гвардію, императоръ вообразилъ,

что недовольно для того учить солдатъ и офицеровъ и учредилъ во дворцѣ тактическій классъ, гдѣ какому-то школьнику изъ фехтовальныхъ учителей приказалъ читать лекціи для всѣхъ старыхъ и заслуженныхъ генераловъ. Самъ Суворовъ принужденъ былъ слушать эти уроки. Это не столько раздражало Суворова, который отшучивался очень остро, сколько всю націю. Она гордилась своими побѣдами при Екатеринѣ и геніемъ своихъ генераловъ, а наипаче Суворова. Нація негодовала на эти педантства, а императоръ сдѣлался смѣшнымъ. Все это и могло бы кончиться насмѣшками, еслибы не было ссылокъ, заточеній въ крѣпости и казематы, наказаній кнутомъ, рванья ноздрей, отрѣзыванія языковъ и ушей и прочихъ немаловажныхъ истязаній. Въ извиненіе этого говорятъ, что самаго Павла раздражали необыкновеннымъ образомъ. Но кто подавалъ къ тому поводъ? И какъ можно унять цѣлую націю, которая видитъ себя управляемою съ жестокосердіемъ, педантствомъ и безразсудствомъ. Возстановляя противъ себя дворянство и войска, Павелъ находился еще въ заблужденіи будто привязываетъ къ себѣ чернь тѣмъ, что онъ далъ свободу расколамъ и запретилъ помѣщичьихъ крестьянъ держать на барщинѣ болѣе трехъ дней въ недѣлю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздавалъ свободныхъ крестьянъ въ крѣпостное владѣніе своимъ приверженцамъ и Гатчинскимъ выслуживцамъ, и при случавшихся отъ того возмущеніяхъ повелѣвалъ не рѣдко наказывать кнутомъ. И такъ, изъ всѣхъ сословій развѣ только

одно духовенство, не имѣло противу него негодованія. Такимъ образомъ стонала Россія болѣе четырехъ лѣтъ. Всѣ ежеминутно были въ трепетѣ и въ волненіи; но при всемъ томъ никто и не поминалъ о возмущеніи. Въ такомъ обширномъ и малонаселенномъ государствѣ какъ Россія, возстаніе въ провинціяхъ невозможно, а въ столицахъ все было разсѣяно и раздѣлено. Екатерининскіе вельможи, были разосланы по деревнямъ, государственныя мѣста были заняты людьми самыми ничтожными и необразованными, и Россія терпѣла бы еще долгое время это ужасное ярмо, не смѣя и желать прекращенія онаго, если бы императоръ былъ благоразумнѣе или хотя осторожнѣе во внѣшнихъ сношеніяхъ съ другими державами. Онъ поссорился съ многими и хотѣлъ 5 или 6 государствамъ вдругъ объявить войну, а паче всѣхъ онъ раздражилъ Англію до такой степени, что она-то ему и нанесла ударъ смерти. Посломъ этой державы при дворѣ Петербургскомъ былъ г. Ватвортъ. Не знаю изъ Англіи ли ему сообщена мысль объ убійствѣ императора Павла, или она родилась въ Петербургскомъ ему пріязненномъ обществѣ и подкрѣплена изъ Лондона многими денежными пособіями по его сообщенію, но знаю что первый заговоръ о томъ сдѣланъ между нимъ и Ольгою Александровной Жеребцовой, сестрою Зубовыхъ, съ которой онъ имѣлъ любовную связь. Она рѣшилась, посовѣтовавшись объ этомъ съ графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ, который жилъ тогда удаленный въ деревню. Весьма любопытно знать кто

такой этотъ Панинъ? Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель Павла, не имѣлъ дѣтей, почему для совмѣстнаго ученія съ своимъ царскимъ воспитанникомъ, взялъ роднаго своего племянника Никиту, сына извѣстнаго генерала Петра Иван. Панина.

Екатерина до излишества ласкала обоихъ этихъ братьевъ Паниныхъ, а они гордо вели себя противъ нея. Не удивительно: она частію имъ обязана была престоломъ и жизнію. Никита Петровичъ, возрастая вмѣстѣ съ Павломъ и часто отнимая у него игрушки, думалъ продолжить ту же короткость и сохранить ту же силу во всемъ противъ царствующаго императора. Павелъ былъ очень великодушенъ, открытъ и благороденъ; онъ помнилъ прежнія связи, желалъ имѣть друзей и хотѣлъ любить правду, но не умѣлъ выдерживать этой роли. Должно признаться, она чрезвычайно трудна. Почти всегда, подъ видомъ правды говорятъ царямъ рѣзкую ложь, потому что она какимъ нибудь косвеннымъ образомъ выгодна тому кто ее сказалъ. Павелъ товарища дѣтства своего сдѣлалъ вице-канцлеромъ и обращался съ нимъ по прежнему. Но какъ Павелъ былъ раздражителенъ, а графъ Панинъ неотмѣненъ и самонадѣянъ, то между ними выходили вспышки. Однажды императоръ, раздраженный чѣмъ-то, бѣжалъ отъ него скорыми шагами вдоль всего дворца въ эрмитажъ. Панинъ шелъ за нимъ. Кажется лучше было бы оставить раздраженнаго царя нѣсколько успокоиться. Остановясь противъ Генриха IV, императоръ воскликнулъ: " Вотъ счастливый государь! онъ имѣлъ друга въ

такомъ великомъ министрѣ каковъ Сюлли, а у меня его нѣтъ." Графъ Панинъ въ эту почтенную минуту не оставилъ въ покоѣ государя. Онъ, стоя въ отдаленіи, отвѣчалъ : "Будь ты Генрихомъ, будутъ и Сюлли!" Не знаю за это ли, или за другую какую нибудь настойчивость и дерзость Павелъ сослалъ своего канцлера въ деревню. Эта-то ссылка была причиною такого ужаснаго озлобленія Панина противъ своего государя, что когда Ватвортъ и Жеребцова задумали отъискать цареубійцъ, то обратились къ нему первому за совѣтомъ. Съ этимъ посланіемъ отправленъ былъ отъ нихъ къ Панину г. Рибасъ, извѣстный хитрецъ, бродяга и факторъ италіянскій, котораго происхожденіе есть слѣдующее.

Императрица Елисавета Петровна имѣла незаконную дочь, которую не знаю почему, называла княжною Таракановою. Эта несчастная дѣвушка съ посредственнымъ состояніемъ, даннымъ ей отъ матери, поселилась въ Италіи. Когда Екатерина такъ незаконно взошла на престолъ, то разумѣется были люди противъ нея вопіющіе. Эти неудовольствія достигли слуха Таракановой и она имѣла безразсудство иногда высказывать, что скорѣе бы ей принадлежалъ престолъ Россійскій, чѣмъ принцессѣ Ангальтъ-Цербской. По отдаленности мѣста, по недостатку дарованій и по бѣдности средствъ этой княжны Таракановой, кажется не стоило бы труда обращать на нее вниманіе. Однако же обратили. Екатерина поручила брату фаворита своего Алексѣю Орлову, котораго богатырская рука удавила императора Петра III въ Ропшѣ

въ 1762 г., похитить изъ Италіи эту бѣдную княжну, когда онъ возвращался побѣдителемъ съ Чесменскаго боя. Алексѣй Орловъ нашелъ себѣ въ Италіи фактора, который на подобіе польскихъ жидовъ, сводничаетъ дѣвокъ, шпіонитъ, а иногда, когда уменъ, употребляется и на государственныя тайныя дѣла и пронырства. Этотъ-то факторъ былъ Рибасъ. Онъ вмѣстѣ съ Орловымъ заманили княжну Тараканову на корабль и изнасильничали ее, привезли въ Петербургъ и заключили въ казаматъ Петропавловской крѣпости, гдѣ она въ наводненіе 1777 г. утонула.

Рибасъ имѣлъ необыкновенныя способности и пронырства, почему былъ рекомендованъ императрицѣ, которая поручила ему воспитаніе гр. Бобринскаго сына своего. Онъ впослѣдствіи женился на Бецкой, былъ полнымъ адмираломъ, нажилъ большое состояніе, но не переставалъ факторить. Говорятъ, что Рибасъ привезъ отъ Панина планъ заговора, по которому и дѣйствовали, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ предположеніяхъ.

Вѣроятно этотъ планъ состоялъ въ указаніи лицъ, на которыхъ можно было положиться. И вотъ приступили къ дѣлу.

Нужно было вызвать ко двору Зубовыхъ; обратились къ Кутайсову, первому фавориту и прислужнику императора, возникшему изъ камердинеровъ. Простыя убѣжденія были не сильны; надобно было какъ говорится, задѣть за живое. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ написалъ письмо къ Кутайсову, которымъ

просилъ руки его дочери. Сестра его дала почувствовать, что тогда только бракъ можетъ состояться, когда князь будетъ вызванъ въ Петербургъ и получитъ назначеніе, приличное своему чину, равномѣрно и братья его Николай и Валеріанъ. Обуяла радость графа Кутайсова. Онъ никакъ не воображалъ, что государственные люди готовы на всѣ преступленія. Ему титла, богатства, чины, ордена и почести достались за хорошое чищенье сапоговъ и стоили только мелкихъ, почти невинныхъ хитростей противъ царя, а кто долго тащился по этому скользкому пути, тотъ знаетъ, что эти награды часто стоятъ и чести, и совѣсти, и самаго спасенія души. Онъ никакъ не умѣлъ догадаться, что это игра на жизнь и на смерть и что это письмо поставлено va banque.

Павелъ былъ въ такомъ предубѣжденіи и негодованіи противъ Зубовыхъ, что не легко было исходатайствовать ихъ возвращеніе. Сказываютъ, будто бы Кутайсовъ признался императору въ своемъ малодушномъ желаніи сродниться съ такою знатною фамиліею и показалъ ему письмо кн. Зубова. Какъ бы то ни было, только Зубовы возвращены. Платонъ и Валеріанъ были назначены шефами кадетскихъ корпусовъ, а Николай оберъ-шталмейстеромъ. Павелъ ласкаво и съ открытою душою встрѣтилъ ихъ въ дворцѣ и сказалъ: "Платонъ Александровичъ, забудемъ прошедшее!" Послѣ такого пріема, не понимаю чего хотѣли эти люди. Неужели они рисковали собою изъ искренняго сострадания къ бѣдамъ отечества? Не вѣрю такой добродѣтели въ душахъ придворныхъ.

Надобно полагать, что Зубовы пріобрѣли нѣкоторое вліяніе на императора посредствомъ Кутайсова или посредствомъ своей притворной преданности. Стали обращать вниманіе государя на полицію, такъ чтобы онъ былъ недоволенъ ею, и потомъ присовѣтовали ему сдѣлать военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ графа фон-дер-Палена, находившагося тогда въ отставкѣ. Я самъ слышалъ изустно отъ графа Петра Алексѣевича, что когда былъ присланъ отъ Павла къ нему курьеръ съ приглашеніемъ вступить въ службу военнымъ-губернаторомъ Петербурга, то первое его движеніе было отказаться отъ этого; но вмѣстѣ съ тѣмъ, сказалъ онъ мнѣ, пріятели мои увѣдомляли меня, что это нужно, то я и рѣшился принять приглашеніе. Не знаю кто были эти пріятели, но полагаю, что выборъ этого лица былъ сдѣланъ по указанію Панина. Ф. д. Паленъ, вступя въ должность военнаго-губернатора, дѣйствовалъ самымъ искуснѣйшимъ образомъ: онъ вооружилъ противъ царя и войско и жителей. Между тѣмъ у Зубовыхъ собирались маленькія вечеринки и они высматривали кого избрать въ свои товарищи для послѣдняго рукопашнаго дѣйствія. Къ сему нужны были военные и преимущественно начальники частей. Вѣроятно и женщины содѣйствовали этому дѣлу. Сюда привлечены были генералъ Беннгсенъ и Уваровъ, командиръ кавалергардскаго полка, который послѣ женатъ былъ на бойкой и разгульной вдовѣ Валеріана Зубова, начальникъ конно-гвардейской артиллеріи— полковникъ кн. Владиміръ Яшвиль, артиллерійскій

штаб-офицеръ—Татариновъ, и нѣкоторая молодежъ, какъ-то Николай Бибиковъ, Евсей Гордоновъ адъютантъ Уварова, Сергѣй Маринъ, Аргамаковъ. Два послѣдніе по вліянію начальника ихъ генерала Талызина. Обращая вниманіе на командующихъ полками гвардій, заговорщики были довольно затруднены. Кологривовъ, начальникъ Лейбъ-гусарскаго и Милютовъ Измайловскаго полка были преданы императору, и имъ много облагодѣтельствованы; Леонтій Депрерадовичъ былъ человѣкъ сомнительный; однакоже и съ него взяли слово къ согласію. Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка былъ единственною надежною подпорою заговорщиковъ и вѣроятно былъ умышленно рекомендованъ императору на это мѣсто съ тою цѣлію и указанъ графомъ Панинымъ. Однажды поздно вечеромъ, Талызинъ, возвратясь домой, находитъ въ своемъ кабинетѣ на столѣ запечатанное письмо. Распечатываетъ,—оно отъ графа Панина, который проситъ его содѣйствовать ф. д. Палену въ заговорѣ противъ императора, говоря что онъ уже рекомендовалъ его какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка военному-губернатору. Талызинъ истребилъ письмо и ждалъ послѣдствій. Ф. д. Паленъ, увидя его во дворцѣ, спрашивалъ при всѣхъ—получилъ ли онъ письмо отъ графа Панина, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, просилъ его къ себѣ въ 6 часовъ на совѣщаніе. Тутъ они познакомились и условились. Вотъ какъ дѣлаютъ опытные заговорщики. Въ такомъ положеніи заговоръ находился до конца 1800 года. Слухи о немъ проникали во всѣ кружки Петербург-

скаго общества. Число сообщников умножилось, время текло, а заговорщики медлили. Чего еще поджидали—неизвѣстно. Вѣроятно опасность предпріятія поколебала ихъ души. Но между тѣмъ императоръ самъ ускорялъ исполненіе ихъ замысловъ: онъ день отъ дня становился запальчивѣе и безразсуднѣе въ своихъ взысканіяхъ, не примѣчая того, что его умышленно раздражаютъ, дабы произвести болѣе недовольныхъ. Наконецъ заговоръ сдѣлался до такой степени извѣстнымъ, что и самъ Павелъ узналъ объ немъ. Въ распаленіи гнѣва своего, надѣлавъ множество непріятностей на вахтпарадѣ, онъ призываетъ къ себѣ военнаго-губернатора ф. д. Палена и говоритъ: „ знаете ли вы сударь, что было въ 62 году?" — Знаю государь, отвѣчалъ Паленъ. — „А знаете ли что теперь дѣлается?"—Знаю.—„А что же вы сударь, ничего не предпринимаете по званію вашему военнаго-губернатора? и знаете ли кто противъ меня въ заговорѣ?"—Знаю ваше величество! вотъ списокъ заговорщиковъ и я самъ въ числѣ ихъ. — „Какъ сударь?"—Иначе какъ могъ бы я узнать ихъ всѣхъ и всѣ ихъ замыслы? Я умышленно вступилъ въ число заговорщиковъ, чтобы подробнѣе узнать всѣ ихъ намѣренія.—„Сей часъ, сударь, схватить ихъ всѣхъ, заковать въ цѣпи, посадить въ крѣпость, въ казаматы; разослать въ Сибирь, на каторгу, въ рудокопни!"—возопилъ императоръ, расхаживая скорыми шагами по комнатѣ. — Ваше величество, возразилъ Паленъ. Извольте прочесть списокъ! тутъ ваша супруга, оба сына, обѣ невѣстки. Какъ можно ихъ взять безъ

особеннаго повелѣнія вашего? Взять все семейство вашего величества подъ стражу и въ заключеніе, безъ явныхъ уликъ и доказательствъ, столь опасно и ненадежно, что можно взволновать всю Россію и не имѣть еще чрезъ то вѣрнаго средства спасти особу вашего величества. Я прошу васъ, государь, ввѣриться мнѣ, дать мнѣ своеручный указъ, по которому бы я могъ все то исполнять что вы приказываете, но исполнять тогда, когда на это будетъ удобное время, т. е., когда я уличу въ злоумышленіяхъ кого нибудь изъ фамиліи вашей, а остальныхъ заговорщиковъ тогда уже схвачу безъ затрудненія. Павелъ дался въ этотъ обманъ и написалъ указъ, повелѣвающій императрицу и обѣихъ вел. княгинь развести по монастырямъ, а наслѣдника престола и брата его Константина заключить въ крѣпость, а прочимъ же заговорщикамъ произвести жесточайшее наказаніе. Паленъ съ этимъ указомъ отправился къ наслѣднику, и съ помощію нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ исторгнулъ у него согласіе низвергнуть съ престола отца его.

Раздраженіе Павла возрастало каждый день болѣе и болѣе. За два или за три дня до своей кончины, онъ многимъ державамъ велѣлъ объявить войну. Курьеры въ этотъ день были задержаны, и это еще болѣе ускорило его смерть и еще болѣе склонило наслѣдника на предложеніе заговорщиковъ. Однакоже онъ упорно настаивалъ, чтобы не лишать отца жизни. Хотя это ему обѣщали, но онъ долженъ былъ предвидѣть что дѣло было невозможно—лишить

самодержавнаго государя престола, оставивъ ему жизнь.

Коль скоро Павелъ не умѣлъ обуздывать сердца своего до такой степени, что даже увлекался въ гнѣвѣ противъ равносильныхъ ему иностранныхъ державъ, то уже разумѣется, что противу подданныхъ своихъ негодованіе его доходило до величайшаго изступленія. Послѣ извѣстія о заговорѣ и послѣ того какъ онъ злобился и подозрительнымъ окомъ смотрѣлъ и на жену и на дѣтей своихъ, разумѣется что заговорщики не могли его оставить въ такомъ сомнительномъ и опасномъ для обѣихъ сторонъ положеніи. Надобно полагать, что выше приведенный его разговоръ съ гр. Паленымъ былъ не ранѣе какъ 10 или 11 Марта поутру, а вѣроятнѣе что 11. Въ этотъ день императоръ былъ очень гнѣвенъ на своемъ вахтпарадѣ или разводѣ, однакоже не сдѣлалъ никого несчастнымъ. Вѣроятно уже страхъ удерживалъ его нѣсколько. Послѣ развода военный губернаторъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи собраться въ его квартиру. Прямо изъ экзерциргауза офицеры отправились къ нему и ждали болѣе часа.

Ф. д. Паленъ все былъ во дворцѣ. Онъ, пройдя домой особымъ подъѣздомъ, немедленно вышелъ къ собравшимся, и съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицемъ, довольно грознымъ голосомъ сказалъ имъ: " Господа! государь приказалъ объявить вамъ, что онъ службою вашею чрезвычайно недоволенъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность, невниманіе къ его приказаніямъ

и вообще небреженіе въ исполненіи вашей должности, такъ что ежели онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то онъ приказалъ вамъ сказать, что онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не отыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и стараться вести себя лучше." Всѣ разъѣхались съ горестными лицами и съ уныніемъ въ сердцѣ. Всякій желалъ перемѣны. И вотъ что случилось того же дня въ Семеновскомъ полку: командиръ его генералъ-маіоръ Депрерадовичъ одному изъ баталліонныхъ адъютантовъ молодому прапорщику лѣтъ 16 или 17 приказалъ явиться къ себѣ послѣ развода. Тотъ отъ воен.-губернатора пріѣжаетъ къ нему. "У тебя есть карета?" спрашиваетъ начальникъ.—Есть, в. п-во.—"Гдѣ ты сегодня обѣдаешь?" — У тетки моей такой-то. — "Ты не отпустишь ли карету домой или куда въ другое мѣсто?" Нѣтъ в. п-во; а впрочемъ какъ прикажете. — "Нѣтъ этого не надобно, тѣмъ лучше. Пойди сей часъ къ казначею и принеси отъ него ящикъ съ патронами; онъ такой величины, что положится въ карету, подъ мѣсто сидѣнья. Возьми эти патроны и уложи ихъ осторожно, храни цѣлый день. Да смотри же, не отпускай карету никуда, а вечеромъ въ 9 часовъ пріѣзжай ко мнѣ въ той же каретѣ и съ патронами." — Молодой человѣкъ отвѣчалъ—"Слушаю-съ" — и самъ стоялъ какъ остолбенѣлый и смотрѣлъ генералу своему въ глаза. "Ну больше ничего, ступай! сказалъ Депрерадовичъ и будь скроменъ : у насъ сегодня будетъ новый императоръ." Юноша отправился съ радостью въ сердцѣ и былъ увѣренъ, что всѣ его

товарищи встрѣтятъ эту новость съ восхищеніемъ. Но онъ умѣлъ соблюсти тайну, не далъ ее проникнуть ни даже своимъ кузинамъ. Съ товарищами своими онъ въ тотъ день не видался. Въ 9 часовъ вечера адъютантъ пріѣзжаетъ къ своему генералу и тотъ ему говоритъ : "Поди на полковой дворъ; тамъ собранъ баталіонъ въ строю; обойди по шеренгамъ и раздай патроны самъ каждому солдату въ руки по свертку, какъ они приготовлены." Адъютантъ исполнилъ это приказаніе и послѣ того, часа полтора или болѣе спустя, пришелъ Депрерадовичъ, и обойдя по шеренгамъ, сталъ по серединѣ, и самымъ тихимъ голосомъ скомандовалъ. "Смирно! Заряжай ружья съ патронами!" Во время заряжанья ихъ безпрестанно повторялъ "тише, какъ можно тише." — Наконецъ, довольно медля, спросилъ: "Все ли готово?" и потомъ, также весьма тихо скомандовалъ : "По отдѣленіямъ, на право, маршъ." Господа офицеры, тише нежели въ полголоса скомандовали "стой," а генералъ также "маршъ"—путь свой направили къ Михайловскому замку, идя сколь возможно медленнѣе безъ всякаго шума и розговоровъ. Офицеры соблюдали молчаніе и рядовымъ приказывали то же.

Въ Преображенскомъ полку дѣлались такія же приготовленія, но не такъ медленно. Не смотря однакоже на большую гласность заговора, немногіе гвардейскіе офицеры приглашены были къ содѣйствію. Преображенскій баталіонъ выведенъ былъ только съ 6 офицерами. Въ Семеновскомъ было около того же числа, и изъ тѣхъ нѣкоторые пригла-

шены были почти въ самую минуту дѣйствія. Мнѣ извѣстно, что къ одному Преображенскому офицеру, который жилъ у своего родственника, пріѣхалъ полковой адъютантъ Аргамаковъ съ другими офицерами около 11 часовъ вечера и, остановясь у подъѣзда, послали звать его къ себѣ въ карету. Офицеръ былъ въ халатѣ и туфляхъ; онъ такъ и пошелъ къ нимъ. Хозяинъ квартиры поручилъ ему звать гостей сихъ убѣдительно въ комнату, но по прошествіи получаса, узналъ что они родственника его увезли съ собою и что въ карету къ нему подали всю фрунтовую одежду и все вооруженіе офицерское. Хозяинъ зналъ о заговорѣ; но такъ какъ разговоры объ этомъ прислушались, въ досадѣ что пріятели не взошли къ нему, не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія, такъ что безъ размышленія легъ спать и поутру разбуженъ былъ уже поздравленіями съ новымъ царемъ. Въ подпору заговорщикамъ не было другой вооруженной силы какъ баталліонъ Преображенскаго полка. Въ Измайловскомъ полку довольствовались тѣмъ, что послали нѣкоторыхъ офицеровъ напоить пьянѣе обыкновеннаго командира онаго генералъ-лейтенанта Милютина. И этотъ противъ своего благодѣтеля!

Командиръ лейбъ-гусарскаго полка Кологривовъ тоже любилъ подгулять, а такъ какъ онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ подъ гнѣвомъ государя, то ф. д. Паленъ послалъ именемъ императора его арестовать, почему онъ не смѣлъ выѣхать изъ дому, ничего не зналъ и также прогулялъ съ пріятелями.

Опаснѣйшій для заговорщиковъ изъ всѣхъ приверженцевъ государя, графъ Аракчеевъ, былъ также въ немилости и въ отставкѣ въ своемъ Грузинѣ. Павелъ, узнавъ уже о заговорѣ, и можетъ быть несовершенно довѣряя Палену, послалъ къ нему приказаніе пріѣхать. Его ожидали въ Петербургъ въ туже ночь съ 11 на 12 Марта. Вѣроятно, что это самое обстоятельство заставило эту самую ночь избрать для исполненія заговора, дабы упредить пріѣздъ Аракчеева. Военный губернаторъ приказалъ на заставѣ не впускать графа Аракчеева въ городъ, а задержавъ, прислать спросить о въѣздѣ его, объявя что это по волѣ императора.

Такимъ образомъ отстранены были всѣ тѣ, которыхъ они могли опасаться, кромѣ Кутайсова, который ничего не понималъ. Но всего удивительнѣе какими доводами графъ Паленъ могъ убѣдить государя перемѣнить караулъ въ Михайловскомъ замкѣ. Поутру съ разводомъ, занялъ всѣ посты Семеновскій полкъ, передъ сумерками поставили Преображенскій, а во внутренній караулъ одного изъ заговорщиковъ поручика Марина. Иные увѣряютъ, будто бы Паленъ успѣлъ въ томъ, положивъ сомнѣнье государя на вѣрность начальника онаго Депрерадовича. Это невѣроятно, ибо въ такомъ случаѣ надобно было сказать Павлу, что возмущеніе въ туже ночь должно вспыхнуть; но непримѣтно, чтобы Павелъ сколько нибудь къ тому приготовился.

Наконецъ около 11 часовъ вечера (11 Марта 1800 г.) заговорщики собрались въ квартиру генералъ-лейте-

нанта Талызина, что въ лейбъ-гвардейскомъ корпусѣ, т. е. въ пристройкѣ Зимняго Дворца, гдѣ всегда квартировалъ 1 баталіонъ Преображенскаго полка. По мнѣнію многихъ, тутъ издержано большое количество шампанскаго; но родной братъ одного изъ заговорщиковъ, увѣрялъ меня твердо, что выпито было только по одному бокалу, и то уже по пріѣздѣ ф. д. Палена. Я полагаю средину между этими двумя крайностями. Около часа дожидали военнаго губернатора, въ половинѣ 12 онъ пріѣхалъ. Всѣ вышли въ залу его встрѣчать. Онъ, не снимая шляпы, спросилъ: "Все ли готово?"—Все, отвѣчали ему, —"Ну хозяинъ, при этомъ случаѣ надобно шампанскаго!"—Ф. д. Паленъ, выпивая первый, сказалъ твердымъ, но скромнымъ голосомъ: "Поздравляю васъ съ новымъ государемъ!—Покуда господа, вамъ надобно раздѣлиться — нѣкоторые пойдутъ со мною, другіе съ княземъ Платономъ Александровичемъ. Раздѣляйтесь!... Никто не трогался съ мѣста. "А, понимаю, сказалъ Паленъ"—и сталъ разстановливать безъ разбора по очереди, одного на право, другого на лѣво, кромѣ генераловъ. Потомъ, обратясь къ Зубову, сказалъ: "Вотъ эти господа пойдутъ съ вами, а прочіе со мною; мы и пойдемъ разными комнатами. Идемъ!" Всѣ отправились въ Михайловскій замокъ. II Преображенскій баталіонъ пошелъ туда же скорымъ шагомъ. Впущены были они въ замокъ безъ всякаго затрудненія, и подъемный мостъ передъ ними опустился. Обѣ партіи скоро соединились, но самъ ф. д. Паленъ пошелъ въ комнаты

императрицы и, разбудя штатсъ-даму, которая всегда спала передъ спальнею императрицы, сѣлъ въ ногахъ ея кровати и сталъ разсказывать что дѣлается въ замкѣ и какъ бы предупредить о томъ императрицу, дабы не произошло какой нибудь внезапной суматохи. Между тѣмъ заговорщики были уже близь окончанія своего дѣла. Они, когда проходили внутренніе караулы, то караулъ для почести генераламъ, стоялъ передъ нимъ въ ружье, и когда прошли они далѣе, то Маринъ держалъ весь караулъ подъ ружьемъ, дабы сильнѣе содержать его въ повиновеніи, такъ что уже солдаты услышали крики и шумъ и стали роптать. Маринъ, послѣ многихъ повтореній "стоять смирно!" прибѣгнулъ къ другому средству, сказавъ: "Старые Екатерининскіе гвардейцы впередъ!" и, когда они выступили, то онъ присовокупилъ: "ежели эти негодяи гатчинскіе пикнутъ хоть слово, то въ штыки ихъ ребята!" Безъ сомнѣнія караулъ былъ подобранъ такъ, что большее число было не гатчинскихъ.

Когда заговорщики прошли къ спальнѣ императора, то у дверей оной нашли спящаго гусара. Онъ вскочилъ и возгласилъ: "Не извольте входить, императоръ почиваетъ!" Его хотѣли оттолкнуть, но онъ сопротивлялся. Николай или Валеріанъ нанесъ ему ударъ саблею такъ, что перерубилъ руку. Павелъ, услыша шумъ, вскочилъ съ кровати, но въ испугѣ не нашелъ двери, которая вела на потаенную лѣстницу и спрятался въ каминъ, заслоненный экраномъ. Заговорщики войдя, тщетно искали его нѣсколько

минутъ, но когда отодвинули экранъ, то луна освѣтила ноги стоявшія въ каминѣ. Когда вытащили Павла изъ камина, и между тѣмъ выщитывали ему всѣ его жестокости, то онъ упалъ передъ ними на колѣни, просилъ прощенія и обѣщалъ что не станетъ ничего этого дѣлать и будетъ вести себя сообразно ихъ волѣ, и предлагалъ взять отъ него подписку, въ которой онъ дастъ всякія условія, какія имъ угодно. Нѣкоторые стали излишне болтать и даже выдумывали эти условія, иные предлагали ему отречься отъ престола въ пользу наслѣдника; онъ и на это согласился. Бенигсенъ первый унялъ это пустословіе, сказавъ: "Развѣ мы затѣмъ собрались и пришли сюда, чтобы разговаривать?" Съ симъ словомъ мгновенно сплачь Николай Зубовъ ударилъ императора, стоявшаго на колѣняхъ, золотою табакеркою въ лѣвый високъ. Павелъ повалился и всѣ бросились его доканчивать. Вдругъ императрица Марія Ѳеодоровна ломится въ дверь и кричитъ: "Пустите, пустите!" Кто-то изъ Зубовыхъ сказалъ: "Вытащите вонъ эту бабу." Евсей Гордоновъ, мущина сильный, схватилъ ее въ охабку и принесъ какъ ношу, обратно въ ея спальню. Надобно замѣтить что императрица была въ одной рубашкѣ.

Долго не могли умертвить Павла; онъ былъ полонъ жизни и здоровья. Наконецъ сняли шарфъ съ Аргамакова (онъ одинъ былъ только въ шарфѣ) и, сдѣлавъ глухую петлю, задушили, оставивъ много знаковъ на лицѣ отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Тѣмъ временемъ Преображенскій баталіонъ, подъ

начальствомъ Талызина, стоялъ противу подъемнаго моста и заряжалъ свои ружья боевыми зарядами. Господа офицеры разными остротами и прибаутками возбуждали солдатъ противъ императора. Семеновскій же баталіонъ шелъ такъ медленно, что когда голова его показалась въ воротахъ дворца изъ Садовой, то князь Петръ Михайловичъ Волконскій, какъ старшій адъютантъ этого полка, бывшій тогда при наслѣдникѣ, встрѣтилъ его верхомъ и кричалъ: "Помилуйте Леонтій Ивановичъ, вы всегда опаздываете!" и на отговорки Депрерадовича, воскликнулъ: "Ну теперь все равно, поздравляю васъ съ новымъ государемъ!"

Такимъ несчастнымъ образомъ погибъ полномочнѣйшій властитель величайшей державы въ мірѣ, человѣкъ, рожденный съ великими, хорошими способностями, даже хорошо образованный и съ благородными побужденіями. Почему всѣ эти средства не спасли его отъ погибели? потому что первымъ качествомъ человѣка должно быть умѣнье управлять своими страстями, и тогда только онъ можетъ управлять другими. Гораздо бо́льшее число заговорщиковъ и гораздо осторожнѣе веденный заговоръ не могъ бы успѣть въ этомъ убійствѣ, еслибъ не было на то, такъ сказать общаго согласія всей столицы и общаго желанія всей Россіи. Правда, что Павелъ не имѣлъ такого просвѣщеннаго взгляда на бытъ государственный, который при воспитаніи сообщенъ былъ Александру. Это, опять повторяю отъ того, что Екатерина не смѣла смѣнить Панина какимъ нибудь образованнымъ Европейцемъ. Она

вѣроятно боялась притомъ, покушенія Орловыхъ, которымъ она слишкомъ предалась было сначала. Въ этомъ случаѣ, Екатерина заплатила общую дань слабости человѣческой. Притомъ же она тогда менѣе опытна была чѣмъ при воспитаніи своего внука.

Въ ночь убійства, генералъ Уваровъ съ 5 или 6 офицерами отправленъ былъ къ наслѣднику престола для удержанія его въ бездѣйствіи. Александръ плакалъ и рвался безпрестанно идти на помощь къ своему отцу. Гг. офицеры загораживали ему путь, становились на колѣни, и, простирая руки, умоляли его всѣми возможными убѣжденіями и даже ложными обѣщаніями, что Павелъ не лишенъ будетъ жизни, не стремиться къ отцу и подождать возвращенія отъ него заговорщиковъ. Такимъ образомъ протянули время до тѣхъ поръ, пока главные ихъ сообщники успѣли провозгласить его императоромъ. Благодушный Александръ отвѣтствовалъ на это поздравленіе горькими слезами, и показался на короткое время двору своему смущенъ и грустенъ.

Великій князь Константинъ въ это время былъ арестованъ отцемъ своимъ за какія-то неисправности по полку Измаиловскому, котораго онъ былъ шефомъ, и спалъ безпечно въ своихъ комнатахъ.

Нѣтъ возможности описать восторгъ столицы при распространившейся вѣсти о смерти Павла. Заговорщики, изъ дворца на разсвѣтѣ дня 12 Марта, разсыпались по знакомымъ, во всѣ концы Петербурга. Съ бѣшеною радостью вбѣгая въ дома, громогласно еще изъ прихожей кричали они. " Ура ! поздравляю

съ новымъ государемъ!" Гдѣ дома были заперты, тамъ сильно и съ крикомъ стучались такъ, что разбужали всю улицу и каждому, высунувшемуся въ окошко лицу, провозглашали свою новость. Всѣ изъ домовъ выбѣжали и пустились по городу съ этой вѣстью. Многіе столько были восхищены, что со слезами на глазахъ кидались въ обятія къ людямъ совершенно незнакомымъ и поздравляли съ новымъ государемъ. Въ 9 часовъ утра на улицахъ была такая суматоха, какъ никогда не запомнятъ. Къ вечеру во всемъ городѣ не стало шампанскаго. Одинъ, не самый богатый погребщикъ продалъ его въ этотъ день на 60,000 рублей. Пировали во всѣхъ трактирахъ. Пріятели приглашали въ свои кружки вовсе незнакомыхъ и напивались до пьяна, повторяя безпрестанно свои крики въ комнатахъ, въ окнахъ и на улицахъ. Въ тоже утро появились на многихъ круглыя шляпы и другіе, запрещенные при Павлѣ наряды; встрѣчные, размахивая платками и шляпами, кричали имъ "браво!" Весь городъ, имѣвшій болѣе 300,000 жителей, похожъ былъ на домъ сумасшедшихъ.

Императрица Марія, не смотря на суровость и невѣрность своего мужа, была также огорчена, можетъ быть родомъ смерти его и поступками заговорщиковъ съ нею. Она немедленно потребовала отъ императора, чтобы Евсей Гордоновъ былъ удаленъ. Его выписали тѣмъ же чиномъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ; но къ несчастію полкъ этотъ пришелъ на коронацію, и черезъ 5 мѣсяцевъ императрица опять

увидѣла его въ Москвѣ и опять возобновила свое требованіе. Тогда Гордонова отставили и велѣли ему безвыѣздно жить въ деревнѣ. У него съ братомъ было только 7 душъ. Онъ просилъ у товарища своего Сафонова куда ему удалиться. Тотъ присовѣтовалъ ему проситься въ Курскую губернію, и близь своего имѣнія купилъ ему душъ 50 съ землею, гдѣ Гордоновъ, успокоенный своимъ сослуживцемъ, прожилъ въ тишинѣ болѣе 30 лѣтъ. Въ 1814 г., по убѣдительной просьбѣ своихъ родныхъ, живущихъ въ С. Петербургской губерніи, онъ рѣшился ихъ посѣтить. Въ то время какъ родные съ нетерпѣніемъ его ожидали, является къ нимъ незнакомый человѣкъ и спрашиваетъ " не здѣсь-ли Евсей Гордоновъ, пріѣхавшій изъ Курска? Ему радостно отвѣчаютъ что его ожидаютъ ежеминутно, имѣя извѣстіе, что онъ уже выѣхалъ.

"Такъ я буду его дожидаться," отвѣчалъ незнакомецъ. "Я полицейскій офицеръ, присланный изъ Петербурга, чтобы отвезти его обратно." Вмѣсто радости, съ какимъ горемъ встрѣчали его родные. Онъ пріѣхалъ черезъ сутки послѣ горестнаго провожатаго и, переночевалъ только одну ночь, отправился обратно въ свое жилище.

Прочіе убійцы Павловы были большею частію разосланы по деревнямъ. Талызинъ умеръ черезъ 2 мѣсяца, Николай Зубовъ черезъ 7 мѣсяцевъ и Валеріанъ черезъ 2 года и 4 мѣсяца, какъ подозрѣваютъ всѣ, не безъ отравы. Ф. д. Паленъ былъ также удаленъ. Всѣ увѣрены въ томъ, что онъ дѣйствовалъ

на двое, и, выигрывая время, то передъ спальней императрицы, то у дверей потаенной лѣстницы, онъ прислушивался какъ идетъ дѣло, и, еслибы оно не удалось, то онъ готовъ былъ явиться на помощь Павлу и перевязать всѣхъ заговорщиковъ.

Удивительно что изъ нихъ одинъ Уваровъ, человѣкъ слабый, ограниченный и необразованный сохранилъ до самой смерти въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ милость и любовь императора Александра. Бенигсенъ употребляемъ былъ въ службѣ во все время его царствованія. Волконскій и Маринъ также не потеряли своей карьеры.

Кстати здѣсь разсказать анекдотъ, доказывающій какъ многимъ былъ извѣстенъ этотъ заговоръ. Какой то Екатерининскій вельможа (я полагаю, что графъ Апраксинъ, ибо я слышалъ это отъ престарѣлой дѣвицы Пр. А. Апраксиной, которая называла его дѣдомъ) жилъ смиренно въ домѣ своемъ на царскосельскомъ лугу. У него ежедневно былъ съѣздъ родныхъ, такъ что всегда до 20 чел. садилось за столъ. Марта 11 въ вечеру, одинъ изъ его внуковъ, камеръ-юнкеръ тогдашняго двора, молодой взбалмашный повѣса, сидя за ужиномъ, что было уже около полуночи, безотвязно просилъ у дѣдушки своего шампанскаго. Тотъ долго не хотѣлъ исполнить его прихоть, наконецъ согласился. Когда налито было шампанское, молодой человѣкъ часто поглядывалъ на часы. Наконецъ схвативъ бокалъ и громко возгласилъ: "Поздравляю съ новымъ императоромъ!" Всѣ взвизгнули въ одинъ голосъ и, выскочивъ изъ

за стола, разбѣжались по внутреннимъ комнатамъ. Повѣса, оставленъ одинъ и не дождавшись ничьего возвращенія, уѣхалъ. Черезъ нѣсколько часовъ предсказаніе его сбылось. Графиня, бывшая свидѣтельницею, говорила мнѣ, что этотъ молодой человѣкъ, по вѣтреному характеру своему и болтливому языку, никакъ не могъ быть въ числѣ заговорщиковъ и вѣрно зналъ о томъ только по слуху.

НѢКОТОРЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ БУМАГЪ

М. ДАНИЛЕВСКАГО.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВЫЙ.

Государь Петръ III имѣлъ любовницу, дурную и весьма глупую графиню Елисавету Романовну Воронцову; но ею, взошедъ на престолъ, не довольствовался, а вскорѣ всѣ хорошенькія женщины были подводимы подъ его вожделѣніе.

Алексѣй Ивановичъ Глѣбовъ, тогда бывшій генералъ-прокуроръ и Петромъ III вскорѣ пожалованный въ генералъ-кригсъ-коммиссары, подвелъ падчерицу свою *Чоглоковну* (бывшую послѣ въ супружествѣ за Алек. Ник. Загряжскимъ), а Львомъ Алекс. Нарышкинымъ, приведена на ночь къ государю, Елена Степановна Куракина.

Безстыдство ея было таково (я самъ это слышалъ отъ него), что когда послѣ ея ночеванія ночи, государь ее отвозилъ домой рано по утру, и хотѣлъ, для сохраненія ея чести, а болѣе, чтобы не узнала сіе графиня Елисавета Романовна Воронцова, ѣхать закрывши гардины кареты, она же напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ показать, выглядывая изъ окна, что она съ государемъ ночь провела.

Примѣчательна ночь сія для Россіи (какъ сказывалъ мнѣ Дмит. Вас. Волковъ, тогда бывшій секретаремъ).

Петръ III, дабы сокрыть отъ Е. Р. Воронцовой, что онъ въ сію ночь будетъ заниматься Куракиной, сказалъ громко при графинѣ Воронцовой, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіе извѣстное имъ важное дѣло въ разсужденіи благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошелъ въ спальню, гдѣ уже была Куракина, сказавъ Волкову, чтобы онъ въ эту ночь написалъ извѣстный ему указъ.

Волковъ былъ отведенъ въ кабинетъ государя и запертъ съ датской собакой.

Не зная ни причинъ, ни намѣреній государя, не зналъ о чемъ писать,—а писать надобно. Но какъ онъ былъ человѣкъ умный и догадливый, то вспомнилъ, что государь не рѣдко говорилъ съ нимъ о дарованіи *правъ вольности дворянству*. Сѣвъ, написалъ въ ночь манифестъ о семъ.

По утру, выпущенный изъ заключенія, поднесъ оный государю, который бывъ въ хорошемъ расположеніи духа, апробовалъ манифестъ и подписалъ. На другой день, манифестъ былъ обнародованъ.

Вотъ какому обстоятельству, русское дворянство обязано полученнымъ имъ правомъ.

Не токмо государь Петръ III по своему любострастью, всѣхъ окружающихъ его красивыхъ женщинъ употреблялъ, но и весь дворъ въ такое состояніе пришелъ, что каждый изъ придворныхъ,

даже женатый, имѣлъ не закрытую свою любовницу; а жены ихъ не скрываясь ни отъ мужа, ни отъ родственниковъ искали себѣ любовниковъ.

Екатерина II имѣла множество любовниковъ, коихъ она часто перемѣняла. Тѣ которые долѣе другихъ пользовались ея ласками были: *Панинъ*, *Потемкинъ* и *Орловы*. Они также имѣли подставныхъ своихъ кандидатовъ, за которыми, въ случаѣ отсутствія настоящаго любовника, посылали курьеровъ, даже въ дѣйствующую армію, во время войны.

Особая статсъ-дама (Перекусихина) должна была ихъ сперва испытывать на себѣ, и послѣ испытанія ходить съ докладомъ къ Екатеринѣ. Вотъ вся ея должность! за которую она получала награды болѣе другихъ, ведущихъ жизнь порядочную.

Можно положить основательно сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей. Вотъ нѣкоторые примѣры, которые я еще помню, и лица которые мнѣ были извѣстны. Иванъ Бутурлинъ, имѣлъ жену Анну Семенову; съ нею слюбился Степанъ Ѳедоровичъ Ушаковъ и она отошла отъ мужа своего и вышла за своего любовника и публично содѣявъ любодѣйственный сей бракъ, и противный церкви, благополучно жили, безъ нарѣканія отъ знакомыхъ и родныхъ.

Потомъ, Анна Борисовна, графиня Апраксина, рожденная княгиня Голицына, отъ своего мужа отошла. Разводъ сей былъ гражданскимъ судомъ утвержденъ. Мужа своего, за намѣреніе его, за такой ея поступокъ, ее оскорбить, посадили подъ

стражу, гдѣ онъ долго содержался. Сама вышла за мужъ за Шувалова. Такихъ примѣровъ можно сотни сосчитать, но всѣхъ не припомню.

Петръ I видя, что законъ запрещалъ князю Никитѣ Ивановичу Репнину вступить въ 4й бракъ, *позволилъ* ему *незаконную* имѣть метрессу и дѣтей его подъ именемъ Репниныхъ признать *благородными.*

Такую же имѣлъ наложницу к. Ив. Юрьевичь Тру*бецкой*, который бывъ въ плѣну у Шведовъ, и живя въ Стокгольмѣ, увѣрилъ ее, что онъ вдовъ и отъ нея имѣлъ сына, котораго именовали *Бецкимъ* и который признанъ дворяниномъ. Таковому примѣру послѣдуя, при царствованіи Елисаветы Петровны, выблядокъ к. Василія Влад. Долгорукова *Рукинъ* на равнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичь Татищевъ, не скрывая холопку свою, отнявшую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ и дѣти его *дворянство получили* и называются *Ртыщевыми.**

А сему подражая, всѣ знатные дворяне стали жить съ любовницами и дѣтей ихъ правительство въ дворянствѣ утверждало. И такъ сихъ выблядковъ размножилось, что ихъ повсюду толпами видно. Такъ явились *Лицыны* (отъ Голицына), *Ранцовы* (отъ Воронцова), которые до знатныхъ чиновъ дослужились, и старались затмить честь законнорожденныхъ и столбовыхъ дворянъ, и даже надъ ними подсмѣхались, надъ святостью законовъ и моральными правилами благопристойности.

* Отъ Платона Зубова, явились дворяне: Платоновы.

Екатерина II не имѣетъ материнскихъ чувствъ къ сыну своему, и объ всѣхъ за правило себѣ имѣетъ— ласкать и уважать человѣка пока онъ ей нуженъ, а потомъ, какъ выжатый лимонъ, бросать.

Примѣры тому суть:

Графиня *Дашкова*, способствовавшая къ вступленію ея на престолъ, впослѣдствіи впала въ немилость и сослана въ деревню на жительство.

Анна Алекс. *Матюшкина*, всегда и все время къ ней душею и тѣломъ преданная, была Екатериною загнана и отъ сей немилости умерла.

Графъ Никита Ивановичъ *Панинъ*, усердный слуга Екатерины, былъ въ числѣ главныхъ заговорщиковъ и помогавшій ей, словомъ и дѣломъ, завладѣть незаконно престоломъ, любовникъ ея, — въ старости былъ изгнанъ изъ двора съ отнятіемъ всѣхъ должностей, черезъ что, можетъ быть, и преждевременно умеръ.

Николай Ивановичъ *Чичеринъ*, служившій ей со всѣмъ возможнымъ усердіемъ и бывшій въ большой милости, былъ подъ конецъ ею безпощадно гнанъ и отъ горя скончался.

Графъ Алексѣй Петровичъ *Бестужевъ*, спомоществующій ей, когда она была вел. княгиней во всѣхъ ея намѣреніяхъ и претерпѣвшій за нее несчастіе, при концѣ жизни своей, всей ея довѣренности лишился и послѣ смерти его она его бранила.

К. Александръ Михайловичъ *Голицынъ* фельдмаршалъ, безмолвный исполнитель всѣхъ ея велѣній, безъ сожалѣнія былъ ею гнанъ и умеръ, а она, извѣ-

щенная по утру о его смерти, во весь день была весела и, бывъ вечеромъ въ концертѣ, выходя спросила своего любовника Ланского : " каковъ Алекс. Михайловичъ? " — получа извѣстіе о его кончинѣ, сдѣлала видъ что сожалѣетъ и заплакала,—а сіе показываетъ какое фальшивое имѣла сердце. И многіе другіе.

Позволила противно закону браки, какъ то : кн. Орловы женились на своихъ двоюродныхъ сестрахъ. Князь Голицынъ тоже женился на своей близкой родственницѣ; генералъ Бауръ женился на своей падчерицѣ. И можно сказать, что въ царствованіе ея, сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена была.

Лесть была развита до высшей степени. Построитъ ли кто домъ, на данныя отъ нея, а больше на ворованныя деньги, зоветъ ее на новоселье, гдѣ на иллюминаціи пишетъ : *Твоя отъ твоихъ Тебѣ приносяще*, или подписываетъ на домѣ *щедротами Великія Екатерины*, или давая праздники ей, дѣлаютъ сады, сюрпризы, декораціи, вездѣ лесть и подобострастіе изъявляющіе.

Все дворянство, видя въ поведеніи такомъ одно счастіе и богатство, а женщины удовлетвореніе своего сладострастія, пустились по таковому пути. Видя храмъ сихъ пороковъ сооруженный въ сердцѣ Екатерины, всѣ старались ей подражать. Таковъ былъ знаменитый, и воспѣтый всѣми поэтами того времени, *золотой вѣкъ Екатерины !*

ОТРЫВОКЪ ВТОРОЙ.

(Ночь съ 5 на 6 Іюля 1762 года.)

Государыня спала*. Пробило 2 часа по полуночи, когда пробудясь она увидѣла подлѣ своей кровати солдата,† который сказалъ ей: "ваше величество, не мѣшкайте ни минуты, слѣдуйте за мною."

Сказавъ это онъ вышелъ.

Удивленная Екатерина кликнула Ивановну. Онѣ одѣлись просто, чтобы не быть узнанными.

Лишь только онѣ вышли изъ спальни тотъ же солдатъ сказалъ: "карета ожидаетъ васъ у самой калитки." Императрица дошла до нея и сѣла. Орловъ занялъ мѣсто кучера и погналъ во весь опоръ, но лошади скоро устали и не могли бѣжать болѣе.

Они рѣшились итти пѣшкомъ хотя было далеко до Петербурга. Къ счастью имъ попалась телега. Императрица сѣла на нее вмѣстѣ съ Орловымъ.

* Въ Петергофѣ.

† Алексѣй Орловъ былъ тогда въ гвардіи солдатомъ.

Скоро они встрѣтили карету. Это былъ Григорій Орловъ. Онъ трепеталъ не видя долго государыни. Увидавъ ее, онъ посадилъ ее въ свою карету и поскакалъ въ Петербургъ, куда государыня и прибыла въ 7 часовъ утра 6 Іюля 1762 года.

Они пристали въ квартирахъ Измайловскаго полка, въ которомъ три роты были преданы ей и ожидали ея пріѣзда. Услышавъ стукъ экипажа, человѣкъ съ 30 гренадеръ выбѣжали ей на встрѣчу и вынули ее изъ кареты.

Екатерина видя такъ мало солдатъ изумилась, но потомъ сказала имъ : " Въ эту ночь царь хотѣлъ убить меня съ моимъ сыномъ, я спаслась бѣгствомъ и отдаюсь подъ вашу защиту." Всѣ поклялись защищать ее или умереть. Гетманъ Разумовскій пріѣхалъ вскорѣ и собралъ прочихъ солдатъ, которые всѣ признали Екатерину своею государынею.

Разумовскій, ихъ полковникъ, призвалъ священника, который привелъ ихъ къ присягѣ. Нѣкоторые, изъ бывшихъ тамъ, осмѣлились провозгласить ее попечительницею, но устрашаемые Орловыми, замолчали и только было слышно : " Да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ императрица!"

Вскорѣ полки Семеновскій и Преображенскій также присягнули. Офицеры стояли на своихъ мѣстахъ, какъ будто-бы готовились къ сраженію и только двое изъ нихъ : Преобр. полка маіоръ *Тепловъ* и поручикъ *Пушкинъ* не были преданы императрицѣ.

Императрица приказала ихъ тотчасъ же посадить подъ арестъ и сказать имъ, что она въ нихъ не имѣетъ

никакой надобности. Между тѣмъ какъ *Разумовскій*, *Волконскій*, *Брюсъ*, *Строгоновъ* и многіе другіе окружали императрицу, которая принимала присягу отъ полковъ, Григорій Орловъ поѣхалъ къ артилеристамъ, чтобы они тоже присягнули; какъ онъ былъ только казначеемъ, то никто не хотѣлъ слушать его, а требовали, чтобы онъ привезъ повелѣніе отъ *Вильбоа*. Орловъ поѣхалъ къ нему.

Генералъ Вильбоа былъ прежде любимецъ императрицы, но какъ скоро Орловъ сказалъ ему, что Екатерина приказываетъ ему идти съ полкомъ къ гвардейскимъ казармамъ, онъ спросилъ: "Развѣ императоръ умеръ? — Орловъ не отвѣчая повторилъ ему повелѣніе императрицы.

Удивленный *Вильбоа* послѣдовалъ за нимъ къ императрицѣ.

За множествомъ народа онъ едва могъ добраться до нее и удерживаемой еще присягою императору, онъ осмѣлился говорить о препятствіяхъ. Екатерина отвѣчала ему съ гордостью, что она призвала его не для того, чтобы слушать его совѣты."

"Я готовъ повиноваться в. в. отвѣчалъ Вильбоа и немедленно воротился за полкомъ, раздавъ заговорщикамъ оружіе. Вскорѣ присягнули ей около 2,000 человѣкъ солдатъ и многіе Петербургскіе жители.

По совѣту Разумовскаго она поѣхала въ Казанскую церковь, гдѣ было все готово къ ея пріему.

Окна и двери домовъ были наполнены зрителями. Епископъ Новгородскій,* въ полномъ облаченіи и въ

* Гавріилъ.

сопровожденіи множества священниковъ возложилъ на нее корону и провозгласилъ ее императрицей Россіи подъ именемъ Екатерины II, а Павла Петровича наслѣдникомъ престола.

Послѣ многолѣтія народъ кричалъ ура!

Послѣ этой церемоніи импер. пріѣхала въ дворецъ, гдѣ жила Елисавета. Всѣмъ было позволено входить къ ней и многіе приходили клястся ей въ вѣрности.

Не смотря на преданность народа, заговорщики безпрестанно осматривали городъ и поставили вездѣ караулы съ приказаніемъ никого изъ города и въ городъ не пропускать.

Князь Георгъ Гольштинскій, дядя императора, осмѣлился было появиться съ нѣкоторыми вѣрными ему солдатами, но его окружили, принудили сдаться, весьма грубо посадили на телѣгу и отвезли въ его домъ.

Не только никто не противился Екатеринѣ, но даже никто изъ царскихъ друзей не думалъ увѣдомить его о происходящемъ въ Петербургѣ. Только одинъ парикмахеръ его *Брессанъ*, облагодѣтельствованный имъ, осмѣлился показать ему свою преданность. Онъ одѣлъ своего слугу мужикомъ и послалъ его съ письмомъ къ императору. Слуга успѣлъ выйти изъ Петербурга прежде чѣмъ поставили часовыхъ у заставъ и прибылъ въ Ораніенбаумъ, но не засталъ уже тамъ государя и принужденъ былъ воротиться въ городъ.

Все благопріятствовало Екатеринѣ. На Петергофской дорогѣ стоялъ полкъ въ 1,800 человѣкъ.

Какъ скоро полковникъ этого полка *Олсуфьевъ* узналъ о коронованіи Екатерины, онъ призналъ ее императрицею. Тотчасъ, по окончаніи присяги, онъ получилъ указъ Петра III слѣдовать съ полкомъ въ Померанію.

Солдаты отказались повиноваться и поспѣшили въ Петербургъ на помощь Екатеринѣ.

Къ вечеру у Екатерины было 14,000 войска; городъ былъ въ оборонительномъ положеніи, вездѣ царствовалъ строгій порядокъ.

Преданные ей увѣряли народъ, что царь хотѣлъ убить ее вмѣстѣ съ сыномъ и эта выдумка имѣла желанный успѣхъ.

Въ тотъ же вечеръ Екатерина послала за Павломъ Петровичемъ отрядъ подъ начальствомъ Панина.

Молодой наслѣдникъ испугался, слыша о намѣреніи государыни погубить его. Панинъ успокоилъ его и привезъ въ Петербургъ, гдѣ императрица вывела его на балконъ и показывала народу. Вскорѣ разнесся слухъ, что Петръ III умеръ и что тѣло его везутъ по городу.

Мертвое молчаніе заступило мѣсто криковъ.

Множество солдатъ, *переодѣтыхъ казаками*, послѣдуемые церемоніею священниковъ, воспѣвавшихъ гимны, провожали *пѣшо* посреди толпы черни. Это была *ложная* церемонія, чтобы увѣрить народъ въ смерти государя.

Главные заговорщики держали совѣтъ въ присутствіи государыни. Они рѣшили итти немедленно съ арміею противъ императора; но чтобы предовратить

нападеніе съ моря и успокоить солдатъ, государыня перешла въ старые деревянные покои на большой площади, гдѣ ее окружили войскомъ. Около полудня она издала слѣдующій манифестъ:

МЫ ЕКАТЕРИНА ИМПЕРАТРИЦА ВСЕЯ РОССІИ

И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

Объявляемъ нашимъ вѣрноподданнымъ:

Всѣ сыны отечества недавно узнали погибель близкую россійской имперіи.

1) Вѣра наша благочестивая была попрана; догматы церкви сокрушены и вскорѣ православная издревле установленная въ Россіи вѣра превратилась бы въ иностранную.

2) Слава Россіи, возведенная на высшую степень ея побѣдоносным воискомъ и кровію пріобретенная, посвящена ея непріятелямъ постыднымъ миромъ, недавно заключеннымъ. Между тѣмъ какъ имперскія права, составляющія счастіе нашего отечества, попраны ногами. Тронуты опасностями угрожающими нашимъ подданнымъ и притомъ не могши отказать ихъ желаніямъ общимъ и частнымъ, мы взошли на нашъ императорскій престолъ.

ЕКАТЕРИНА II.

Между тѣмъ какъ въ народѣ читали этотъ манифестъ, императрица въ гвардейскомъ мундирѣ, взятымъ ею у молодаго *Талызина* и въ Андреевской лентѣ, вмѣстѣ съ Дашковой, также въ мундирѣ, проѣзжали по шеренгамъ.

Молодой Корнетъ конной гвардіи *Потемкинъ*, замѣтивъ, что у государыни нѣтъ шарфа, подъѣхалъ къ ней и подалъ ей свой. Тутъ то она примѣтила красоту его, которою въ послѣдствіе долгое время обладалъ ею.

Войскамъ безпрерывно выдавали вино и пиво. Они кричали ура! одинъ только конный полкъ, которымъ Петръ III командовалъ бывши еще в. к. и который при возшествіи его на престолъ переименовалъ въ гвардію, ни мало не участвовалъ въ общей радости.

Офицеры отказались присягать и повиноваться Екатеринѣ, были посажены подъ арестъ, — солдаты молчали. Имъ нечего было опасаться, и войска начали выступать изъ Петербурга противъ Петра III.

Екатерина все знала и все видѣла и спокойно сидѣла у окна, чтобъ народъ могъ ее видѣть. Петръ III ничего не зналъ о происходившемъ въ столицѣ.

Безпечность его была столь велика, что онъ посадилъ подъ арестъ ему преданнаго офицера, который пріѣхалъ ночью въ Ораніенбаумъ, чтобы извѣстить его обо всемъ.

Императоръ отправился со всѣмъ дворомъ въ Петергофъ праздновать тамъ съ пышностью свои имянины. Множество каретъ поѣхало за царскою,— никто не думалъ о предстоящей бурѣ, всѣ говорили объ ожидаемыхъ удовольствіяхъ.

Вдругъ Гудовичъ, ѣхавшій впереди, встрѣтилъ камердинера Екатерины *Измайлова*, который спѣшилъ на встрѣчу государю, увѣдомить его о бѣгствѣ

Екатерины и объ опасности. Съ этою новостью Гудовичъ поспѣшилъ къ государю и поравнявшись съ его каретою приказалъ кучеру остановиться. Удивленный государь не подозрѣвая за чѣмъ генералъ-адъютантъ остановилъ его сказалъ съ сердцемъ: "дуракъ ты что ли?.. Гудовичъ вышелъ изъ кареты и сказалъ ему, что то на ухо. Встревоженный Петръ III тотчасъ выскочилъ изъ кареты, попросилъ сидѣвшихъ съ нимъ дамъ выдти и итти пѣшкомъ, обѣщая ихъ найти въ саду, а самъ съ нѣкоторыми придворными весьма скоро поѣхалъ. Пріѣхавъ въ Петергофъ государь пошелъ прямо на половину Екатерины; въ первомъ жару безпокойства онъ искалъ ее по всѣмъ комнатамъ, думая что она спряталась гдѣ нибудь. Онъ дѣлалъ всѣмъ вопросы, но никто не смѣлъ отвѣчать ему.

Въ это время *Воронцова* съ нѣкоторыми дамами пришли изъ саду, не зная еще причины принудившей государя растаться съ ними. Государь сказалъ ей: "Елисавета Романовна! повѣришь ли мнѣ теперь, что Екатерина ушла; я тебѣ не разъ говорилъ, что она на *все* способна."

Въ это время слуга, посланный Брессаномъ, прибылъ къ государю и отдалъ ему письмо.

Изъ письма государь узналъ обо всемъ, происходившемъ въ Петербургѣ, а также и о коронаціи Екатерины въ Казанскомъ соборѣ.

Государь, пораженный этою новостію, остался безмолвенъ.

Изъ придворныхъ всѣ молчали. Наконецъ одинъ

только *Воронцовъ* сказалъ: "Государь! безъ сомнѣнія Екатерина успѣла возмутить народъ и солдатъ, но все это можно еще разрушить.—Если позволите мнѣ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, я насильно привезу Екатерину къ вамъ."

Петръ III съ радостью согласился. Министръ поѣхалъ въ столицу. Войдя въ дворецъ онъ нашелъ Екатерину, окруженную толпою преданныхъ ей. Онъ говорилъ ей объ опасности какой она подвергается и проч. и наконецъ заключилъ такъ: "Гвардія не составляетъ всѣ царскія войска, и жители Петербурга не составляютъ Россіи." Екатерина отвѣчала:

"Видишь ли ты, не я сама принимаю корону, но Россіяне *принудили* меня принять ее."

Послѣ сихъ словъ канцлеръ забылъ свой долгъ и принялъ присягу. Екатерина позволила ему итти домой съ конвоемъ для его безопасности.

Въ 6 часовъ вечера Екатерина сѣла на лошадь въ другой разъ и со шпагою въ рукѣ, въ сопровожденіи Дашковой, Разумовскаго и другихъ, выѣхала къ войскамъ.

Ея армія соединилась съ 3,000 козаковъ, которые по приказанію государя отправлялись въ *Померанію*, но были остановлены и направлены въ Петербургъ гетманомъ.

Какъ скоро канцлеръ уѣхалъ, Петръ III совершенно предался печали. Отъ окружающихъ его дамъ и молодыхъ придворныхъ, онъ не могъ ожидать совѣта и утѣшенія. Петръ ходилъ большими шагами по саду и придумывалъ средства для своего

спасенія, но не могъ остановиться ни на одномъ; то проклиналъ Екатерину, то хотѣлъ просить у ней прощенія. Насталъ часъ обѣда, государь приказалъ приготовить столъ у моря, и казалось былъ спокойнѣе, но вскорѣ опять задумался. Онъ послалъ повелѣніе въ Ораніенбаумъ 3,000 Голштинцамъ, прибыть къ нему немедленно съ артиллеріею. Минихъ, котораго государь уважалъ за введенный имъ воинскій порядокъ и прусскія экзерциціи, по приходѣ войскъ сказалъ ему: " Царь! ваши вѣрные войска пришли, примите надъ ними начальство и идите въ столицу, тамъ есть у васъ друзья, какъ скоро вы покажетесь, то пойдутъ противъ Екатерины; увѣряю васъ бунтовщики не устоятъ и вы останетесь побѣдителемъ; не мѣшкайте!"

Это намѣреніе было принято государемъ; они пошли уже къ войскамъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Екатерина съ 20,000 идетъ противъ императора.

Дамы всегда ѣздившіе къ нимъ предлагали воротиться въ Ораніенбаумъ.

" Хорошо " сказалъ Минихъ " но ни Рамбовъ ни Петергофъ не могутъ выдержать осады, одинъ Кронштатъ можетъ быть полезенъ; онъ еще въ вашей власти, тамъ есть флотъ и сильный гарнизонъ и оттуда могли бы вы идти въ Петербургъ или, въ случаѣ неудачи, ѣхать въ Померанію.

Это мнѣніе было принято немедленно. Генерала *Сиверса* послали туда комендантомъ и между тѣмъ какъ готовились къ отъѣзду двѣ яхты, изъ Кронштата

прїѣхалъ офицеръ съ извѣстїемъ, что Кронштатъ еще во власти государя.

Вскорѣ государь увидѣлъ войска Екатерины и удалился отъ береговъ. Казалось что въ эти минуты всѣ несчастія обратились на голову монарха. Черезъ нѣсколько часовъ все перемѣнилось.

Въ первые часы суматохи въ Петербургѣ никто не думалъ о Кронштатѣ; уже послѣ полудня вспомнили объ этомъ важномъ мѣстѣ и почувствовали всю сдѣланную оплошность.

Тотчасъ отправили туда адмирала *Талызина* принять начальство. *Талызинъ* употреблялъ всѣ средства, чтобы прїѣхать скорѣе, и черезъ полтора часа поспѣлъ туда, но *Сиверсъ* былъ уже тамъ и ожидалъ императора.

Онъ пришелъ къ Талызину и спросилъ его, не держитъ ли онъ стороны Екатерины?

Талызинъ отвѣчалъ: что находясь въ загородномъ домѣ узналъ о возмущенїи и по долгу своему прїѣхалъ въ Кронштатъ принять команду. *Сиверсъ* ему повѣрилъ и Талызинъ пошелъ немедленно въ казармы къ матросамъ, пересказалъ имъ о возмущенїи въ Петербургѣ, выставилъ имъ бочку вина, раздалъ имъ деньги и вскорѣ склонилъ ихъ на сторону Екатерины. Нѣсколько солдатъ съ Талызинымъ бросились на *Сиверса* и арестовали его.

Потомъ адмиралъ привелъ весь Кронштатъ въ оборонительное положенїе.

Въ это время прїѣхалъ государь, но Талызинъ успѣлъ уже отдать приказъ не впускать его.

Часть войскъ была на крѣпости и пушки заряжены, когда яхты стали на якорь.

Государь сѣвъ на шлюпку, поѣхалъ къ Кронштату.

У воротъ часовой спросилъ: кто гребетъ? Государь отвѣчалъ со шлюпки: "императоръ!"

У насъ нѣтъ императора, возразилъ солдатъ часовой.

Петръ III встаетъ съ мѣста разкрываетъ плащъ и говоритъ: "Неужели вы меня не узнали!"

Тысяча голосовъ закрычали: "Нѣтъ у насъ императора, да здравствуетъ Екатерина!"

Талызинъ кричалъ ему, что онъ пуститъ его ко дну, если онъ осмѣлится подойти ближе.

Государь не зналъ, что ему дѣлать.

Гудовичъ предлагалъ ему взобраться на крѣпость, говоря: никто не осмѣлится коснутся къ вамъ, и Кронштатъ останется въ вашей власти. Минихъ одобрилъ этотъ совѣтъ, но все было напрасно!

Государь, въ страхѣ думалъ только о бѣгствѣ и о спасеніи, воротился на яхту и ушелъ въ каюту.

Отрубили канатъ и начали удаляться на веслахъ.

Скоро яхта отъѣхала отъ порта, гребцы остановились; ночь была прекрасная.

Минихъ и Гудовичъ тихо разговаривали на палубѣ.

Штурманъ вошелъ въ каюту и спросилъ государя, куда онъ прикажетъ везти себя.

Петръ велѣлъ позвать Миниха. Государь сказалъ: "Я чувствую справедливость твоихъ совѣтовъ, но теперь уже поздно! До какой крайности я доведенъ!" Минихъ отвѣчалъ: ступайте немедленно на соеди-

неніе съ Ревельскою эскадрою, возмите тамъ корабль и переѣдемъ на немъ въ Померанію. Тамъ примите начальство надъ вашею арміею и войдите снова въ Россію. Я обѣщаюсь въ 6 недѣль завоевать Петербургъ и покорить остатокъ Россіи."

Женщины и придворные представили государю, что гребцы устали и не могутъ болѣе грести.

"Хорошо, сказалъ Минихъ, мы будемъ помогать имъ."

Но этотъ совѣтъ не могъ нравиться вѣроломному двору. Старались его увѣрить, что опасность не такъ велика, какъ онъ думаетъ, что Екатерина желаетъ помириться съ нимъ, а не воевать.

Слабый государь повѣрилъ имъ и не разсуждая приказалъ грести къ Ораніенбауму.

Въ 4 часа утра пристали къ берегу.

Императоръ заперся въ своемъ кабинетѣ и тайно писалъ письмо къ Екатеринѣ. Въ 10 часовъ вышелъ оттуда съ покойнымъ лицемъ. Голштинскіе солдаты воротились изъ Петергофа. Они цѣловали руки императора, обѣщались за него умереть.

Старый Минихъ старался при этомъ случаѣ уговорить государя къ защитѣ, но ни совѣты, ни благодарная признательность Голштинцевъ не могли тронуть павшаго духомъ, императора.

Императрица съ арміей остановилась у *краснаго кабачка* и провела ночь на плащахъ офицерскихъ, въ избѣ.

На разсвѣтѣ Григорій Орловъ, съ другими, осматривалъ окрестности Петергофа.

Въ 5 часовъ государыня двинулась съ войскомъ къ Сергіевской пустыни, гдѣ опять былъ отдыхъ.

Тутъ она получила письмо императора, въ которомъ онъ просилъ ее царствовать вмѣстѣ. Екатерина не отвѣчала, а снова выступила къ Петергофу.

Царь, узнавъ о приближеніи Екатерины, приказалъ осѣдлать лошадь и хотѣлъ бѣжать въ Польшу, но, всегда нерѣшительный отдумалъ, и велѣлъ приготовить къ защитѣ валъ около дома.

Между тѣмъ онъ написалъ къ Екатеринѣ другое письмо, въ которомъ онъ съ умиленіемъ просилъ милости и позволенія удалиться въ Голштинію, отрекаясь отъ короны.

Екатерина и на это письмо не отвѣчала, но переговоривъ съ пріѣхавшимъ съ письмомъ камергеромъ Измайловымъ, отправила обратно къ государю.

Измайловъ нашелъ Петра III окруженнымъ 600 Голштинцами.

Государь заперся въ своемъ кабинетѣ. Измайловъ совѣтовалъ ему оставить войско и идти къ императрицѣ, увѣряя его, что его хорошо примутъ и во всемъ удовлетворятъ.

Петръ задумался.

Вѣроломный Измайловъ сказалъ: “Если вы не явитесь, то гибель ваша неизбѣжна.”

Государь тотчасъ же сѣлъ въ карету съ *Воронцовой* и *Гудовичемъ* и поѣхалъ въ Петергофъ.

Несчастный мнилъ еще, что униженіе его тронетъ Екатерину.

Но какъ обманулся онъ!

Когда карета проѣзжала мимо войска, стоявшаго по дорогѣ, отвсюду слышны были радостные крики: Да здравствуетъ Екатерина!

Петръ предался отчаянію.

Когда онъ выходилъ изъ кареты, солдаты увлекли Воронцову, сняли съ нее ленту, которая была пожалована Екатериною Дашковой.

Гудовича тоже увлекла гвардія съ крикомъ, но онъ не потерялъ присутствія духа и укорялъ бунтовщиковъ въ измѣнѣ законному государю.

Петра ввели въ верхніе покои, отобрали всѣ знаки его достоинства, сняли съ него все платье, и оставили въ одной рубашкѣ и босикомъ.

Изъ кармановъ вынули много драгоцѣнныхъ каменьевъ и денегъ. Надѣли на него худой халатъ и заперли одного въ комнатѣ, къ дверямъ приставили караулъ. Отъ государини присланъ былъ къ нему гр. Панинъ, долго говорилъ съ нимъ на единѣ, и наконецъ, вышедъ съ нимъ въ другую комнату, сказалъ громко : арестъ вашъ не будетъ продолжителенъ, и что Екатерина намѣрена его отправить въ Голштинію. Къ этому онъ присоединилъ множество обѣщаній, изъ которыхъ ни одно не было исполнено, и въ заключеніе заставилъ его подписать слѣдующее отреченіе :

“ Въ малое время моего владѣнія Россіею, я замѣтилъ, что не соотвѣтствую бремени правительства сею имперіею.

“ Для того, дабы не привесть въ упадокъ оную и тѣмъ не покрыть себя стыдомъ, я снимаю съ себя

достоинство императора, возвѣщаю всей имперіи и всему свѣту, что отнынѣ отъ императорскаго Россійскаго трона отрекаюсь и не буду ни въ какой формѣ правленія участвовать, равно и вновь требовать, въ чемъ клянусь предъ Всемогущимъ Богомъ, и собственною своею рукою сіе отреченіе подписываю."

Петръ III.

Петергофъ, 7 Іюля, 1762 года.

Взявъ это отреченіе Панинъ оставилъ государя.

По уходѣ Панина Петръ казался спокойнѣе.

Спустя нѣсколько времени, по приказанію Екатерины, офицеръ съ конвоемъ взялъ сего несчастнаго монарха и перевезъ въ Ропшу. Между тѣмъ Петербургъ еще сомнѣвался въ успѣхѣ Екатерины; у Петра были еще друзья, и еслибы онъ былъ рѣшительнѣе и предпріимчивѣе, то успѣлъ бы снова завладѣть столицей.

Екатерина явилась въ Петергофъ не такъ какъ до своего бѣгства въ Петербургъ, но уже какъ повелительница Россіи.

Придворные ей льстили.

Миниха, какъ плѣннаго, представили къ ней.

Екатерина сказала ему:

"Фельдмаршалъ, вы хотѣли воевать противъ меня?

Да, государыня, отвѣчалъ онъ, долгъ и честь обязывали меня быть вѣрнымъ моему государю и защищать его права; теперь вы найдете во мнѣ туже преданность, какую я доказалъ ему.

После полудня Екатерина возвратилась въ Петербургъ.

Въѣздъ ея былъ тріумфальный.

Она ѣхала верхомъ, окруженная заговорщиками.

Священство встрѣтило ее у воротъ.

Она сошла съ лошади, — народъ подходилъ къ рукѣ ея.

Не всѣ еще признали Екатерину императрицею. Нѣкоторые полки, часть народа и матросы, узнавъ обстоятельства о всемъ, начали роптать и возмущаться.

Опасались также противудѣйствія со стороны Москвы.

Для прекращенія предстоящихъ безпорядковъ необходима была смерть Петра III.

Государь, въ своемъ новомъ заключеніи, увѣренный въ справедливости обѣщаній Панина, ожидалъ своего освобожденія. Онъ просилъ Екатерину прислать ему негра, который его забавлялъ, его любимую собаку, скрипку, романъ и нѣмецкую библію.

Ему ничего не дали, смѣялись надъ его намѣреніями, и въ замѣнъ всего, прислали къ нему убійцъ.

Петръ III во время своего заключенія въ Ропшѣ, ни отъ кого не принималъ никакого питья, кромѣ любимаго своего лейбъ-медика Лидерса (родомъ Гольштинца и дѣда нынѣшняго командира 5 пѣхотнаго корпуса), который не оставлялъ государя ни на минуту.

Передъ сей катастрофой, его убѣдили отправится къ больному. Лидерсъ возвратясь нашелъ Петра III еще въ живыхъ, но не былъ допущенъ къ поданію помощи. Онъ отказался присягать Екатеринѣ II и до самой смерти оставался въ Россіи и всю жизнь не присягалъ Екатеринѣ II.

Орловъ и *Барятинскій* привели съ собой 4 солдатъ Преображенскаго полка.

Трое изъ нихъ получили офицерскіе чины и пенсіи, отправлены были на службу въ дальніе гарнизоны, а четвертый *Берлюковъ*, угрызаемый совѣстью, поселился около Москвы и основалъ пустынь (смотри *Берлюковская* пустынь въ энциклопедическомъ лексиконѣ) и до самой смерти, въ день катастрофы являлся, какъ укоръ къ графу Орлову.

Въ назначенный день приведенія въ исполненіе заранѣе составленнаго плана, вошли къ государю Алексѣй Орловъ и офицеръ Тепловъ. Они увѣрили государя, что его скоро освободятъ, и просили позволенія отобѣдать съ нимъ.

Когда подали по русскому обычаю водку — Тепловъ заговорилъ съ государемъ, а Орловъ успѣлъ между тѣмъ влить въ рюмку отраву, приготовленную заранѣе однимъ медикомъ. Петръ ничего не подозрѣвая принялъ отъ Орлова рюмку и выпилъ ее разомъ.

Скоро ядъ началъ дѣйствовать. Государь узнавъ истину съ крикомъ отъ боли и ужаса близкой смерти просилъ у нихъ молока, но они съ насмѣшками предлагали ему яду. Императорскій слуга, родомъ

Французъ, душею преданный царю, прибѣжалъ на шумъ. Петръ III увидя его вскричалъ: "мало того, что я упустилъ право на Шведскій престолъ, что лишили меня Россійской короны, теперь отнимаютъ у меня и самую жизнь!"

Слуга осмѣлился подать помощь государю, но Орловъ выгналъ его вонъ * и снова продолжали мучить государя. Въ то время пришелъ караульный офицеръ, младшій изъ князей Барятинскихъ, (бывшій впослѣдствіи французскимъ посланникомъ). Орловъ повалилъ государя на полъ и наступя колѣнками на грудь одною рукою давилъ ему горло, а другою притиснулъ ему голову. Тепловъ и Барятинскій помогали Орлову и сдѣлавъ петлю удавили сего несчастнаго императора. Петръ нѣсколько времени боролся съ убійцами и Барятинскій вынесъ изъ этого подвига рубецъ на лицѣ, долго напоминающій ему его измѣну.

Графъ Орловъ тотчасъ же написалъ письмо къ Екатеринѣ и часа черезъ два послѣ поскакалъ самъ въ Петербургъ.

Екатерина по пріѣздѣ Орлова заперлась съ нимъ, съ Панинымъ, Разумовскимъ, Гудовичемъ и другими и долго разсуждали какъ объявить народу о смерти государя. Положили обнародовать въ слѣдующій день. Екатерина обѣдала въ виду народа и была очень весела. На другой день государыня до самаго вечера притворялась ничего незнающей о смерти государя.

* Слугу привезли въ Петербургъ, гдѣ священникъ взялъ съ него клятву, что онъ никогда не откроетъ того что видѣлъ. Можно ли сдержать такую клятву?

Во время стола ей объявили, что императоръ скончался. При этомъ извѣстіи она залилась слезами и показала всѣ знаки печали. Нѣсколько дней она не выходила изъ своей комнаты, издала манифестъ о смерти государя скончавшагося отъ геморроидальной колики, которой онъ страдалъ нѣсколько лѣтъ сряду.

Указъ заключалъ просьбу къ народу молить всевышняго о душѣ императора и дабы Богъ послалъ ей силу выдержать тяготу правленія.

Тѣло Петра III черезъ 3 дня было перевезено въ Петербургъ и поставлено въ Александро-Невскомъ монастырѣ, гдѣ всѣ могли прощаться съ нимъ.

Лице покойника было черно, изъ всѣхъ поръ тѣла выходила какая-то кровяная влажность.

Тѣ, которые прикладывались губами къ трупу императора, увѣряютъ, что чувствовали послѣ опухоль на губахъ своихъ, такъ силенъ былъ ядъ.

Въ день погребенія смутенъ былъ народъ въ Петербургѣ, окружали войско шедшее за гробомъ и укоряли ихъ въ пролитіи крови неповинной внука Петра великаго.

Гольштинскіе солдаты, оставшіеся въ Ораніенбаумѣ, обезоруженные, также участвовали въ похоронной процессіи.

Глубокая печаль была изображена на лицахъ ихъ.

На другой день Екатерина приказала отослать Гольштинцевъ въ ихъ отечество. Ихъ посадили на дурное судно, которое тутъ же близь порта утонуло.

Нѣкоторые спаслись на каменья, другіе пустились вплавь по берегу, но адмиралъ Талызинъ отказался подать имъ помощь, говоря, что онъ не смѣетъ этого сдѣлать, не доложа напередъ государынѣ.

ПИСЬМО ГР. ОРЛОВА КЪ ЕКАТЕРИНѢ ИЗЪ РОПШИ.

Матушка! милосердая государыня!

Какъ мнѣ изъяснить и описать, что случилось—не повѣришь вѣрному рабу твоему; но какъ предъ Богомъ скажу истину.

Матушка, готовъ иттить на смерть, погибли мы когда ты не помилуешь.

Матушка! его нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ! но никто сего не думалъ и какъ задумать поднять руку на государя,—но государыня совершилась бѣда,—мы были пьяны и онъ тоже,—онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Θеодоромъ* неуспѣли мы рознять, а его уже и не стало, сами не помнимъ, что сдѣлали, но всѣ до единаго виноваты, достойны казни, помилуй меня хоть для брата, повинную тебѣ принесъ и разыскивать нечего, прости или прикажи скорѣй кончить, свѣтъ не милъ, прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ.

При полученіи сего письма Екатерина сидѣла на балконѣ во дворцѣ и пила кофе; прочитавъ письмо и не показавъ ни малѣйшаго смущенія, спрятала письмо въ карманъ и продолжала разговоръ съ окружавшими ее дамами о предметахъ совсѣмъ постороннихъ.

* Барятинскимъ.

Въ первые часы своего правленія Екатерина находилась безпрестанно среди народа, выслушивала жалобы, разбирала просителей и ко всѣмъ была милостива. Иностранные послы имѣли у ней аудіенцію, она всѣхъ ихъ обласкала.

Первымъ ея дѣломъ было отыскать домъ, въ которомъ жилъ Іоаннъ Антоновичь Ульрихъ, его нашли и перевезли въ Шлюсельбургскую крѣпость. Потомъ она наградила своихъ любовниковъ: Орловыхъ—графами. Григорій получилъ св. Александра Невскаго.

ОТРЫВОКЪ ТРЕТІЙ.

(Арестованіе Сперанскаго.)

Сперанскій былъ сосланъ на жительство въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ Августѣ и Сентябрѣ 1812 года графъ П. А. Толстой имѣлъ свою главную квартиру, по званію начальника III округа ополченія, которое тогда формировалось въ низовыхъ губерніяхъ.

Сентября 15, въ день коронаціи императора Александра Павловича, послѣ обѣда, состоявшій при графѣ Толстомъ, за адъютанта по ополченію, коллежскій ассесоръ Филимоновъ, получилъ приказаніе *немедленно* явиться къ графу *по весьма важному дѣлу*.

Прибывъ къ П. А., онъ застаетъ его съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукѣ. Графъ подавъ ему конвертъ говоритъ: " поѣзжай сей часъ къ *Руковскому* (гражданскому губернатору,) вручи ему этотъ конвертъ и не отходи ни на минуту, пока все не будетъ исполнено, а потомъ возвратись ко мнѣ, съ подробнымъ обо всемъ отчетомъ."

Филимоновъ отправился по назначенію. Руковскій, прочитавъ содержаніе бумаги, воскликнулъ: "Боже мой! кто бы это думалъ!" и послалъ за частнымъ приставомъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ Филимоновымъ, поѣхалъ въ квартиру Сперанскаго и объявилъ ему высочайшее повелѣніе отправиться въ тотъ же вечеръ въ Пермь.

Сперанскій былъ видимо встревоженъ, схватилъ себя за голову и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ: "Ну я этого и ожидалъ... Надѣюсь однако же, господа, что не откажете дать мнѣ часъ времени, привести въ порядокъ кое-какія бумаги и написать одну бумагу." Получивъ согласіе, онъ тотчасъ сѣлъ къ письменному столу и началъ писать. Между тѣмъ привели почтовыхъ лошадей и впрягли въ коляску Сперанскаго и въ карету Руковскаго. Сперанскій писалъ болѣе часу и кончивъ отдалъ Филимонову два запечатанныхъ конверта съ просьбою вручить ихъ графу Толстому.

Одинъ конвертъ былъ на имя графа, а другой на имя государя *въ собственныя руки*. — "Кланяйтесь графу" сказалъ Сперанскій, и попросите его отправить какъ можно скорѣй, содержаніе его весьма важно. Послѣ того онъ собрался въ дорогу и, сѣвъ вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ въ коляску, поѣхалъ по тракту въ Пермь. Губернаторъ Руковскій и Филимоновъ, въ одной каретѣ, провожали ихъ до первой станціи. Садясь въ коляску, Сперанскій былъ молчаливъ и по видимому убитъ духомъ.

Доѣхавъ до первой станціи, Филимоновъ поѣхалъ

назадъ къ графу П. А. Толстому и вручилъ ему оба конверта. Графъ распечаталъ и прочиталъ тотъ который, былъ на его имя, а другой бросилъ на столъ съ словами : "*вздоръ!*"

Вотъ письмо на имя графа, оно было слѣдующаго содержанія : " Приношу вашему сіятельству слѣдующія мои всепокорныя просьбы.

1) Прилагаемое при семъ письмо доставить государю, при вашемъ донесеніи.

2) При отправленіи моего семейства оказать возможную помощь и снисхожденіе.

3) Врагамъ моимъ здѣсь, и разнымъ ихъ толкамъ, наложить молчаніе.

4) Наконецъ, и сіе для меня всего важнѣе, сохранить ваше обо мнѣ доброе мнѣніе. Оно всегда было для меня драгоцѣнно и, смѣю сказать, по чувствамъ моимъ и правиламъ я сего достоинъ.

Князю Егору Александровичу Грузинскому прошу кланяться."

Письмо на имя государя не было послано и никогда не достигло своего назначенія. Въ послѣдствіи въ 1827 и 1828 годахъ, Сперанскій узнавъ объ этомъ сказалъ (разумѣя графа Толстаго) " это на него похоже."

Въ дополненіе надобно сказать, что въ тотъ день (15 Сентября) тотчасъ послѣ обѣдни, за нѣсколько часовъ до прибытія фельдъегеря съ высочайшимъ повелѣньемъ, Сперанскій былъ съ поздравленіемъ у гр. П. А. и тутъ въ первый разъ въ жизни, онъ увидѣлся и познакомился съ Карамзинымъ.

Высочайшій рескриптъ (собственноручный), полученный гр. Толстымъ, былъ подписанъ государемъ 8 Сентября, и заключалъ въ себѣ нѣсколько словъ касательно тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ и ополченія. Въ концѣ рескрипта было сказано: " при семъ прилагаю рапортъ вице-губернатора Нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Если онъ справедливъ, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе."

Рапортъ Нижегородскаго вице-губернатора Крюкова (чрезъ протекцію Сперанскаго въ эту должность опредѣленнаго) былъ на имя министра полиціи и заключалъ слѣдующее:

" 6 числа настоящаго Августа въ день преображенія господня, когда я былъ на Макарьевской ярмаркѣ, здѣшній преосвященной епископъ Моисей, по случаю храмоваго праздника въ каѳедральномъ соборѣ, давалъ обѣденный столъ, къ коему были приглашены и нѣкоторые изъ губернскихъ чиновниковъ.

Послѣ обѣдни былъ тутъ и тайный совѣтникъ Сперанскій, обѣдать однакоже не оставался, но между закускою онъ, занимаясь съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій, къ чему Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи въ Германіи, при завоеваніи ихъ онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, ока-

зывая къ нему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще для сбереженія ставилъ къ нимъ караулы. Что слышали всѣ тамъ бывшіе чиновники, отъ которыхъ о томъ на сихъ дняхъ я узналъ. О чемъ долгомъ поставляю вашему высокопревосходительству всепокорнѣйше донести."

Рапортъ этотъ Крюковъ писалъ, исправляя должность гражданскаго губернатора, который въ тотъ день былъ въ отсутствіи.

Нельзя не замѣтить, что не обративъ вниманія на слова рескрипта: "*Если онъ* (т. е. рапортъ) *справедливъ*, гр. П. А. распорядился безъ всякихъ распросовъ и изслѣдованій, сославъ Сперанскаго въ Пермь.

ПИСЬМО СПЕРАНСКАГО КЪ ГРАФУ П. А. ТОЛСТОМУ.

Пермь 4 Октабря, 1812.

Милостивый государь,

Графъ П. А.,

Сибирь есть земской рай въ сравненіи съ Пермью, ваше сіятельство были невольнымъ орудіемъ моей сюда ссылки: будьте нѣкогда благодѣтельнымъ посредникомъ моего отсюда возвращенія. Зная ваши благородныя чувства, не могу себѣ представить, чтобы вы согласились когда нибудь вѣрить сплетнямъ враговъ моихъ. Нелѣпость сихъ сплетень слишкомъ ощутительна и въ прочемъ сама собой откроется: когда только удостоятъ вопросами меня.

Между тѣмъ прилагаемое письмо прошу доставить сколь возможно скорѣе. Я въ немъ прошу одной милости насущнаго хлѣба, прежде мною заслуженнаго. Враги мои считаютъ у меня милліоны, а я, при безпримѣрной дороговизнѣ здѣшней и послѣ всѣхъ раззорительныхъ переѣздовъ, скоро буду нуждаться въ первыхъ потребностяхъ жизни.

Иванъ Сперанскій и проч.

ОТРЫВОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(Арестованіе Пестеля и 14 Декабря.)

Арестованіе Пестеля, оказавшагося главою бунта, произошло по слѣдующему поводу.

Вятскаго полка капитанъ Майборода, который зналъ о заговорѣ, писалъ въ 1825 г. къ императору Александру въ Таганрогъ объ этомъ, но государь пренебрегъ доносомъ, бросилъ его въ каминъ, сказавъ: *подлецъ, имъ хочетъ выслужиться.**

Майборода, видя, что по его письму не сдѣлано никакихъ поисковъ и что съ другой стороны бунтовщики хотѣли приступить къ скорѣйшему исполненію своихъ намѣреній, явился въ Ноябрѣ 1825 года къ командиру 3 пѣхотнаго корпуса Роту и просилъ его препроводить въ Таганрогъ письмо къ государю, заключавшее въ себѣ нѣчто важное, но Ротъ, не знавши содержанія онаго, на это сперва не согла-

* Слышалъ отъ фельдмаршала Дибича, находившагося въ это время въ Таганрогѣ при государѣ.

шался, пока наконецъ Майборода открылъ ему свою тайну и прибавилъ, что Пестель отправилъ его въ Москву для покупки типографіи.

Ротъ, пославъ съ письмомъ симъ въ Таганрогъ своего адъютанта, объявилъ Майбородѣ что его арестуетъ до возвращенія адъютанта, но Майборода убѣждалъ его сего не дѣлать, говоря справедливо, что заговорщики, узнавъ о взятіи его подъ стражу, вѣроятно тотчасъ же начнутъ бунтъ, догадаются, что замыслы ихъ открыты, а посему онъ просилъ позволенія продолжать свой путь въ Москву, на что и получилъ согласіе.

Адъютантъ Рота (графъ Штейнбокъ, который въ проѣздъ свой въ Таганрогъ въ Декабрѣ останавливался у меня на сутки, по причинѣ льда шедшаго на Днѣпрѣ) не засталъ уже въ живыхъ императора и отдалъ депеши гр. Дибичу, который по содержанію ихъ, отправилъ генерала Чернышева къ главнокомандующему второй арміи гр. Витенгштейну для взятія подъ стражу Пестеля и для отправленія его въ Петербургъ, присовокупя, что могущую пасть на него отвѣтственность онъ принимаетъ на себя; Чернышеву же онъ приказалъ описать и опечатать всѣ бумаги Пестеля и сіе было исполнено слѣдующимъ образомъ.

Графъ Витенгштейнъ, получивши донесеніе гр. Дибича, послалъ приказъ въ ту дивизію, гдѣ находился Пестель, чтобы дивизіонные, бригадные и полковые командиры оной, не терявши времени, немедленно пріѣхали къ нему въ главную квартиру

и такъ какъ повелѣніе было общее для всѣхъ и не относилося до одного лица Пестеля, то сей, не подозрѣвая ничего, отправился въ одномъ экипажѣ съ своимъ бригаднымъ командиромъ въ главную квартиру въ Тульчинъ, но едва онъ туда пріѣхалъ, какъ у заставы его взяли подъ крѣпкій арестъ, а Чернышевъ поскакалъ въ Вятскій полкъ, гдѣ и нашелъ всѣ бумаги, уличившія Пестеля въ его злодѣяніяхъ. Пять дней спустя послѣ полученія изъ Петербурга сихъ извѣстій о бунтѣ, т. е. 6 Января, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ съ оффиціальнымъ отношеніемъ отъ Малороссійскаго генералъ-губернатора князя Рѣпнина, что Муравьевъ - Апостолъ (подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка) 31 Декабря, оказавъ, (какъ мнѣ писали), самые дерзкіе, буйные поступки противъ своего полковаго командира *Гебеля*, собралъ полкъ и пошелъ того числа въ городъ Васильковъ (Волынской губерніи), 1 Января онъ перешелъ къ селенію Мотиловкѣ, а 2 дневалъ близь села Гребенки Винницкихъ станковъ.

Во второй день 1 гренадерская и 1 мушкатерская роты, оставили его и присоединились къ корпусному своему командиру Роту, который при первомъ извѣстіи о мятежѣ собралъ близь стоявшія войска и повелъ ихъ противъ Черниговскаго полка.

Муравьевъ-Апостолъ между тѣмъ послалъ въ находившіяся въ Полтавской губерніи имѣнія отца своего и въ другія мѣста своихъ сообщниковъ, дабы произвели бунты, однакоже нѣкоторые изъ сихъ лазутчиковъ были схвачены въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ.

Такъ какъ имѣніе Муравьева находилось въ расположеніи нашей 7 Дивизіи, то я немедленно далъ строжайшее предписаніе моей бригадѣ, чтобы полковые командиры удвоили бдительность свою въ сохраненіи порядка и подчиненности, чтобы всѣ офицеры были на своихъ мѣстахъ, а баталіонные командиры объѣзжали чаще свои роты.

Въ тоже время я приказалъ, чтобы проѣзжающихъ и проходившихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ Черниговскаго полка черезъ кантониръ - квартиры моей бригады арестовали, тоже бы дѣлали если узнаютъ не прокрадывается ли кто изъ сообщниковъ Муравьева, а равно брали бы подъ стражу не смотря ни на какое лице, военныхъ или во фракѣ, если кто по сему мятежу окажется подозрительнымъ. Съ сими распоряженьями я послалъ моего адъютанта, велѣлъ ему во время проѣзда стараться узнавать, что говорятъ и думаютъ жители и военные, а послѣ его возвращенія, я былъ намѣренъ самъ ѣхать въ Золотоношу, которая отстоитъ съ небольшимъ въ сто верстахъ отъ мѣста гдѣ происходилъ бунтъ.

Къ счастію на другой день утромъ я узналъ, что Муравьевъ, свѣдавъ, что за нимъ идутъ въ погоню съ войскомъ, перемѣнилъ свое намѣреніе идти черезъ Фастовъ на Бруссиловъ, а пошелъ къ Бѣлой Церкви, въ надеждѣ овладѣть тамъ значительными денежными суммами, хранящимися тамъ у богатой помѣщицы графины Браницкой.

Генералъ Ротъ выступилъ съ конницею и конною артиллеріею къ Фастову, чтобы отрѣзать ему отсту-

пленіе, и послалъ генерала Гейсмара съ двумя орудіями и тремя эскадронами гусаръ къ деревнѣ Установкѣ, а 12 ротъ пѣхоты съ 4 орудіями отрядилъ съ Большаго-Пѣковецкаго на Бѣлую Церковь.

Такимъ образомъ окружили Муравьева со всѣхъ сторонъ. Гейсмаръ встрѣтилъ его у деревни Устиновки, мятежники начали стрѣлять и храбро защищались, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ по нихъ изъ орудій, когда гусары бросились на нихъ въ атаку, положили оружіе. Главные защитники Муравьева были ранены; одинъ братъ убитъ, а третій взятъ. Между тѣмъ какъ сіе происходило, начальникъ нашей 7 дивизіи Ушаковъ, свѣдавъ о семъ бунтѣ, немедленно велѣлъ двумъ ротамъ вступить въ деревню Муравьевыхъ въ Миргородскомъ уѣздѣ, запечатать и взять ихъ бумаги. Въ нихъ нашли рѣчи къ народу, проэктъ объ вольности, раздѣленіе Россіи на 3 главныя части, на Южную, Сѣверную и Среднюю, имена заговорщиковъ и разныя распоряженія на счетъ принятія въ общество и проч.

Сообщаю нѣкоторыя подробности о семъ бунтѣ.

Изъ Петербурга получено было въ Житомиръ съ фельдъегеремъ приказаніе взять подъ стражу командира одного гусарскаго полка Муравьева, и подполковника Черниговскаго пѣхотнаго полка Муравьева-Апостола, на основаніи чего поручили дивизіонному генералу Ридигеру арестовать гусарскаго командира Муравьева, а командовавшему 9 дивизіею Тихановскому взять подъ арестъ Муравьева-Апостола.

Ридигеръ, какъ умный человѣкъ, исполнилъ съ успѣхомъ данное ему порученіе, онъ пригласилъ къ себѣ полковника пить чай, и послѣ позвавъ его въ свой кабинетъ объявилъ о повелѣніи взять его саблю. Что же касается до Тихановскаго, то сей, получивши предписаніе отъ корпуснаго командира, передалъ оное по командѣ начальнику Черниговскаго полка Гебелю, который поѣхалъ къ Муравьеву-Апостолу на квартиру, но не засталъ его дома; ему сказали что онъ въ Житомирѣ. Гебель поскакалъ за нимъ въ Житомиръ, но по прибытіи услышалъ, что онъ изъ сего города уже выѣхалъ, вѣроятно потому, что былъ уже предувѣдомленъ. Гебель возвратился въ ту деревню, гдѣ квартировалъ Муравьевъ и нашелъ его въ одномъ изъ ротныхъ дворовъ его батальона, спросилъ у него чаю, и не говоря ему о причинѣ своего пріѣзда, поджидалъ солдатъ, которымъ онъ велѣлъ къ себѣ явиться. Не видя однакоже сихъ послѣднихъ, онъ объявилъ Муравьеву о повелѣніи взять его подъ арестъ; сей отдалъ ему хладнокровно шпагу, послѣ чего Гебель вышелъ въ другую комнату, гдѣ увидѣлъ спавшаго брата Муравьева, подлѣ его постели лежали на столѣ два заряженные пистолета, которыхъ Гебель не имѣлъ предосторожности взять къ себѣ, но только ссыпалъ порохъ съ полокъ, и потомъ положилъ пистолеты на столъ. Послѣ сего онъ вышелъ въ кухню, все еще ожидая солдатъ, но въ то время вошли въ кухню нѣсколько офицеровъ Черниговскаго полка, начали говорить Гебелю, что онъ подлецъ, что онъ арестуетъ благо-

дѣтеля ихъ Муравьева, и когда Гебель изумленный таковыми дерзостями, началъ имъ возражать, то одинъ изъ офицеровъ ударилъ его кулакомъ, а другіе бывшіе тутъ офицеры, поваливъ его на полъ, начали его колоть шпагами.

Въ сіе время вбѣжалъ Муравьевъ, который тоже полковнику нанесъ ударъ рукою, на что сей послѣдній вскричалъ: "гдѣ же ваша филантропія?" подразумѣвая, что за нѣсколько дней Муравьевъ за обѣдомъ у него возставалъ противъ тѣлесныхъ наказаній.

Между тѣмъ пришли солдаты и Гебелю въ суматохѣ удалось уйти изъ избы на улицу, тутъ онъ встрѣтилъ поляка, который желалъ спасти его, помогъ ему перелезть черезъ заборъ, но Гебель уже сильно израненный упалъ, и сломалъ себѣ руку и ногу. Потомъ полякъ положилъ его на телѣгу и повезъ въ *Васильковъ*, гдѣ расположенъ былъ штабъ его полка. Дорогою онъ отморозилъ ноги, такъ что въ этотъ день всѣ бѣдствія казалось разразились надъ несчастнымъ Гебелемъ.

Къ довершенію злополучія, по пріѣздѣ въ Васильковъ, ему сказали, чтобы онъ туда не въѣзжалъ, ибо тамъ находились тоже взбунтовавшіяся роты, почему его привезли къ той части полка, которая пребыла вѣрна долгу и присягѣ.

Муравьевъ, принявъ начальство надъ Черниговскимъ полкомъ, не успѣлъ сохранить подчиненности между войсками, они предавались грабежу, насильствамъ и пьянству. Еслибы онъ дѣйствовалъ рѣшительно, то онъ могъ бы придти въ *Бѣлую Церковь*,

гдѣ находилися извѣстныя сокровища графини Браницкой, и гдѣ его ожидали, чтобы съ нимъ соединиться 4,000 человѣкъ, недовольныхъ своимъ состояніемъ; это были большею частію старинные Запорожскіе казаки, которыхъ Браницкая *укрѣпила* за собою несправедливымъ образомъ. Испугавшись многочисленнаго скопленія мужиковъ, она послала къ Муравьеву спросить его, сколько онъ хочетъ взять съ нихъ денегъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ запретилъ своимъ солдатамъ грабить ихъ имѣнья. Но онъ не могъ повелѣвать своими движеньями, ибо власть его не основалася на законѣ и вмѣсто того, чтобы съ быстротою дѣйствовать, отъ чего вѣроятно зараза бунта распространилась бы и далѣе, ибо онъ вскорѣ могъ бы соединиться съ артиллерійскими ротами, офицеры коихъ тоже находились въ заговорѣ—онъ вынужденъ былъ уступить настоянію сихъ солдатъ и сдѣлалъ дневку, отъ чего войска, отряженныя для уничтоженія его успѣха, достигли цѣли своей. Во время четырехъ-дневнаго командованія своего, Муравьевъ имѣлъ вездѣ патрули и авангарды и бралъ всѣ военныя предосторожности, проѣзжавшихъ всѣхъ задерживали и приводили къ нему и онъ обыкновенно самъ ихъ допрашивалъ, становясь, въ подражаніе Наполеону, со сложенными на крестъ руками на грудь. Онъ походилъ лицемъ на бывшаго императора Французовъ, котораго онъ чтилъ какъ кумира по слѣдующему поводу.

Муравьевъ учился въ парижскомъ лицеѣ въ царствованіе Наполеона, который однажды посѣтилъ сіе

училище и, войдя въ тотъ классъ, гдѣ сидѣлъ Муравьевъ, спросилъ, кто этотъ мальчикъ, и когда ему сказали, что онъ русскій, то Наполеонъ сказалъ " я побился бы объ закладъ, что это мой сынъ, потому, что онъ такъ похожъ на меня." Сіи слова, упавшія съ такой высоты, произвели сильнѣйшее впечатленія на душу мальчика, который былъ отъ природы одаренъ щедро, и не удивительно, что въ продолженіе кратковременнаго своего командованія бунтовщиками онъ старался подражать Наполеону, находя можетъ быть нѣкоторое подобіе въ положеніи своемъ съ тѣмъ, въ которомъ Наполеонъ былъ во время побѣга своего съ острова Эльбы.

Когда Черниговскій полкъ увидѣлъ себя въ необходимости пробиваться сквозь гусаръ, противу нихъ стоявшихъ, то построившись въ каре онъ пошелъ съ примѣрнымъ мужествомъ на нихъ; офицеры всѣ находились впереди.

Я это слышалъ отъ того самаго гусарскаго подполковника, который командовалъ эскадронами противу Муравьева посланными, онъ присовокупилъ, что онъ удивился храбрости черниговскихъ солдатъ и опасался даже одно время, чтобы они не отбили орудій, дѣйствовавшихъ по нимъ, ибо они подошли къ нимъ на весьма близкое растояніе. Картечные выстрѣлы ихъ не останавливали и каре не разстроили, но какъ только скомандовали гусарамъ въ атаку, то мятежники бросили оружіе.

Изъ сего заключить можно, что они не бывъ устрашены дѣйствіемъ артиллеріи не испугались

сабельныхъ ударовъ кавалеріи, но, что будучи увѣрены въ содѣйствіи гусаръ, они тотчасъ покорились, коль скоро увидѣли, что въ нихъ не имѣютъ сообщников.

Когда въ произшедшемъ смятеніи послѣ кавалерійской атаки подполковникъ гусарскій проскакалъ мимо Муравьева, то сей закричалъ : "Спаси моего брата!" а другой бывшій тутъ бунтовщикъ *Бестужевъ-Рюминъ* закричалъ одному гусарскому офицеру по французски : дайте мнѣ лошадь, я очень усталъ.

Этотъ Бестужевъ, впослѣдствіи повѣшенный, игралъ въ обществахъ роль шута, но не менѣе того былъ много употребляемъ заговорщиками, которые посылали его по всюду въ видѣ миссіонера или вербовщика, для сего онъ разъѣзжалъ по всей Малороссіи и возбуждалъ народъ противъ правительства, стараясь умножить число сообщников.

Онъ служилъ въ л. г. Семеновскомъ полку, и во время случившагося тамъ произшествія въ 1820 году въ числѣ другихъ юнкеровъ былъ назначенъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ.

Онъ зналъ многіе иностранные языки и одаренъ былъ счастливою памятью, но велъ себя столь вѣтренно, что надъ нимъ смѣялись.

Онъ былъ во многихъ домахъ принятъ на самой дружеской ногѣ какъ то : у генерала Раевскаго въ Кіевѣ и бывшаго министра Трощинскаго, жившаго не далеко отъ Лубенъ.

Бестужевъ почти не служилъ въ полку и все разъѣзжалъ по Малороссіи, такимъ образомъ онъ часто

бывалъ въ мѣстахъ расположенія нашей дивизіи, на которую онъ имѣлъ виды.

Онъ велъ обширную переписку на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ очень хорошо изъяснялся. Я читалъ его письма у поэта Аркадія Родзянки. Его принимали всѣ, особенно дамы, какъ самаго милаго, любезнаго и веселаго собесѣдника, надъ которымъ можно забавлятся, но никому и въ голову не приходило, чтобъ человѣкъ столь разсѣянный и вѣтренный былъ заговорщикомъ. Будучи исполненъ чтенія французскихъ книгъ, особенно тѣхъ, которыя написаны были революціонными правилами, онъ былъ убѣжденъ въ несомнѣнности сихъ истинъ и не могъ представить, чтобы образованные люди не раздѣляли его мнѣній.....

Когда его взяли вмѣстѣ съ Черниговскимъ полкомъ, онъ сказалъ : " Меня наиболѣе удивляетъ, что гусары рѣшились ударить на насъ, тамъ было столько воспитанныхъ офицеровъ." Черезъ три мѣсяца послѣ сего произшествія я имѣлъ случай видѣть Черниговской полкъ по слѣдующему случаю :

Я получилъ предписаніе, что 15 Апрѣля Черниговской полкъ, въ числѣ 800 человѣкъ назначенный въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, долженъ будетъ проходить черезъ расположеніе моей бригады.

Извѣстіе о бунтѣ Черниговскаго полка произвело въ С. Петербургѣ сильное впечатлѣніе, тамъ полагали, что бунтъ сильнѣе нежели въ самомъ дѣлѣ оный впослѣдствіи оказался, и не безъ причины думали, что первое покушеніе злоумышленниковъ будетъ

обращено на корпуснаго командира Рота, который по сварливому своему характеру былъ весьма не любимъ. По сей причинѣ нашъ 3 корпусъ подчинили цесаревичу; велѣно командиру 4 корпуса Щербатову, расположенному около Кіева, и коего распоряженіями не были спачала довольны, принять дѣятельнѣйшія мѣры для укрощенія мятежа и въ тоже время прислали къ намъ генерала Демидова съ бланками государя и съ большимъ полномочіемъ, въ случаѣ смерти Рота, дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Императоръ при отправленіи Демидова въ армію сказалъ: "Въ случаѣ сильнаго возмущенія 3 корпуса (состоящаго изъ 7 въ Полтавской губерніи, 8 и 9 стоящихъ на Волыни) стараться собрать 7 дивизію, на которую я больше всѣхъ надѣюсь."

Сей отзывъ мнѣ и товарищамъ можетъ быть весьма лестенъ, ибо изъ нашей дивизіи никто не былъ замѣшанъ. Демидовъ говорилъ, что императора тревожило обстоятельство, что изъ карты расположенія войскъ усматривалъ, что въ близи отъ Черниговскаго полка стояла артиллерія, и опасались чтобы артиллерійскіе офицеры къ нему съ орудіями не присоединились, чего дѣйствительно едва не случилось, потому что офицеры сіи, какъ въ послѣдствіи оказалось, принадлежали къ славянскому союзу.

Въ злополучный день 14 Декабря всѣ государственные чины и духовенство равно и дамы собрались утромъ въ Зимній Дворецъ для принесенія поздравленія императору Николаю Павловичу.

Можно себѣ представить сколь съѣздъ былъ великъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что Московскій полкъ взбунтовался и что вообще гвардія ненадежна.

Тогда государь одинъ вышелъ на площадь, за нимъ послѣдовали всѣ военные, кромѣ гр. Аракчеева, который остался съ дамами въ дворцѣ, говорили, что онъ спрятался въ дворцѣ на чердакѣ. Зная всеобщую къ нему ненависть, онъ не рѣшался явится на площадь.

Не такъ сдѣлалъ Милорадовичь!

Отъ страха произведеннаго бунтомъ и отъ пушечныхъ выстрѣловъ, которые съ ужаснымъ трескомъ раздавались въ пустыхъ залахъ, дамы бывшія однѣ, объятыя страхомъ, попадали въ обморокъ. Императрица была въ отчаяніи, становилась на колѣни и молилась въ слезахъ, что весьма естественно.

Л. Г. Гренадерскій полкъ бросился во дворецъ, но былъ встрѣченъ саперным батальономъ и пошелъ на площадь.

Въ эту минуту, когда Грен. полкъ бѣжалъ на площадь, комендантъ Башуцкій кричалъ имъ: "въ ногу! въ ногу!" разумѣется, что это произошло отъ невѣденія, да и кому въ голову могло придти, что наши солдаты могли забыться.

Если бы это произнесъ другой, то осталось бы безъ вниманія, а такъ какъ это случилось съ Башуцкимъ, то и сей анекдотъ умножилъ число другихъ, про него разсказываемыхъ.

Командиръ Л. Г. Грен. полка полковникъ Стюрлеръ, убитый на площади, былъ рекомендованъ Александру Лагарпомъ.

В. к. Михаилъ Павловичъ испросилъ позволеніе государя уговорить заговорщиковъ, подъѣхалъ къ каре Л. Г. Грен. полка, въ сопровожденіи Васильчикова, началъ имъ говорить. Въ сіе время Кюхельбекеръ прицѣлился въ него, хотѣлъ спустить курокъ, но одинъ солдатъ выхвативъ ружье, сказалъ : "Развѣ вы не видите, что это его высочество.

Меня увѣрялъ Родзянко, что онъ самъ видѣлъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ, показывалъ сидящимъ подлѣ него портретъ убійцы герцога Берійскаго Лувеля съ надписью : урокъ царямъ.

ЕЩЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ ЖУРНАЛА М. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Царствованіе Александра I.)

Во время коронаціи въ 1826 году, цесаревичь Константинъ Павловичь, былъ въ Москвѣ, сказалъ императору, при Киселевѣ слѣдующее объ исторіи Карамзина, о которой зашла рѣчь: "Я былъ недавно въ Эмсѣ, гдѣ мнѣ было такъ скучно, что я прочиталъ всю исторію Карамзина отъ 1ой части до послѣдней и удивляюсь какъ покойный братъ мой позволилъ напечатать эту книгу, наполненную Якобинскими поученьями, прикрытыми витіеватыми фразами. По моему въ исторіи надобно помѣщать одни числа, годы и имена безъ всякихъ разсужденій."

Во время коронаціи Московскіе жители встрѣчали цесаревича Константина Павловича съ восторгомъ и кричали ура! Ѣдучи вмѣстѣ съ Киселевымъ, онъ приказывалъ сердитымъ видомъ чтобы они перестали

кричать, употребляя даже бранныя и матерныя слова. На возраженіе Киселева, что жителей незачто бранить, цесаревичъ отвѣчалъ : " Когда Кромвель въѣзжалъ въ Лондонъ, народъ его привѣтствовалъ громкими восклицаньями, Кромвель обратясь къ окружающимъ его сказалъ : слышите крики сіи, но ежели меня поведутъ на эшафотъ, то крики сіи тогда будутъ еще сильнѣе."

Вотъ нѣкоторыя анекдоты о покойномъ государѣ Александрѣ Павловичѣ, касающіеся до недовѣрчивости его и какой-то робости, составляющіе черту его характера. Любовница его Марья Антоновна Нарышкина сказывала, что онъ былъ очень робокъ, а кто лучше ея могъ это знать.

Она увѣряла, что на канунѣ такъ называемыхъ при дворѣ выходовъ онъ бывалъ грустенъ, онъ даже говаривалъ : " частному человѣку въ публикѣ нечего робѣть, mais c'est autre chose quand un souverain parait en public, tous les regards sont tournés vers lui, et les neuf dizièmes sont des malveillans, qui cherchent de découvrir en lui des défauts."

Однажды генералъ-адъютанты : Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя во дворцѣ у окна, расказывали другъ другу забавные анегдоты и хохотали. Вдругъ проходитъ императоръ, и они перестаютъ смѣятся, но появленіе его было столь внезапно, что на чертахъ ихъ лицъ видны были еще слѣды смѣха.

Черезъ нѣсколько минутъ государь посылаетъ за Киселевымъ, который застаетъ его стоящимъ передъ зеркаломъ. Императоръ нѣкоторое время смотрится

въ зеркало то съ одной стороны, то съ другой, и наконецъ подзывая Киселева спрашиваетъ его, чтобы въ его особѣ могло быть смѣшнаго? удивленный или лучше сказать пораженный симъ вопросомъ, Киселевъ отвѣчаетъ, что онъ его не понимаетъ. "Скажи мнѣ правду, продолжаетъ государь, можетъ быть сзади моего мундира есть что нибудь, подавшее поводъ къ насмѣшкамъ, потому что я видѣлъ какъ ты съ двумя товарищами своими, надо мною подсмѣхались."

Можно легко представить себѣ изумленіе Киселева, который сказалъ рѣшительно государю, что онъ до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ кабинета, пока императоръ не убѣдится въ несправедливости своего обвиненія. Пошлите сказалъ онъ, за Кутузовымъ и Орловымъ, пусть они вашему величеству разскажутъ о чемъ мы смѣялись.

По долгомъ преніи, наконецъ онъ успѣлъ убѣдить государя въ своей невинности.

Государь однажды сказалъ одной женщинѣ, съ которой онъ былъ коротко знакомъ: "On m'accuse de méfiance, mais sait on que depuis l'époque ou j'ai commencé à refléchir, je n'ai vu autour de moi que des malheurs, tout ce que j'ai entrepris, à tourné en malheur contre moi."

Вотъ два анекдота о покойномъ государѣ Александрѣ Павловичѣ: Въ Парижѣ 1815 году онъ обѣдалъ вдвоемъ съ графомъ Аракчеевымъ, который предложилъ учредить въ воспоминаніе чрезвычайныхъ произшествіи того времени новый орденъ съ пенсіо-

номъ св. Георгія и Владиміра, и пенсіоны сіи назначить тѣмъ, кто отличился въ послѣднихъ походахъ, или во время сихъ войнъ были изувѣчены.

— Но гдѣ мы возмемъ денегъ? — сказалъ императоръ.

— Я объ этомъ думалъ — отвѣчалъ Аракчеевъ, полагаю обратить на сей предметъ въ кару имѣнья тѣхъ Поляковъ, которые служили Наполеону въ 1812 году, не взирая на дарованныя имъ прощенія, не возвратились въ Россію какъ напр. князь Радзивилъ.

— То есть конфисковать ихъ? — прервалъ государь.

— Такъ точно — отвѣчалъ Аракчеевъ.

— Я конфискацій не люблю—возразилъ императоръ, можно объ нихъ только писать, но приводить въ исполненіе жестоко, и ежели мы возьмемъ, для предназначенныхъ тобою орденовъ съ конфискованныхъ имѣній, *то пенсіоны сіи будутъ заквашены слезами.* (Это собственныя слова Александра).

Государь Александръ страстно любилъ Марію Антоновну Нарышкину, однакожъ она не отвѣчала его пламени и имѣла любовниковъ, между прочимъ гр. Ожаровскаго.

Надобно знать, что государь приблизилъ его къ себѣ и назначилъ генералъ-адъютантомъ послѣ Фридланскаго сраженія, въ которомъ онъ лишился брата своего. Императору представили тогда, что въ убитомъ братѣ гр. Ожаровскій имѣлъ друга и все на свѣтѣ. Желая какъ можно утѣшить графа, государь сдѣлалъ его при себѣ генералъ-адъютантомъ, а Ожа-

ровскій отплатилъ ему неблагодарностью, онъ завелъ любовную интригу съ Маріей Антоновной.

Государь пріѣзжаетъ однажды къ ней и застаетъ у нея графа Ожаровскаго, который спасся бѣгствомъ. Императоръ ѣдетъ за нимъ, но не настигаетъ. Возвратясь къ Маріи Антоновнѣ, онъ упрекаетъ ее, но она съ свойственною женщинамъ хитростью увѣряла въ своей невинности, говоря, что Ожаровскій былъ принятъ ею въ внутреннихъ ея комнатахъ, потому, что онъ Полякъ и по связямъ ея съ его матерью.

На этомъ все кончилось.

По прошествіи нѣкотораго времени, государь засталъ Ожаровскаго въ спальной своей любезной, и въ такомъ положеніи, что онъ былъ счастливый соперникъ. Кто на мѣстѣ государя не отомстилъ бы дерзкому? Какой частный человѣкъ удержался бы въ порывѣ своего гнѣва? Посмотримъ что сдѣлалъ Александръ. Онъ призвалъ къ себѣ гр. Ожаровскаго и сказалъ ему: "похититель сердца Марьи Антоновны! ты отнялъ у меня послѣднюю отраду, единственное утѣшеніе, которое я имѣлъ на свѣтѣ, ты лишилъ меня благополучія. Мы не можемъ быть болѣе на дружеской ногѣ, на которой мы находились; по прежнему ты будешь генералъ-адъютантъ, я тебѣ ни въ чемъ не откажу — *вотъ все мое мщеніе.*"

Дѣйствительно гр. Ожаровскій, который имѣлъ духъ послѣ сего объясненія оставаться при дворѣ, получалъ много наградъ.

Бокъ извѣстный своей перепиской съ государемъ Александромъ Павловичемъ и заключеньемъ своимъ въ Шлюсельбургскую крѣпость. Писавъ къ государю, онъ начиналъ словами :

Mortel ! вмѣсто Sire !

Полковникъ Бокъ, котораго я знавалъ въ арміи какъ офицера отличной храбрости, писалъ неодпократно къ государю Александру Павловичу и сообщалъ предположенія свои о конституціонномъ правленіи. Не знаю, замѣтилъ ли его величество въ нихъ непозволительное вольнодумство, или по какимъ либо другимъ причинамъ, но запечатавъ полученныя отъ него письма и предложенія въ одинъ пакетъ, отправилъ ихъ къ маркизу Паулуччи съ приказаніемъ отослать Бока въ Шлюсельбургскую крѣпость. Въ собственноручномъ же его величества письмѣ писанномъ къ маркизу по сему предмету, сказано : что государь судя по образу мыслей Бока, полагаетъ, что лучше бы было отсрочить на нѣкоторое время *вольность крестьянъ*. " Нѣтъ отвѣчалъ Паулуччи, правительство не должно показывать послабленія и такъ какъ оно обѣщало дать свободу, то должно и сдержать свое слово." Императоръ соглашался съ нимъ.

Вотъ что мнѣ сказывалъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ :

О назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ престола при жизни Александра никто не зналъ, кромѣ двухъ особъ : Митрополита Филарета и князя Голицына. Государь, повѣрявшій мнѣ многія тайны,

не говорилъ мнѣ объ этомъ никогда ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обращаясь къ в. к. Николаю Павловичу, сказалъ ему: "Тебѣ надобно будетъ это поддержать." Я ничего другаго изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что судя по лѣтамъ Николая Павловича онъ показалъ, что онъ переживетъ государя и цесаревича— будетъ ихъ преемникомъ. Елисавета Алексѣевна, бывшая въ послѣдніе годы единственнымъ другомъ Александра, не знала даже ничего объ отреченіи Константина Павловича: вотъ тому доказательство.

Когда въ Таганрогѣ болѣзнь Александра не подавала уже никакой надежды на выздоровленіе, князь Волконскій совѣтовалъ лишь спросить у императрицы: къ кому, въ случаѣ кончины государя, должно будетъ относиться мнѣ какъ начальнику штаба его величества? ибо положеніе мое было весьма затруднительно, я оставленъ начальникомъ арміи въ такое время, гдѣ открываются случаи безпрерывныхъ заговоровъ.

Я не рѣшался лично предложить императрицѣ сего вопроса, не желая нанести ей огорченія, да и хотя пользовался ея милостями, но однакоже не въ такой степени, какъ князь Волконскій, который былъ другомъ царской фамиліи, потому и настоятельно просилъ его принять на себя объясненія съ государынею. Онъ не иначе на сіе согласился, какъ съ условіемъ, чтобы и я тутъ-же находился.

Мы вошли съ нимъ вдвоемъ въ комнату государя, лежащаго въ забытіи, и князь Волконскій, подойдя къ

Елисаветѣ Алексѣевнѣ, сказалъ ей, что я, какъ начальникъ штаба, прошу ее, къ кому, въ случаѣ несчастія, мнѣ должно будетъ относится.

— Развѣ государь такъ боленъ, спросила императрица, что уже надежды нѣтъ?

— Богъ одинъ можетъ помочь и спасти государя; однакоже спокойствіе и безопасность Россіи требуютъ, чтобы на всякій случай приняты были надлежащія мѣры.

— Разумѣется — сказала императрица, что въ несчастномъ случаѣ, надобно будетъ относится къ Константину Павловичу.

Сіи слова явно доказываютъ невѣденіе государыни о томъ, кто былъ назначенъ наслѣдникомъ престола.

Мы полагали съ к. Волконскимъ, что у покойнаго государя Александра Павловича было завѣщаніе, ибо онъ имѣлъ при себѣ безпрестанно конвертъ съ бумагами, котораго онъ никогда не оставлялъ. Когда мы по смерти его вскрыли сіи бумаги, то нашли, что въ нихъ были написаны какіе то молитвы. " Первоначальное мое воспитаніе на счетъ религіи, сказалъ мнѣ однажды императоръ, было весьма пренебрежено; Лагарпъ воспитывалъ меня въ духѣ своего вѣка, и я былъ, какъ и всѣ современники, не набоженъ, одинъ человѣкъ перемѣнилъ въ семъ отношеніи мой образъ мыслей." Но кто былъ сей человѣкъ, сказалъ фельдмаршалъ, я не знаю и имя его осталось мнѣ неизвѣстно. "Меня спасло, присовокупилъ государь въ семъ разговорѣ, что я не былъ развратенъ (jé n'ai pas été libertin), хотя я

любилъ и любилъ всею душею Нарышкину, въ чемъ я искренно каюсь."

Говоря объ Александрѣ, нельзя было не коснутся до его любимца гр. Аракчеева.

Я предлагалъ фельдмаршалу различные вопросы, на которые онъ мнѣ давалъ отвѣты; помѣщаю почти его собственные слова: "главнѣйшее достоинство гр. Аракчеева состояло въ томъ, что онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Государь, чувствуя себя слишкомъ добрымъ, желалъ имѣть при себѣ человѣка строгаго, непоколебимаго, который бы дѣлалъ перевѣсъ его добротѣ, и для сего выборъ палъ па Аракчеева."

Не смотря на всѣ доказательства расположенія къ нему государя, Аракчеевъ однакоже не входилъ въ кабинетъ государя иначе, какъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Это было примѣтно на лицѣ его и въ этомъ онъ мнѣ самъ сознавался.

Когда государь меня сдѣлалъ начальникомъ штаба своего, то по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ тотчасъ началъ говорить мнѣ объ Аракчеевѣ.

"Ты въ немъ найдешь, сказалъ онъ, человѣка необразованнаго, но единственнаго по трудолюбію и усердію ко мнѣ; старайся съ нимъ ладить и дружно жить: ты будешь имѣть съ нимъ часто дѣло и оказывай ему возможную довѣренность и уваженіе."

Во время убіенія любовницы его, императоръ находившійся въ Таганрогѣ, полагалъ, что ее убили нарочно, изъ ненависти не къ ней, но къ графу

Аракчееву, для того, чтобъ сего послѣдняго удалить отъ дѣла.

Тогда же графъ Аракчеевъ отдалъ странный или лучше сказать непозволительный приказъ, коимъ онъ, по случаю приключившейся ему болѣзни, назначилъ начальникомъ всѣхъ поселенскихъ войскъ г. Эйлера. Какъ будто можно кому либо, изъ командующихъ частію войскъ передавать власть другому. Сей непозволительный поступокъ хотя и былъ непріятенъ государю, однакоже онъ сказалъ мнѣ, что извиняетъ его болѣзненному состоянію.

До Ахенскаго конгресса государь, который былъ исполненъ республиканскихъ правилъ (qui avait l'âme républicaine), былъ преданъ конституціоннымъ правиламъ, но съ сего конгресса онъ началъ опять удалятся.

Государь Александръ, бывъ въ Крыму, сказалъ: "Если государю позволено, то я скоро переселюсь въ Крымъ и буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку."

Государь Александръ хотѣлъ посредствомъ учрежденій генералъ-губернаторства ввести конституціонныя правила, начавъ съ того, чтобъ отъ каждаго генералъ-губернаторства находились нѣсколько депутатовъ, но это не удалось, потому, что первоначальный выборъ генералъ - губернаторовъ былъ неудаченъ.

Рѣчь зашла о 14 Декабрѣ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что императоръ Александръ зналъ, что былъ

заговоръ; также ему было извѣстно, что прекратили члены свои засѣданія въ 1822 году.

Онъ молчалъ и когда возникъ вновь заговоръ, то онъ намѣренъ былъ въ исходѣ 1825 года велѣть ихъ схватить, но кончина ему въ томъ воспрепятствовала.

Государь почиталъ это пустяками, а себя слишкомъ твердымъ на престолѣ.

Изъ сихъ словъ самой довѣренной особы, каковъ былъ графъ Дибичъ, надобно заключить, что слухи о заговорѣ имѣли вліяніе на кончину государя—несправедливы.

"Dans deux jours, ou je suis mort, ou je suis votre souverain" было сказано въ письмѣ Николая Павловича къ графу Дибичу отъ 12 Декабря 1825 г.

Я встрѣтился съ Киселевымъ, мы разговаривали съ нимъ о дворѣ; вотъ что я отъ него слышалъ:

"Въ 1819 году государь Александръ Павловичъ возвращался изъ Варшавы, его провожалъ нѣсколько станціи цесаревичь Константинъ Павловичъ, который самъ слѣдующее обстоятельство разсказывалъ Киселеву, я его помѣщаю въ видѣ разговора.

Александръ. Я долженъ сказать тебѣ любезный братъ, что я хочу *абдикировать*; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства, я тебя предупреждаю, для того, чтобъ ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ.

Константинъ. Тогда я буду просить мѣста втораго камердинера вашего, я буду служить вамъ, и ежели нужно чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь это сдѣлалъ, то почелъ бы подлостью, но когда

вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ вамъ какъ благодѣтелю моему.—При сихъ словахъ императоръ Александръ поцѣловалъ меня такъ крѣпко, присовокупилъ цесаревичь, какъ никогда въ 45 лѣтъ не цѣловалъ.

Александръ. Когда придетъ пора абдикировать, то я тебѣ дамъ знать и ты мысли мои напиши къ матушкѣ.

Слѣдовательно дагадки мои объ отреченіи Александра отъ престола, которыя я помѣстилъ въ записках моихъ 1817 года, были справедливы. Государь хотѣлъ издать новые гражданскіе и уголовные законы и тѣмъ заключить свое царствованіе.

Марта 7, Николаевъ, страница 49.

Государь Александръ осматривая корабли въ Николаевѣ и разсуждая о подробностяхъ построенія сказалъ : au reste je juge comme un aveugle des couleurs. Я желалъ бы, чтобы тѣнь Петра Великаго не слыхала словъ сихъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Ѳ. ВОЕЙКОВА.

Не графъ Паленъ зачинщикъ заговора противъ императора Павла, первая мысль была гр. Никиты Петровича Панина.*

Питтъ съ восторгомъ ухватился за нее, когда Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова, (родная сестра г. Платона Алекс.) сообщила ему ее, и щедрою рукою отсыпалъ серебренники : ибо между заговорщиками находился и Іуда предатель. Не знаю какъ подѣлили ихъ, но знаю, что огромныя суммы остались у графа Палена, который не всыпалъ ихъ въ сокровищницу церковную и не удавился отъ раскаянія.

Все ужасное слово : цареубійца принадлежитъ ему, другіе были только орудіемъ.

Беннигсенъ помогалъ ему какъ Англичанинъ, ибо худо приходилось Англіи отъ союза Павла съ Наполеономъ.

* Воейковъ, авторъ Дома сумасшедшихъ, будучи знакомъ съ Леонтьемъ Вас. Дуббельтомъ, прочитывалъ ему свои записки и изъ осторожности просилъ его, какъ управляющаго жандармскою частью сдѣлать на оригиналѣ ихъ подпись, что записки тѣ имѣть у себя Воейкову дозволяется. Желаніе его, какъ онъ разсказывалъ своимъ знакомымъ, было Дуббельтомъ удовлетворено.

Я, будучи записанъ съ колыбели въ конную гвардію, вступилъ въ дѣйствительную службу въ концѣ 1796 года, вскорѣ по восшествіи на престолъ Павла I, 18 Января 1797 былъ произведенъ въ офицеры, въ концѣ 1798 исключенъ изъ службы, а въ Январѣ 1800 опять принятъ въ службу. Я былъ въ эти четыре года сто разъ арестованъ, мнѣ запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы, слѣдовательно я бы долженъ былъ быть въ числѣ недовольныхъ.

Благословляю Бога за то, что ни я, ни братъ мой, ни одинъ изъ офицеровъ конной гвардіи не были замѣшаны въ этомъ заговорѣ, ни отецъ мой и дядя.

Императоръ Павелъ былъ истинный царь по остротѣ ума, образованности, щедрости и великодушію.

Отъ природы вспыльчивый и нетерпѣливый, при чемъ былъ испорченъ сперва раболѣпными нянькамп и мамками и императрицею Елисаветою Петровною, которая въ самую минуту рожденія его схватила его подъ подолъ юбки, унесла на свою половину, весьма рѣдко показывала вел. княгинѣ его родительницѣ и продержала до самой своей кончины, т. е. до десятилѣтняго его возраста, между глупыми бабами двора своего, богомольными до ханжевства. Фавориты императрицы Екатерины и въ особенности князья Потемкины и Зубовы раздражали его и, гдѣ только могли—унижали.

Дерзость послѣднихъ изъ нихъ доходила до невѣроятности. Однажды, за обѣдомъ гдѣ находилось человѣкъ до 40, наслѣдникъ сидѣлъ подлѣ Екатерины,

а Зубовъ по другую сторону. Зашелъ о чемъ-то споръ, всѣ, а въ томъ числѣ и Зубовъ, объявили свое мнѣніе, но в. к. Павелъ Петровичъ не принималъ никакого участья. Императрица обратилась къ нему съ вопросомъ: "а вы в. высочество какъ объ этомъ думаете." Я согласенъ съ мнѣніемъ Платона Александровича отвѣчалъ в. князь.

"Надобно же, подхватилъ насмѣшливо избалованный фаворитъ, чтобы я сказалъ большую глупость."

Екатерина законодательница, Екатерина героиня, великая жена, исполнительница мудрыхъ предначертаній Петра великаго, платила дань человѣчеству постыднымъ сластолюбіемъ.

Она безъ мѣры награждала своихъ любимцевъ и мѣняла ихъ, какъ почтовыхъ лошадей, выбирала всегда мальчишекъ, сержантовъ гвардіи.

Первымъ изъ нихъ былъ еще при жизни Елизаветы Петровны, камеръ-геръ Салтыковъ, ничтожный и распутный; его смѣнилъ Понятовскій (впослѣдствіи возведенный и сверженный ею съ Польскаго престола), почти 10 лѣтъ прожилъ онъ въ самой нѣжной связи съ нею. Григорій Орловъ, возведенный ею въ графское, а потомъ въ княжеское достоинство, пользовался ею тоже почти 10 лѣтъ. Князь Потемкинъ, хотя удалившійся отъ двора, оставался всегда однимъ изъ сильнѣйшихъ и довѣреннѣйшихъ вельможъ.

Преемники ихъ, какъ-то долго не стояли и кромѣ Ланского, скончавшагося въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и Зубова, рѣдкіе оставались въ фаворѣ болѣе года.

Случилось, что государыня въ присутствіи старинного друга своего, Льва Александровича Нарышкина, очень хвалила голосъ тогдашняго своего фаворита Римскаго-Корсакова и назвала его, *соловьемъ*. "Жаль что эти соловьи поютъ только до Петрова дня," замѣтилъ ей тонкій царедворецъ, намѣкая на частую ихъ смѣну, всегда случавшуюся во время переѣзда двора въ Царское село.

И каждый изъ этихъ одноневныхъ насѣкомыхъ искалъ уязвить в. князя прямо или стороною, старались сокращать его доходы, которыхъ и такъ ему не доставало, уменьшать число его Гатчинскихъ баталліоновъ, ограничить власть его генералъ-адмирала, высказывать свое высокомѣріе, свою значительность въ придворныхъ собраніяхъ. Но все это можно бы было поправить, если бы окружающіе императора, по возшествіи его на престолъ, вельможи, пеклись болѣе о благѣ отечества, и поменьше о своихъ корыстяхъ.

Еслибы Ник. Мих. *Архаровъ*, к. Алексѣй Борисовичь *Куракинъ*, *Обольяниковъ*, гр. *Кутайсовъ*, гр. *Ростопчинъ*, гр. *Аракчеевъ*, и кн. П. В. *Лопухинъ* не очернили въ глазахъ его митрополита Платона, кн. Рѣпнина, Плещеева, гр. Завадовскаго, кн. Безбородку, гр. Маркова, то его царствованіе могло бы быть продолжительно и счастливо.

Добрые вельможи умѣряли бы его вспыльчивый характеръ, обращали къ благой цѣли его нетерпѣнія, медленно исполняли бы его жесткіе приговоры, въ пылу гнѣва произнесенные и быстро вознаграждае-

мые щедротами и милостями. Нам Русским не надо ходить въ чужія лѣтописи за примѣрами, посмотримъ на царя Іоанна Грознаго, руководимаго совѣтами Адашева и Сильвестра, и на того же царя, окруженнаго Татарами, Черкесами и буйной опричиной.

Архаровъ вышелъ изъ мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ въ частные пристава, потомъ отличнымъ полицмейстеромъ и славнымъ оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ,* потомъ генералъ-губернаторомъ Новгородскимъ и Тверскимъ при Екатеринѣ II, и С. Петербугскимъ военнымъ - губернаторомъ, при Павлѣ.

Вмѣстѣ съ необыкновеннымъ умомъ для слѣдствій, съ сладкимъ краснорѣчіемъ, съ удивительною, неутомимою дѣятельностью, соединялъ онъ ненасытное корыстолюбіе и непомѣрную жестокость въ наказаніяхъ. Слово : *нещадно,* кажется, имъ самимъ и для него было выдумано.

К. Александ. Борис. *Куракинъ* пользовался особеннымъ благоволеніемъ и, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ братомъ своимъ Алексѣй. Борис. Куракинымъ, считались домашними людьми при маленькомъ дворѣ Павла Петровича.

По вступленіи его на престолъ, онъ занималъ важныя должности въ хорошемъ смыслѣ слова. Его развратная жизнь, мотовство, хлопотливость безъ

* Память объ Архаровѣ пережила въ Москвѣ болѣе полустолѣтія. И въ настоящее время простой народъ называетъ тамъ полицейскую команду Архаровскимъ полкомъ.

всякой пользы, проэкты неисполнимые или пустые, недостатокъ образованія, хотя при умѣ отъ природы, остротѣ, дѣлали его тяжелымъ для подчиненныхъ и неправосуднымъ, при благородномъ стремленіи его къ правосудію.

Мы видѣли его гораздо позднѣе весьма обыкновеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Обольяниновъ былъ бы порядочнымъ уѣзднымъ судьею : должность генералъ-прокурора, до учрежденія министерства, еще обширнѣйшая должность министра юстиціи, вовсе задавили его.

Въ *Кутайсовѣ* и подъ голубой лентой билось лакейское сердце.

Петръ Васильевичъ *Лопухинъ* былъ одаренъ необыкновенными способностями. Онъ при Екатеринѣ былъ уже Ярославскимъ генералъ - губернаторомъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыя фортуна поставила его при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, когда дочь его Анна была любовницею государя, онъ могъ бы дѣйствовать смѣлѣе чѣмъ кто нибудь, но лѣнивый и сладострастный, охотникъ до собакъ и шутовъ, ему именно не доставало того высокородія, съ какимъ сенаторъ К. Я. Ѳ. Долгорукій предъ Петромъ великимъ стоялъ за правду и говорилъ.

Гр. *Ростопчинъ*, ума остраго, памяти удивительной, образованный, словолюбивый, но гибкій царедворецъ, при всемъ желаніи быть прямымъ, еще не столь твердый на паркетѣ, какъ Куракинъ, Лопухинъ, Кутайсовъ, онъ раболѣпствовалъ, хотя способенъ былъ

къ великимъ дѣламъ, которыми ознаменовалъ себя въ великомъ 1812 году.

При Павлѣ Петровичѣ онъ возвышался, обогащался и берегъ свою кожу.

О гр. *Аракчеевѣ*, о любимцѣ Павла кн. *Мещерскомъ*, о *Линденерѣ* не стану распространяться. Дѣла ихъ у всѣхъ въ свѣжей памяти. Они раздражали государя противъ его вѣрноподданныхъ, а подданныхъ, разными выдумками и грозными слухами, пугали и вооружали противъ государя.

Они вмѣстѣ съ Архаровымъ и Обольяниновымъ, хотя и были осыпаемы милостями Павла и ему были преданы, но много помогли злодѣйскому замыслу графовъ Панина и Палена.

Генералъ гр. Леонтій Леонтьевичъ *Бенигсенъ*. *Бенигсенъ*, изъ Гановерскихъ дворянъ, вѣчно въ россійскомъ подданствѣ никогда быть не желалъ и причины тому не изъявлялъ. Сначала онъ служилъ въ Гановерской пѣхотной гвардіи и въ чинѣ подполковника въ 1773 году перешелъ въ русскую службу и принятъ премьеръ-маіоромъ. Онъ опредѣленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ сверхъ комплекта, и изъ онаго пожалованъ въ подполковники въ 1776 году. Бенигсенъ сдѣлалъ Турецкую кампанію подъ начальствомъ Румянцова, потомъ участвовалъ подъ начальствомъ Потемкина во всѣхъ его походахъ. Онъ былъ при Очаковѣ, при Бендерахъ, потомъ былъ посланъ въ Польшу и заслужилъ особое расположеніе Суворова, который поздравилъ его съ чиномъ генералъ-маіора въ 1794 году. Въ первый разъ я встрѣтилъ Бенигсена

въ кремлевскомъ дворцѣ въ день коронованія императора Александра и съ невольнымъ почтеніемъ остановился предъ этой величавой фигурой. Онъ былъ въ общемъ генеральскомъ мундирѣ съ Александровскою лентою и съ Георгіемъ на шеѣ.

Высокій, сухощавый съ длиннымъ лицемъ и орлинымъ носомъ, съ видной осанкой, прямымъ станомъ и холодной физіономіей, онъ поразилъ меня своею наружностью. Между круглыми, скулистыми и курносыми лицами русскихъ генераловъ и сановниковъ. Я сталъ разспрашивать о немъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ, мнѣ сказали : " Это Бенигсенъ ! "

Онъ тогда уже былъ извѣстенъ храбрыми подвигами въ Турецкую и Польскую кампанію въ 1794 г. подъ начальствомъ всесокрушающаго Суворова, но еще болѣе преступнымъ участьемъ въ цареубійствѣ и словами, отъ которыхъ у добродѣтельныхъ людей, волосы становятся дыбомъ. Когда заговорщики съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ спальню имп. Павла, сей злосчастный монархъ, испугавшись буйной, полупьяной толпы, соскочивъ съ кровати, скрылся за экраномъ камина. Не найдя его, святотатцы оробѣли ; но Бенигсенъ съ сатанинскимъ хладнокровіемъ подошелъ къ постели, пощупалъ ее рукою и сказалъ : Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin."

Эти слова ободрили толпу ; заговорщики обшарили всѣ углы небольшой комнаты, нашли его и дерзко вытащили изъ за экрана.

Бенигсенъ первый далъ совѣтъ умертвить его, сказавъ Зубову : "les demi-mesures ne valent rien " (Я

слышалъ это отъ капитана *Марина* и отъ л. г. егер. полка *Огонь-Догоновича.* Этотъ Маринъ извѣстенъ сатирическимъ переложеніемъ оды Ломоносова изъ Іова, съ примѣненіемъ обстоятельствъ ея къ службѣ русскаго офицера при Павлѣ).

Долго спустя въ 1812 году Беннгсенъ, желая смыть царскую кровь съ рукъ своихъ, разсказывалъ о дворцовомъ переворотѣ 19 Марта генералу Кайсарову совсѣмъ иначе, т. е. хотѣлъ его надуть сказкой, которую имѣлъ время выдумать: "Я находился на Кавказѣ на службѣ" такъ началъ онъ, "и имѣя дѣло въ сенатѣ, тяжебное дѣло, просился въ Петербургъ въ отпускъ мнѣ было отказано, вмѣстѣ съ отказомъ я получилъ письмо отъ гр. Палена, въ которомъ онъ какъ С. Петер. воен.-губернаторъ и сильный человѣкъ при императорѣ, приглашалъ меня тайно пріѣхать въ столицу, на короткой срокъ, для устройства дѣлъ моихъ."

"Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ прислалъ онъ ко мнѣ и паспортъ на проѣздъ въ С. Петербургъ.

"Тяжба моя была не шуточная; я поскакалъ, явился къ графу Палену, получилъ отъ него билетъ на проживаніе подъ именемъ повѣреннаго генерала Беннгсена, онъ взялъ съ меня слово не показываться ни въ какія публичныя мѣста до разрѣшенія моего дѣла, которое обѣщалъ мнѣ исходатайствовать у государя."

"Такимъ образомъ жилъ я, выходя только къ сенатскому секретарю и оберъ-секретарю производившему мое дѣло. Это происходило въ Февралѣ."

" Тишина, однообразіе, скрытая жизнь въ отдаленной части города неожиданно прерваны были вечеромъ въ роковой день 11 Марта."

" Ко мнѣ пріѣхали всѣ три брата Зубовы, въ пошевняхъ, князь Платонъ, Александръ, и Валеріянъ. Послѣдній былъ со мной коротко знакомъ въ польскомъ походѣ. Насильно увезли меня они въ квартиру Платона Зубова гдѣ я нашелъ человѣкъ 30 офицеровъ. Насъ встрѣтили съ бокалами шампанскаго, пили за здоровье мое, съ неистовыми криками ура! Я осушилъ мой бокалъ съ благодарностью. Съ перваго шага въ эту комнату, я увидѣлъ какую-то суматоху, замѣтилъ, что часто перешептивались, произносили какія-то боязливыя слова, для меня не понятныя; я понялъ, что тутъ не простая вечеринка, гдѣ предсѣдаютъ вино, карты, пѣсенники и цыганы."

" К. Платонъ Александровичь не заставилъ меня долго искать разгадку: онъ взялъ меня подъ руку, ввелъ въ свой кабинетъ и началъ съ того, что графъ Паленъ просилъ, или лучше сказать требуетъ слѣпой вѣры всему, что услышу отъ Зубовыхъ. Тутъ князь распространялся въ доказательствахъ о бѣдствіи государства, о несообразности ни съ климатомъ, ни съ русскимъ духомъ нововведеній въ гвардіи и арміи, удаленіе отъ службы заслуженныхъ генераловъ и государственныхъ людей, объ отмѣнѣ, пожалованной Петромъ III грамоты дворянству и городоваго положенія; о тѣлесныхъ наказаніяхъ дворянъ, о пыткахъ, о казняхъ, о доносахъ и наконецъ о замѣченныхъ признакахъ сумашествія у императора; о мѣрахъ,

хотя прискорбныхъ и тяжкихъ, но необходимыхъ, которыя (будто бы) извѣстны Александру Павловичу и Маріи Ѳеодоровнѣ, и имѣютъ цѣлью: временное лишеніе императора его царской власти, и учрежденіе, до выздоровленія его, регентства, какъ учреждено оно было въ Англіи надъ королемъ Георгомъ III."

" К. Зубовъ наименовалъ нѣсколько своихъ единомышленниковъ, между которыми нашелъ я имена гр. Панина и г. А. Уварова, и другихъ осыпанныхъ милостями государя. К. остановился, ожидая моего отвѣта. Быстро я окинулъ мое опасное положеніе, въ которое хитрый покровитель мой меня поставилъ и увидѣлъ, что не было другого средства выпутаться, какъ соединиться съ ними."

" Я протянулъ ему руку и отвѣчалъ: и на жизнь и на смерть."

"Онъ бросился обнимать и тотчас вывелъ меня изъ кабинета къ обществу.—"*Нашъ еси Исаакій, да воспрянемъ съ нимъ!*" вскричалъ опять обнимая меня."

" Видно было, что это былъ пароль заговорщиковъ. Опять подали шампанское, опять ура!"

" Въ заключеніе переодѣли меня въ чей-то генеральскій мундиръ; мы сѣли съ Зубовымъ въ сани; за нами потянулся цѣлый поѣздъ."

" Далеко не доѣзжая до Михайловскаго замка мы соскочили съ саней и, крадучись одинъ за другимъ, подошли къ нему."

" Дворецъ былъ окруженъ войскомъ, которое стояло въ мертвой тишинѣ, не смѣя шевельнуться, ни брякнуть оружьемъ, ни промолвить слово."

“ Я замѣтилъ баталліонъ Семеновскаго полка князя Вяземскаго; мы прошли мимо главной гауптвахты: солдаты, увидя толпу, зашевелились, но караульный капитанъ, *Маринъ*, скомандовалъ: “ подъ курокъ!” выхватилъ два пистолета, сказалъ солдатамъ, что застрѣлитъ того, кто осмѣлится тронуться съ мѣста и прибавилъ: “ не ваше дѣло!” Полковой адъютантъ *Аргамаковъ* повелъ насъ по лѣстницѣ гусемъ, самъ же онъ шелъ далеко впереди какъ колонновожатый.”

“ Ему во всякую пору былъ дозволенъ входъ во дворецъ.”

“ Привыкнувъ быть всегда, впереди моего полка, я и тутъ былъ впереди маленькой колонны.”

“ Долго не понималъ я, какъ случилось, что я очутился одинъ въ спальнѣ императора, глазъ на глазъ съ нимъ и держа обнаженную шпагу. Послѣ я уже узналъ, что полупьяная толпа оробѣла, кинулась внизъ по лѣстницѣ, а предводители ихъ за ними.”

“ Между тѣмъ императоръ стоялъ въ одной рубашкѣ. У насъ произошелъ разговоръ, не болѣе 10 минутъ длившійся; мнѣ показались онѣ за вѣчность.”

“ Павелъ, дрожа отъ страха, стоялъ предо мной, блѣдный съ всклокоченными волосами, до того растрогалъ меня своимъ раскаяніемъ, своими слезами и особенно невѣденіемъ многаго дѣланнаго его именемъ, что я готовъ былъ защищать его противъ цѣлаго свѣта.”

“ Настало молчаніе.”

“ Я вообразилъ, что коварство Палена и Зубовыхъ придумало выбрать меня орудіемъ ихъ замысла; я

поставилъ шпагу на полъ и остріемъ къ сердцу моему, и хотѣлъ заколоться."

"Вдругъ буйная толпа ворвалась съ неистовыми криками, въ спальню, впереди были всѣ три брата Зубовы."

"Государь, упалъ на колѣни, плакалъ, просилъ о пощадѣ, отрѣкался отъ престола, умолялъ только о жизни."

"Многія поколебались."

"Преобр. полка офицеръ Скарятинъ закричалъ: "что вы ему вѣрите, завтра же мы будемъ всѣ на эшафотѣ!"

"Граф. Платонъ Зубовъ, зять Суворова, ударилъ стоявшаго на колѣняхъ, въ слезахъ, императора, табакеркой въ лѣвый високъ. Онъ упалъ безъ чувствъ, но былъ еще живъ."

"На него кинулись Татариновъ, Скарятинъ, К. Яшвель..... шарфъ Аргамакова помогъ окончить дѣло."

"Я ушелъ прежде, чтобы не быть свидѣтелемъ этого ужаснаго зрѣлища."

"Въ дворцовой революціи 12 Марта всего прискорбнѣе, всего ненавистнѣе для Русскаго то, что ее произвела не пламенная любовь къ отечеству, не желаніе спасти гражданъ отъ тиранства; ее произвело личное мщеніе и золото Англіи. Да золото! спросите у Ольги Алекс. Жеребцовой, сестры Зубовыхъ, она еще жива. Она была любовницей Англійскаго посла при россіс. дворѣ, лорда Литворста и

тайнымъ агентомъ Питта. Ее заговорщики послали въ Лондонъ къ Питту, который на упреки принца Condé, въ смерти Павла, холодно ему отвѣтилъ: "que m'importe comment, pourvu que l'animal soit terrassé."

Выписка изъ записокъ

КНЯЗЯ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ВОЛКОНСКАГО.

(Царствованіе Павла I.)

6 Іюня.

Государь, заказавъ портному для себя новый, мундиръ, приказалъ прислать къ себѣ въ Павловскъ золотошвея для вышитія петлицъ по случаю перемѣны формы въ гвардіи.

Золотошвей прибылъ рано утромъ въ маленькой *форменной* колясочкѣ, потому что дрожки были *запрещены*. По полученіи заказа работъ отъ государя, золотошвей послалъ съ мальчикомъ колясочку мимо дворца и балкона (гдѣ государь изволилъ всегда заниматься дѣлами съ секретарями), приказавъ мальчику идти пѣшкомъ и вести лошадь подъ уздцы.

Я въ то время былъ посланъ отъ наслѣдника къ генералъ-адъютанту Ливену; идя по бульвару, я увидѣлъ, что лошадь золотошвея испугалась барабаннаго боя, вырвалась изъ рукъ мальчика, бросилась въ сторону на бульваръ, колесами задѣла за перила бульвара, стала бить задомъ.

Государь, увидавъ сіе изъ окна, пришелъ на мѣсто, гдѣ стала колясочка, приказалъ находящимся у входа двумъ инвалиднымъ унтеръ - офицерамъ выпрячь лошадь и бить ее съ двухъ сторонъ палками. Лошадь стала еще болѣе брыкаться; наконецъ приказавъ лошадь отдать на *съѣзжу*, возвратился во дворецъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА.*

I.

Къ стр. 43—46.

1785 г. Императрица очень обрадована была пріѣздомъ князя (Потемкина); потерею любимца своего (А. Д. Ланскаго) она огорчилась, на нѣкоторое время при дворѣ остановлены были всѣ увеселенія. Въ придворной церкви, у обѣдни, сколько молодыхъ людей вытягивались—кто сколько нибудь собою былъ недуренъ, помышляя сдѣлать такъ легко свою фортуну: частая перемѣна фаворитовъ каждаго льстила, видя, что не всѣ они были геніи, почти всѣ изъ мелкаго дворянства и неполучившіе тщательнаго воспитанія. Наконецъ выборъ палъ на гвардіи офицера Александра Петровича Ермолова; касательно его наружности, онъ не былъ отлично хорошъ, особливо въ сравненіи съ прежними фаворитами, а еще болѣе съ послѣднимъ Ланскимъ. Тотъ былъ

* Записки Энгельгардта напечатаны въ Москвѣ 1860 г., in 8, но съ пропусками; приводимъ любопытные отрывки, попавшіе на Руси подъ цензурный молотъ.

большаго роста, станъ имѣлъ прекрасный, мужественный, черты правильныя, цвѣтъ лица показывалъ здороваго и крѣпкаго сложенія человѣка; а Ермоловъ былъ женоподобенъ, умомъ же не превосходилъ послѣдняго, котораго считали не слишкомъ дальновиднымъ.

Я недѣли двѣ былъ нездоровъ и не выѣзжалъ изъ дому; получивши облегченіе, пріѣхалъ къ Князю и увѣдомился, что (на мѣсто Мамонова) взятъ въ адъютанты Ермоловъ и живетъ во дворцѣ въ отдѣленіи его свѣтлости. Я тотчасъ пошелъ къ нему знакомиться. У комнаты его стоялъ придворный камеръ-лакей; я хотѣлъ войти прямо къ Ермолову, но камеръ-лакей остановилъ меня и спросилъ: "какъ прикажете о себѣ доложить?" Я былъ столько простъ, что не догадался къ чему готовится мой товарищъ и сказалъ: "что это за странность, что безъ доклада войти не можно?" (Ермоловъ принялъ Энгельгардта свысока). Въ день праздника, который данъ свѣтлѣйшимъ княземъ въ Аничковскомъ домѣ, когда всѣ съѣхались, прибыла императрица съ великими князьями и сѣла играть въ карты; а Ермолова поставили отъ нея шагахъ въ четырехъ, впереди всѣхъ вельможъ, стоявшихъ вокругъ государыни. Тогда я только догадался, къ чему сего адъютанта готовили!.......

На другой день новый фаворитъ занялъ во дворцѣ обыкновенныя комнаты, гдѣ они пребывали, пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ ея величества и станиславскимъ кавалеромъ; чрезъ нѣсколько дней

генералъ - маіоромъ и кавалеромъ Бѣлаго Орла: таковъ былъ ходъ всѣхъ фаворитовъ.....

Въ Іюнѣ 1786 года Ермоловъ вышелъ изъ фавера; дано ему было въ Могилевской губерніи 6,000 душъ; а на его мѣсто поступилъ А. М. Мамоновъ.

II.

Къ стр. 113.

1793. Наконецъ въ одно таковое засѣданіе польскій сеймъ* былъ окруженъ 4 русскими баталліонами съ пушками. Генералъ-маіоръ Раутенфельдъ въ мундирѣ введенъ въ сеймовую залу, близь трона поставлены ему кресла; сорокъ человѣкъ офицеровъ въ мундирахъ также введены были въ залу и размѣщены въ разныхъ мѣстахъ...... Къ дверямъ залы поставленъ былъ караулъ, чтобы никого не выпускать; король изнемогъ, и ему приносили нѣсколько разъ бульону и вина. Въ теченіи этого времени одинъ изъ депутатовъ сказалъ: "императрица именуетъ патріотовъ якобинцами; я думаю, что якобинцы противятся законному монархическому правленію и власти королевской, а мы напротивъ защищаемъ тронъ и права нашего отечества. Но вотъ якобинъ (указавъ на генерала Раутенфельда), который только что не сидитъ на тронѣ; вотъ якобины, которые вопреки нашимъ законамъ съ оружіемъ введены въ сеймовую залу для угнетенія нашихъ правъ; вотъ якобины, которые стоятъ съ примкнутыми штыками около сейма и поставили пушки, готовыя разрушить тронъ

* Въ Гродно.

и нашу вольность." По произнесеніи сей смѣлой рѣчи, онъ тотчасъ былъ выведенъ. Другой сказалъ: "я думаю, что насъ называютъ якобинами потому что у насъ россійскій посолъ — Якобъ Сиверсъ!" И того вывели.

III.

Къ стр. 171.

1801 годъ. Послѣ священнодѣйствія коронаціи Александра I, къ престарѣлому іерарху митрополиту Платону подошелъ князь Зубовъ и сказалъ: "я думаю ваше высокопреосвященство устали." — "Очень усталъ, отвѣчалъ митрополитъ, однакожъ я думаю, что вы не заставите меня еще такъ уставать."—"Не безпокойтесь, возразилъ ему князь; этотъ не вашъ воспитанникъ!" (Платонъ былъ законоучителемъ Павла I.)

IV.

Изложеніе первой кампаніи противъ Французовъ при императорѣ Александрѣ I, Энгельгардтъ заключаетъ этими словами:

Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра I — и ее можно назвать эпохою въ его правленіи: до того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, коваренъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному гр. Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ, и тѣмъ отвлекъ отъ него людей истинно-любящихъ его и Россію.

Описаніе же войны 1812 — 1814 *годовъ, авторъ заключаетъ такъ* :

Тогда императоръ былъ во всей своей славѣ : русскими обожаемъ, въ Европѣ превозносимъ не только какъ побѣдитель, но какъ величайшій политикъ, великодушный и скромный благотворитель рода человѣческаго ; всѣ несли ему въ дань свои души и сердца. Со времени Аустерлицкаго сраженія, за несправедливый гнѣвъ его къ Кутузову и оскорбленіе другихъ генераловъ понапрасну, равно за подозрительный и коварный нравъ его, онъ отвлекалъ сердца своихъ подданныхъ; но послѣ торжества его все было забыто. Ожидали, что миръ доставитъ Россіи благоденствіе, что императоръ будетъ болѣе заниматься внутреннимъ устройствомъ государства, что онъ увидя настоящую цѣль военной службы, не будетъ заниматься мелочью ; но впослѣдствіи оказалось противное, и военная служба сдѣлалась несноснѣе и труднѣе, отъ генераловъ требовали то, что требовалось отъ низшихъ классовъ офицеровъ.

V.

Къ стр. 178.

1820 г. Войска наши, бывъ долгое время въ чужихъ краяхъ и видя всѣ государства во всей Европѣ управляемыми законами и конституціями, и притомъ наклонность самаго государя къ подобному образу правленія, подавшаго поводъ къ таковому ожиданію въ торжественной рѣчи своей на Варшавскомъ сеймѣ, заразились духомъ времени. Молодые люди уже въ 1818 году составили тайныя общества въ

Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ; и общества сіи отчасти были извѣстны императору, но онъ ихъ пренебрегъ, дальнѣйшихъ изысканій не дѣлалъ, а искра тлѣлась. Самые низшіе чины почувствовали разность въ обращеніи и содержаніи чужеземныхъ войскъ, а притомъ и сами содержимы были за границею иначе, нежели въ Россіи. Тамъ отъ нихъ не требовалось изнурительной вытяжки, и не занимали ихъ безпрестанными ученьями, довольствовали ихъ лучшею пищею, и спали они на тюфякахъ; возвратясь же въ Россію, рѣдко для постели имѣли хорошую и свѣжую солому, ѣли пустую кашицу и очень рѣдко по небольшой порціи мяса, требовалась отъ нихъ чистота и опрятность въ узкихъ мундирахъ, безъ отдыха ихъ учили, что́ и произвело между ними ропотъ. Императоръ увидѣвъ, что гвардейскій Семеновскій полкъ, котораго, будучи наслѣдникомъ, онъ былъ шефомъ и который имъ самимъ былъ избалованъ, отъ прочихъ полковъ гвардіи въ экзерциціяхъ отсталъ,—передъ отъѣздомъ своимъ за границу на конгрессъ опредѣлилъ командиромъ онаго полка полковника Шварца, служившаго всегда въ арміи, неимѣвшаго никакого воспитанія, но отличавшагося чрезвычайною строгостію по фронтовой службѣ. При отъѣздѣ государь сказалъ ему, что онъ надѣется по возвращеніи своемъ не только найти Семеновскій полкъ сравнившимся съ прочими полками, но что оный какъ первый въ гвардіи полкъ будетъ во всемъ лучшій. Семеновскій полкъ наполненъ былъ

офицерами изъ лучшаго дворянства, людьми воспитанными и гордящимися предъ прочими, находясь въ любимомъ полку государя. Солдаты были выбраны изъ всей арміи лучшіе. Уже самое опредѣленіе Шварца имъ было тягостно: какъ армейскій полковникъ будетъ ими командовать? Его грубое и неблаговоспитанное обращеніе еще болѣе противу него вооружало. Офицеры говорили между собою, но такъ, чтобы нѣкоторые нижніе чины могли слышать: "Шварцъ можетъ командовать скотами, а не людьми." Къ тому-же какъ Шварцъ хотѣлъ, чтобы къ пріѣзду государя представить полкъ во всей исправности, то и сталъ безпрестанно учить безъ отдыха. По обыкновенію полки гвардіи въ лѣтнее время по частямъ отпускались работать на биржу, гдѣ они заработывали много денегъ для улучшенія своего содержанія и чтобы чище одѣваться. За безпредѣльнымъ ученіемъ Семеновскіе не имѣли на то времени, да и Шварцъ ихъ не отпускалъ, что и обратило на него общее полка негодованіе. Всякой день требовалъ онъ, чтобы фельдфебели изъ каждой роты приводили къ нему по десяти рядовыхъ во всей аммуниціи и чтобы перевязи къ сумамъ и тесакамъ были чисто выбѣлены; самъ ихъ училъ ружейнымъ пріемамъ, и маршированію; за малѣйшую ошибку наказывалъ ихъ строго къ чему они не привыкли; но еще болѣе несносно, имъ было, что онъ ихъ ругалъ поносно и непристойными словами, плевалъ имъ въ лицо и пр. Ежели онъ кого изъ нихъ наказывалъ строже

другихъ, офицеры таковымъ давали деньги, браня Шварца. Въ одинъ день лейбъ-роты фельдфебель привелъ по обыкновенію 10 солдатъ съ худо-выбѣленною амуниціею. Шварцъ его выгналъ, приказавъ привести другихъ, и если они будутъ также неопрятны, то обѣщалъ дать ему 500 лозановъ; а онъ уже имѣлъ три нашивки, означавшія 25 лѣтнюю службу, и орденскій знакъ, по которому освобождался отъ тѣлеснаго наказанія. Фельдфебель, пришедъ въ роту, сталъ наряжать другихъ солдатъ; но тѣ ему сказали, что имъ аммуницію нечѣмъ выбѣлить, что какъ они на работу не отпускаются, то и не на что купить ни мыла, ни клею, ни мѣла. Тогда фельдфебель сказалъ: "такъ мнѣ придется принять 500 лозановъ, ежели не приведу въ такомъ видѣ, въ какомъ полковникъ приказалъ." Вся рота закричала въ голосъ: "мы до того никакъ не допустимъ!" Какъ онъ ни упрашивалъ, чтобы перестали противиться, но они и слушать не хотѣли. Фельдфебель пошелъ доложить ротному командиру, капитану Кашкарову, объ ослушаніи роты. Кашкаровъ пришелъ къ ротѣ, сталъ увѣщевать, но солдаты отвѣчали: "ваше высокоблагородіе, мы не ослушиваемся, но намъ нечѣмъ бѣлиться, — какъ вамъ угодно." Капитанъ донесъ о томъ полковнику, а этотъ поѣхалъ доложить великому князю Михаилу Павловичу, какъ бригадному командиру. Великій князь прибылъ въ казармы и нѣкоторыхъ наказалъ, но солдаты въ одинъ голосъ и его высочеству сказали, что они не выходятъ изъ должнаго повиновенія, но докладываютъ, что они не имѣютъ

па что бѣлиться, и просятъ его высочество сдѣлать инспекторскій смотръ, по которому начальство усмотритъ варварскіе съ ними поступки полковника.

Великій князь поѣхалъ къ командующему гвардейскимъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Васильчикову, который приказалъ всю роту въ шинеляхъ привести въ экзерцпргаузъ, гдѣ собранъ былъ вооруженный гвардейскій Павловскій полкъ. Какъ скоро рота была приведена, то тотъ полкъ ее окружилъ и отвелъ въ Петропавловскую крѣпость со всѣми офицерами подъ арестъ. На другой день 1 батал. Семеновскаго полка долженъ былъ вступить въ караулъ. За недостающимъ числомъ людей, приказано было нарядить оныхъ изъ другихъ баталліоновъ. Весь полкъ въ шинеляхъ вышелъ безъ ружья на плацъ-парадъ и требовалъ первую роту, какъ составляющую славу полка, безъ которой отрекались идти въ караулъ. Офицеры всячески уговаривали рядовыхъ, чтобы перестали бунтовать, но они, снимая передъ ними фуражки, отвѣчали съ вѣжливостью одно и тоже. Нѣкоторые ворвались было въ домъ Шварца, но онъ скрылся. Вскорѣ дошло объ этомъ до великихъ князей и корпуснаго командира. Они прибыли къ полку на плацъ-парадъ, спрашивали о причинѣ ихъ бунта. Они (солдаты) отвѣчали: "возвратите намъ лейбъ-роту иначе въ въ казармы не пойдемъ."—Лейбъ рота за ослушаніе арестована, сказалъ Васильчиковъ; она въ крѣпости

"Извольте и насъ арестовать; если лейбъ-рота виновна, то и мы съ нею виноваты." Васильчиковъ приказалъ имъ идти въ крѣпость. Весь полкъ пошелъ

безъ малѣйшаго сопротивленія. Въ крѣпости ихъ размѣстили въ разныя казармы. Лейбъ-гренадерскій полкъ съ заряженными ружьями назначенъ былъ въ крѣпость, въ караулъ къ арестованному полку. Чрезъ день Семеновскій полкъ по частямъ, за карауломъ, отправленъ въ Кронштатъ, а оттуда моремъ по разнымъ приморскимъ крѣпостямъ; одна только лейбъ рота оставлена въ Петропавловской крѣпости, какъ первая, которая возмутилась. Во все время мятежа Семеновскаго полка тишина не была нарушена, и многіе узнали о томъ спустя нѣсколько дней. О всемъ томъ происшедшимъ отправленъ въ Троппау къ государю курьеръ съ донесеніемъ, по которому полученъ отъ государя указъ: Семеновскій полкъ касировать по частямъ; размѣстить нижнихъ чиновъ въ разные отдаленные полки арміи; офицеровъ перевести по табели о рангахъ, также и юнкеровъ, въ армейскіе полки; Шварца отставить; Семеновскій полкъ сформировать лучшими людьми изъ гренадерскаго корпуса, равно офицеровъ выбрать исправнѣйшихъ, по считаться имъ наравнѣ съ молодою гвардіею. Государь далъ секретное повелѣніе корпуснымъ командирамъ, чтобы бывшихъ въ Семеновскомъ полку офицеровъ не брать въ адъютанты, не принимать отъ нихъ прошеній ни въ отставку, ни въ отпускъ, и не представлять ихъ къ производству. Въ такомъ несчастномъ положеніи сіи офицеры были до коронаціи императора Николая I.

Въ тоже время государь указалъ уничтожить всѣ масонскія и мартинистскія ложи и всякого роду

тайныя общества и секты, обязавъ подпиской, чтобы никто не осмѣливался продолжать быть членомъ таковыхъ обществъ подъ строжайшимъ взысканіемъ; а до того не только было препятствіе, но даже поощреніе къ самымъ нелѣпымъ сектамъ.

По возвращеніи государя въ Петербургъ строго надзирали за авторами и журналами, чтобы ничего не писали о конституціяхъ и касающагося до правительства. Графъ Аракчеевъ взялъ сильную власть; ослѣпившійся государь подписывалъ все, что ему ни подавалъ графъ, котораго суровый и жестокій нравъ обратилъ къ себѣ ненависть всѣхъ Русскихъ.

Упомянувъ о поѣздкахъ государя на конгресы въ Лейбахъ и Верону и описавъ возстаніе Греціи авторъ говоритъ :

Обращаюсь опять къ происшествіямъ въ Россіи; содержаніе арміи—1,200,000 войска—стало тягостно Россіи; поѣздки императора на конгресы умножили расходы до чрезвычайности, а потому требовалось умноженіе податей; дворяне обѣдняли, торговля упала, земледѣльцы не въ состояніи стали платить подушныя за чрезвычайнымъ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ, потому что некуда стало его сбывать, промышленность исчезла; къ тому же нѣсколько лѣтъ былъ неурожай; довершила все отмѣна откупа винной продажи : казна взяла оную на свою отвѣтственность, почему всѣ деньги, бывшія въ оборотѣ, оставались въ казнѣ. Государь совсѣмъ перестал входить въ гражданскую часть. Злоупотребленія возникли до чрезмѣрности; хотя и посылаемы были

сенаторы ревизовать губерніи и смѣнялись часто губернаторы, но новые не лучше были прежнихъ; нравственность вовсе исчезла; словомъ Россія никогда не была въ худшемъ состояніи. Государь, думая искоренить злоупотребленія, хотѣлъ раздѣлить Россію на области, по пяти губерній въ каждой, опредѣляя начальниками извѣстныхъ ему генераловъ, и нѣсколько таковыхъ областей было учреждено, но пользы мало оказалось, почему въ послѣдующемъ царствованіи было отмѣнено.

За подробнымъ описаніемъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 *году наводненія, слѣдуетъ* :

Императоръ, будучи уже извѣстенъ о буйственномъ духѣ неблагомыслящихъ или заблуждавшихся, сдѣлался болѣе подозрителенъ, опасался покушенія на свою жизнь, умножилъ шпіоновъ, но зло не прекращалъ. Ежегодно разъѣзжалъ въ разныя части государства, но не только не дѣлалъ пользу своими объѣздами, а обремѣнялъ оными жителей : для его проѣзда дѣлали дороги, на которыя въ самую рабочую пору высылали почти поголовно крестьянъ; тѣмъ лишалъ ихъ хлѣба, а дворянъ дохода; осматривалъ войска, но на гражданскую часть не обращалъ вниманія. Спачала, какъ я сказалъ, казалось — хотѣлъ дать законы представительнаго государства, чѣмъ воспламенилъ дерзкую юность, но послѣ напротивъ ввелъ строгій деспотизмъ : всѣми сими обстоятельствами собиралъ грозную тучу, которая грозила разразиться при окончаніи его царствованія.

СМЕРТЬ МИЛОРАДОВИЧА.

Слѣдующіе подробности о послѣднемъ днѣ жизни и о кончинѣ графа Милорадовича сообщены мнѣ адъютантомъ его Башуцкимъ, который 14 Декабря одинъ находился при немъ.

По утру того дня Графъ былъ на завтракѣ у танцовщицы Телешевой, которую онъ любилъ платонически и сей платонической привязанности къ актрисѣ трудно повѣрить, ежели кто не знавалъ характера его исполненнаго страстностей.

Во время завтрака онъ узнаетъ, что Московскій полкъ отказался присягать императору Николаю; онъ скачетъ на Сенатскую площадь и начинаетъ увѣщевать бунтовщиковъ, но сіи его отталкиваютъ и даже одинъ изъ нихъ взялъ его за воротникъ. Послѣ сего Графъ спѣшитъ къ императору, котораго застаетъ на дворцовой площади, окруженнаго народомъ; докладываетъ, что надобно употребить мѣры строгости и присовокупляетъ: "Voyez, Sire, dans quel état ils m'ont mis." На сіе государь ему сказалъ: "что онъ какъ генералъ - губернаторъ

долженъ ему отвѣчать за спокойствіе города и приказываетъ ему взять конно-гвардейскій полкъ и идти съ нимъ противъ Московскихъ и Лейбъ-Гренадеръ." Графъ Милорадовичъ садится на извощика и спѣшитъ въ конно-гвардейскіе казармы, гдѣ приказываетъ сѣдлать лошадей.

Проходитъ ¼ часа, полъчаса, наконецъ болѣе, но кирасиры не выѣзжаютъ; промедленіе сіе, какъ узнали послѣ, случилося отъ того, что офицеръ Кон. Гвард. князь *Одоевскій*, участвовавшій въ заговорѣ, бѣгалъ по конюшнямъ говоря солдатамъ: это ложная тревога и что сѣдлать не должно.

Графъ Милорадовичъ теряетъ терпѣніе, требуетъ лошадь, чтобы ѣхать къ бунтовщикамъ и говоритъ окружающимъ его: "впрочемъ я очень радъ, что Кон. Гвар. не поторопились выѣзжать; я безъ нихъ одинъ уговорю Московскій полкъ, тутъ должны быть одни повѣсы, да и не надо, чтобы кровь пролилась въ день вступленія на престолъ государя."

Бунтовщики увидя его, сдѣлали ему на караулъ и кричали: ура! Графъ вынулъ шпагу и показывая имъ, говорилъ: "что шпага сія подарена ему цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ знакъ дружбы —увѣрялъ ихъ, что цесаревичь отрекся отъ престола и ни подъ какимъ видомъ не хочетъ царствовать; неужели, заключилъ онъ, я измѣню моему другу?"

Убѣжденія его остаются тщетны.

"Развѣ нѣтъ между вами старыхъ солдатъ, продолжаетъ онъ, которые бы со мной служили? и которые бы меня знали?"

Происходитъ молчаніе.

"Я вижу, говоритъ онъ, что тутъ одни мальчишки" приказываетъ и убѣждаетъ ихъ положить оружіе и просить о помилованіи.

Солдаты колеблются, но нѣкто изъ каре закричалъ: "что это вздоръ, что не надобно вѣрить ему!" и въ это мгновеніе раздался пистолетный выстрѣлъ. Графъ пронзенный пулею, падаетъ съ лошади на руки Башуцкому и въ произшедшую отъ того суматоху Милорадовичу нанесли еще ударъ штыкомъ. Его хотѣли отнести къ нему въ домъ, но онъ сказавши, что онъ чувствуетъ, что рана смертельная, велѣлъ чтобы положили его на солдатскую койку въ Кон. Гвар. казармахъ. Между тѣмъ какъ несли его мимо конно-гвардейскаго полка, который былъ уже выстроенъ, никто изъ генераловъ и офицеровъ не подошелъ къ раненому герою, котораго имя навсегда останется украшеніемъ нашихъ военныхъ лѣтописей; тутъ были нѣкоторыя лица называвшіяся его друзьями и бывшія ежедневно въ домѣ его, и тѣ даже не изъявили ни малѣйшаго соучастія.

Я довершу описаніемъ подлостей современниковъ нашихъ, сказавши, что когда по принесеніи его въ казармы, начали его раздѣвать, то у него украли часы и кольцо, подаренное ему за нѣсколько дней вдовствующею императрицею.

Въ скоромъ времени съѣхались врачи и на утѣшенія ихъ Графъ отвѣчалъ только, что онъ знаетъ, что ему должно умереть. Когда вырѣзывали изъ его раны пулю, то онъ посмотря на оную, сказалъ:

"Я увѣренъ былъ, что въ меня выстрѣлилъ не солдатъ, а какой нибудь шалунъ, потому что эта пуля не ружейная."

Онъ не испустилъ ни одной жалобы и почти все время сохранялъ молчаніе, но, когда боль усилилась, то онъ закусывалъ себѣ губы иногда до крови. Государь часто присылалъ навѣдываться о его здоровьи съ извиненіемъ, что самъ не можетъ отойти ни на минуту отъ матери и супруги, происшествіями того дня очень испуганныхъ. Подъ вечеръ императоръ прислалъ къ нему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія. Я видѣлъ подлинникъ онаго у сестры Графа, Стороженковой, и съ него списалъ копію.

"Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ тебя Богъ за *все*,* что ты для меня сдѣлалъ. Уповай на Бога, такъ какъ я на него уповаю, онъ не лишитъ меня друга. Если бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ.

"Мнѣ тяжелъ сегодишній день, но я имѣлъ утѣшеніе ни съ чѣмъ несравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ, во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей, дѣтей: Да дастъ мнѣ Богъ всещедрый силы имъ за то воздать, вся жизнь моя на то посвятится.

Твой другъ искренній."

Николай.

* Слово "все" подчеркнуто.

Графъ Милорадовичъ самъ хотѣлъ прочесть сіе письмо, но сколь много ни ставили подлѣ него свѣчей, однакоже силы его того ему сдѣлать не позволили; когда ему оное прочли, то онъ сказалъ, чтобы письмо сіе положили съ нимъ въ гробъ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и продиктовавъ свое завѣщаніе или лучше сказать просьбу государю, заключавшуюся въ трехъ статьяхъ:

1) Письмо сіе отослать къ роднымъ.

2) Крестьянъ его отпустить на волю.

3) Друга его Майкова не забыть.

Часовъ въ 9 онъ исповѣдался и пріобщался св. Таинъ, а въ полночь начался бредъ, предвѣстникъ кончины; бореніе со смертью продолжалось часовъ до 3хъ, и онъ умеръ въ безпамятствѣ, говоря по своему обыкновенію то по русски, то по французски.

ДВА ПИСЬМА А. П. ЕРМОЛОВА.

I.

ПИСЬМО КЪ ГРАФУ ГУРЬЕВУ

(Отъ 17 Іюня 1822 года).

Лагерь въ Кабардѣ.

Милостивый государь,

Графъ Дмитрій Александровичь!

Желая избѣгнуть случаевъ, въ которыхъ объясненія оффиціальныя не могутъ быть пріятными, я имѣю согласіе вашего с-тва. на переписку партикулярную и симъ пользуясь, прошу покорнѣйше взглянуть на сообщеніе, писанное ко мнѣ отъ 3 Марта.

Ваше сіятельство изволите увидѣть, что можно было избавить меня отъ заключающагося въ концѣ вопроса. Вы конечно не сдѣлали бы таковаго, если бы хотя минуту остановили вниманіе ваше на томъ, что провинцію Шекинскую присоединилъ я къ управленію нашему, принявъ на себя исполненіе въ

пользу нашу дарованнаго Хапу трактата, ясно представляющаго наслѣдственное онымъ владѣніе, тогда какъ провинція сія приноситъ болѣе полумилліона дохода, а сдѣланныя мною издержки не составляютъ и десятой части онаго.

Сверхъ того они употреблены на предметы, дѣлающіе честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законные, да на содержаніе фамиліи умершаго владѣтеля.

Я не имѣлъ на сіе высочайшаго разрѣшенія, что вамъ не можетъ быть неизвѣстно, и мнѣ, когда нужно было дѣйствовать, затруднительно ожидать онаго единственно для того, чтобы соблюсть установленный порядокъ, который впрочемъ на провинцію, вновь къ управленію присоединенную, до прочнаго основанія въ ней устройства распространиться не можетъ.

Передавъ уже разъ сборъ доходовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, я не входилъ ни въ какое распоряженіе онымъ, но за прежнее до того времени и по законамъ и по собственнымъ правиламъ чести, я ни чѣмъ не обязанъ, кромѣ ясной отчетности и таковая уже отдана правительству.

Можетъ быть не знакомъ я вашему сіятельству со стороны бережливости, но въ теченіи довольно продолжительной, а иногда и видной службы, хорошо будучи замѣченнымъ, оскорбительны подобные вопросы, а если сдѣланы съ намѣреніемъ, то и нестерпимы.

Вамъ м. г. въ поступкѣ моемъ, когда я ищу только приличія, угодно видѣть присвоеніе излишней власти, увѣрьтесь в. с., что я не кичусь воспользоваться ничтожностію.

Имѣю честь быть

А. Ермоловъ.

II.

ПИСЬМО КЪ УСТРЯЛОВУ.

Увлекаясь общимъ любопытствомъ прочитать исторію достославнаго царствованія нашего государя императора, долго не могъ я пріобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемаго съ большимъ желаніемъ, и потому недавно познакомился съ его содержаніемъ.

Не разсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почитаю себя вправѣ говорить что въ немъ упомянули вы обо мнѣ.

Вы изволили меня изобразить въ чертахъ—совершенно не свойственныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу пройденному мною на службѣ, и что прежде нежели приступить къ тому не было бы лишнимъ принять въ руководство свѣденія болѣе основательныя или правдоподобныя, хотя впрочемъ долженъ я, не желая подозрѣвать другой причины, предположить, что въ изложеніи вы искали соблюсти добросовѣстность.

По произволу вашему, приписавъ мнѣ *недостатокъ способности*, вы отрицаете прозорливость покойнаго

императора Александра I, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и низложеніе — его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба не многимъ достигнуть предоставляетъ.

Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ имъ избираемыхъ недостатки способности могли легко укрываться отъ его проницательности и легко были замѣчаемы другими.

Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣлены были непосредственной его волею.

Такъ, въ 1812 году, эпоху отечественной войны, былъ я назначенъ начальникомъ штаба 1 арміи; въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80,000 войска, расположеннаго на границѣ съ Австріею, наконецъ, за 6 лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначенъ начальствовать арміею въ Италіи, болѣе нежели въ 100,000 человѣкъ состоящихъ и для того вызванъ въ Лейбахъ, гдѣ отзывъ обо мнѣ покойнаго императора императору австрійскому могъ быть лестнѣйшій для каждаго наградою.

Прежняя война съ Персіею, была современною войнѣ отечественной и, не взирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ г. Ртищева, кончена со славою для оружія нашего и пріобрѣтеніемъ.

Во время пребыванія моего въ Грузіи отличныя войска Кавказскаго корпуса значительно умножены и сверхъ того нынѣ благополучно царствующимъ государемъ, усилены двумя дивизіями. Персіянами

предводительствовалъ сынъ шаха Абасъ - Мирза, столько же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитъ пораженіями Русскихъ войскъ.

Вамъ М. Г. неизвѣстно, но я знавши хорошо обстоятельства, войну съ Персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ и чувствовать въ себѣ недостатокъ способности, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными, чтобы поражать Персіянъ.

Не оскорбленное самолюбіе, но признательное довѣріе, котораго я былъ удостоенъ покойнымъ императоромъ до конца его царствованія и уваженіе къ памяти обо мнѣ прежнихъ моихъ сослуживцевъ вызвали меня, замѣтить вамъ М. Г. эту непозволительную ошибку.

Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть

А. Ермоловъ.

17 Сентября 1847 года.

МНѢНІЕ ГОСПОДИНА МОРДВИНОВА.

Если объ Эмбинскихъ рыбныхъ ловляхъ, пожалованныхъ графу Кутайсову, разсуждать по одному только отношенію къ самодержавной власти, конечно весьма легко рѣшить все дѣло. Неограниченною волею одного государя воды сіи отданы частному человѣку, неограниченная воля другаго государя, ему равнаго, можетъ ихъ взять обратно; опредѣлить за нихъ вознагражденіе большее или меньшее, или не опредѣлить никакого, зависитъ отъ его хотѣнія.

Тутъ не можетъ быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости. Въ понятіи власти произвольной все смѣшано, и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго, ибо она сама есть первая несправедливость; въ семъ понятіи не было никакой нужды спрашивать у Совѣта мнѣнія о семъ дѣлѣ, развѣ о томъ, какимъ образомъ дѣйствіе самовластія прикрыть въ немъ видомъ общественной пользы.

Но какъ я думаю и думать не перестану, что государь, предлагая дѣло сіе Совѣту, вопрошаетъ его не

о благовидности, но о справедливости, и слѣдовательно желаетъ, чтобъ вопросъ сей былъ изслѣдованъ въ понятіяхъ правленія монархическаго, то и должно, кажется мнѣ, прежде всего согласиться въ слѣдующихъ началахъ:

1. Владѣніе Эмбинскихъ водъ и всего что въ указѣ 1799 года означено есть собственность графа Кутайсова. Совѣтъ призналъ сію истину въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ.

2. Законъ собственности признается въ Россіи вообще непоколебимымъ; слѣдовательно и собственность графа Кутайсова должна быть неотъемлема.

3. Если бы сія неотъемлемость ограничивалась только тѣмъ, чтобы частные люди не могли на нее дѣлать притязаній, то былъ-бы законъ достаточный въ турецкихъ областяхъ, но весьма несправедливый въ Россіи, гдѣ и правительство не можетъ отнять имѣнія ни у кого безъ суда и закона.

4. Изъ сего слѣдуетъ: на собственность частныхъ лицъ въ Россіи правительство не больше имѣетъ права, какъ и всякой частный человѣкъ.

5. По сему, сколько-бы исключительное владѣніе какимъ либо имѣніемъ ни оказывалось противнымъ общему благу, не можно для сего его взять въ общее употребленіе; ибо нѣтъ у насъ закона, чтобы для общаго блага лишать имѣнія частныхъ людей, да я и не знаю, чтобъ гдѣ нибудь былъ такой законъ терпимъ или полезенъ, ибо никогда общее благо не зиждется на частномъ раззореніи.

6. Лишить собственности, по общему понятію

сего слова, есть взять имѣніе безъ согласія лица, которое имъ владѣетъ. А по сему взять Эмбинскія воды у Кутайсова безъ согласія его, есть лишить его собственности, есть нарушить первый законъ, коимъ благоустроенное правительство (?) отличается отъ насильственнаго.

7. Замѣнъ, хотя бы онъ и дѣйствительно былъ соразмѣренъ отбираемому имѣнію, не есть однакожъ согласіе, если онъ опредѣляется тѣмъ самымъ лицомъ, которое отбираетъ. Правительство не можетъ на собственность больше имѣть права, какъ и всякое частное лице (сіе выше доказано); но какому частному лицу позволяется быть судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ?

8. И такъ судя по строгой справедливости, по которой единственно Совѣтъ судить долженъ, не можно Эмбинскихъ водъ взять у графа Кутайсова, и опредѣлить замѣнъ безъ его согласія.

9. Скажутъ, что сіе согласіе получить отъ него невозможно; но предлагали-ли ему о семъ? Почему необходимо должно изъяснять намѣреніе людей въ худую сторону и для чего въ дѣлѣ закона принимать вѣроятныя предположенія за достовѣрные опыты? Полагая однакожъ, что и дѣйствительно требованія его будутъ неумѣренны, что пожелаетъ, на примѣръ, тотъ же самый доходъ деньгами, который теперь получаетъ отъ своего промысла,—я вмѣстѣ съ симъ спрашиваю: справедливо ли поступитъ правительство, удовлетворивъ его требованіямъ? Если справедливо, то вмѣстѣ съ тѣмъ и для общаго блага

выгодно, ибо нѣтъ въ свѣтѣ безполезной справедливости, и та самая ложная государственная экономія, которая на счетъ твердости закона думаетъ сберечь нѣсколько тысячь рублей. Твердость закона, а особливо закона толико существеннаго, какъ собственность, ни какими милліонами оцѣнить не можно. Экономія есть часть государственнаго блага, а законъ его основаніе; часть развалившуюся можно поправить, но потрясенное основаніе рушитъ все зданіе. Если нужно, чтобы законъ былъ врѣзанъ въ сердцахъ народныхъ (а въ Россіи это нужно, ибо сіе есть единый способъ къ лучшему), то надобно начать съ того, чтобъ правительство не позволяло себѣ ни малѣйшаго отступленія ни для кого, ни для чего. Дабы истребить прежнія несправедливости, надобно начать съ того, чтобы ихъ вновь не дѣлать; иначе силы произволенія будутъ поправляться силою. Вѣчно будетъ сила, а никогда не будетъ закона.

10) Скажутъ, что указы, на которыхъ основано право графа Кутайсова, составлены подлогомъ. Но если государственныя постановленія въ Россіи *позволять признать* за истину, не должно послѣ сего говорить ни о собственности, ни о вознагражденіи, а должно судить того, кто сдѣлалъ сей подлогъ, ибо государь сдѣлать его не могъ. Но какъ, думаю я, указы у насъ не могутъ быть ни выпрошены, ни подложны: то и возраженіе сіе неумѣстно, оно только вводитъ замѣшательство въ частный случай и простыя понятія.

11) По всѣмъ симъ причинамъ мое замѣчаніе

есть : что не можно во-первыхъ взять у графа Кутайсова Эмбинскихъ ловель безъ его согласія, и сіе примѣчаніе относится равно ко всѣмъ проэктамъ указовъ. Вторая часть мнѣнія моего состоитъ въ томъ : если у него возьмутъ, не должно на нихъ совершенно и земель по берегамъ оставлять въ общемъ и независимомъ владѣніи. Доказательства на сіе суть слѣдующія :

1) Рыбныя ловли вообще раздѣляются на два рода; однѣ суть подвижныя, на лодкахъ и судахъ производимыя; другія неподвижныя извѣстныхъ зданій на самыхъ водахъ устроенныхъ общими силами. Первыя должно всѣмъ позволить; но послѣднія или никогда въ Россіи существовать не будутъ, или должны принадлежать исключительно тѣмъ, кои ихъ устроятъ. Мысль, что ихъ теперь нѣтъ, не доказываетъ, что ихъ никогда не будетъ. Промышленности народной невозможно назначить предѣловъ, а законъ общій долженъ обнимать не только настоящее, но и все что будущее открыть можетъ; иначе будущаго никогда не будетъ и мы останемся въ настоящемъ.

2) Общее есть правило, что земли общія суть земли дикія. Одна увѣренность, что труды и капиталъ, полагаемые на удобреніе земли, на различныя заведенія суть неотъемлемая собственность, превратила пустыни въ плодоносныя поля, и всегда ихъ превращать будетъ, доколѣ человѣкъ повиноваться будетъ единому безпрестанному всѣхъ обществъ началу собственной пользы каждаго и наслажденія.

3) По сему я мыслю, что какъ на водахъ морскихъ всѣ неподвижныя строенія должны принадлежать неотъемлемо и исключительно ихъ хозяевамъ, такъ и берега и острова должны быть розданы для заведенія частнымъ людямъ на томъ же правилѣ собственности. Скажутъ, что прочность сихъ заведеній обезпечена быть можетъ полицейскимъ распорядкомъ; но если сіи части должны быть собственностію, то необходимо должно ихъ основывать на законѣ, а не на полицейскомъ распорядкѣ, который не установляетъ собственность, но охраняетъ ее и ограждаетъ въ существованіи.

4) Скажутъ еще съ большею силою, что это бы значило взять у одного, чтобы отдать другому. Не другому, но *многимъ*, а въ этомъ-то и состоитъ первый законъ истинной государственной экономіи. Монополія, по самому слову, значитъ, когда одинъ захватилъ нужное всѣмъ имущество, покоряетъ все своей волѣ и корыстолюбію, но когда одною вещею владѣютъ многіе, тогда не все покорено одному, тогда есть соревнованіе въ продажѣ, и цѣна установляется числомъ требователей и количествомъ вещей.

5) Скажутъ, что малые участки легко могутъ быть скуплены однимъ, и тогда монополія возникнетъ во всей своей силѣ. Сіе заключеніе справедливо, но есть весьма простое средство предупредить его: постановивъ сіе закономъ, такъ какъ сіе постановлено въ англійскихъ, американскихъ колоніяхъ, — чтобъ частное лицо не могло владѣть болѣе извѣстнаго пространства, ни берега, и все что найдено будетъ

превосходящимъ сію мѣру отбираемо будетъ въ казну, съ отдачею четвертой части тому, кто докажетъ.

Если не благоугодно будетъ принять примѣчаній моихъ, относительно согласія графа Кутайсова, тогда сей проэктъ представитъ по крайней мѣрѣ ту пользу, что удалится лично отъ государя мысль нарушенія собственности, и что судьею и опредѣлителемъ имѣнія постановится посредствующее мѣсто. Правительствующій сенатъ, вѣроятно предположить можно, что онъ неболѣе опредѣлитъ Кутайсову возмездія, сколько и совѣсть полагаетъ; но по крайней мѣрѣ пусть лучше на сіе поступитъ тотъ, кто исполняетъ законъ, нежели тотъ кто ихъ создаетъ. Что принадлежитъ до примѣчанія, что при общемъ семъ указѣ споры графа Кутайсова съ графомъ Салтыковымъ останутся не рѣшеными, я мыслю, что ихъ и рѣшать не нужно, ибо найдено уже и доказано, что графъ Салтыковъ отыскиваетъ того, что ему никогда не принадлежало—а Кутайсова владѣнія, что ему отдано въ собственность—и дѣйствительно рѣшеніе все состоять должно въ отказѣ первому, а отказъ и молчаніе въ подобныхъ случаяхъ всегда равно принимались.

О

ПРАВѢ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ

ФОНЪ ВИЗИНА.

Верховная власть ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, а добрые государи чувствуютъ. Просвѣщенный ясностію сея истины и великими качествами одаренный монархъ, облекаясь въ неограниченную власть, и стремясь къ совершенству по сколько смертному возможно, самъ тотчасъ ощутитъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство и что прямое самовластіе, тогда только вступаетъ въ истинное свое величество; когда само у себя отъемлетъ возможность къ содѣянію какого либо зла. И дѣйствительно все сіяніе престола есть пустой блескъ, когда добродѣтель не сидитъ на немъ вмѣстѣ съ государемъ: но вообразя его таковымъ, котораго умъ и сердце столько были бы превосходны, чтобъ никогда не удалялся онъ отъ общаго блага, и чтобъ сему правилу подчинилъ онъ всѣ свои намѣренія и дѣянія, кто можетъ подумать, чтобъ сею подчиненностію безпредѣльная власть его ограничивалась? Нѣтъ, она есть одного свойства со властію существа вышняго. Богъ потому и всемогущъ, что не можетъ дѣлать

ничего другаго кромѣ блага; а дабы сія невозможность была безконечнымъ знаменіемъ его совершенства, то постановилъ онъ правила вѣчныя истины для самаго себя непреложныя, по коимъ управляетъ онъ вселенною, и коихъ, не преставъ быть Богомъ, самъ преступить не можетъ. Государь подобіе Бога, преемникъ на землѣ вышней его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непреложныя, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не преставъ быть достойнымъ государемъ.

Безъ сихъ правилъ, или точнѣе объясниться, безъ непремѣнныхъ государственныхъ законовъ, не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя. Не будетъ той подпоры, на которой бы общая ихъ сила утвердилась, всѣ въ намѣреніяхъ полезнѣйшія установленія ни какого основанія имѣть не будутъ. Кто оградитъ ихъ прочность? Кто поручится, чтобъ преемнику не угодно было въ одинъ часъ уничтожить все то, что во всѣ прежнія царствованія установляемо было? Кто поручится, чтобъ самъ законодатель окруженный неотступно людьми затмѣвающими предъ нимъ истину, не раззорилъ того сегодня, что созидалъ вчера? Гдѣ же произволъ одного есть законъ верховный, тамъ прочная общая связь и существовать не можетъ; тамъ есть государство, но нѣтъ отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединились бы узломъ взаимныхъ правъ и должностей; одно пристрастіе

бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія, ибо не нравъ государя приноравливается къ законамъ, но законы къ его нраву. Какая же довѣренность, какое почтеніе можетъ быть къ законамъ неимѣющимъ своего естественнаго свойства, то есть, соображенія съ общею пользою? Кто можетъ дѣла свои располагать тамъ, гдѣ безъ всякой справедливой причины завтра вмѣнится въ преступленіе то, что сегодня не запрещается? Тутъ каждый подверженъ будучи прихотямъ и неправосудію сильнѣйшихъ, не щитаетъ себя въ обязательствѣ наблюдать того съ другими, чего другіе съ нимъ не наблюдаютъ. Тутъ, съ одной стороны, на законы естественные, на истины ощутительныя дерзкое невѣжество требуетъ доказательствъ, и безъ указа имъ не повинуется, когда съ другой стороны безумное велѣніе сильнаго съ рабскимъ подобострастіемъ непрекословно исполняется. Тутъ кто можетъ повелѣваетъ, но никто ничѣмъ не управляетъ, ибо правитъ долженствовали бы законы, кои выше себя ничего не терпятъ. Тутъ подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному любимцу. Я назвалъ его недостойнымъ потому, что названіе любимца не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему отечеству истинныя заслуги, а принадлежитъ обыкновенно человѣку достигшему высокихъ степеней по удачной своей хитрости нравиться государю. Въ такомъ развращенномъ положеніи злоупотребленіе самовластія восходитъ до невѣроятности, и уже престаетъ всякое различіе между государствен-

нымъ и государевымъ, между государевымъ и любимцовымъ. Отъ произвола сего послѣдняго все зависитъ. Собственность и безопасность каждаго колеблятся, души унываютъ, сердца развращаются, образъ мыслей становится низокъ и презрителенъ. Пороки любимца не только входятъ въ обычай, но бываютъ почти единымъ средствомъ къ возвышенію. Если духъ его объятъ буйствомъ и дурное воспитаніе пріучило его къ подлому образу поведенія, то во время его знати, поведеніе благородное бываетъ уже довольно къ загражденію пути къ счастію; но если провидѣніе въ лютѣйшемъ своемъ гнѣвѣ къ человѣческому роду попускаетъ душею государя овладѣть чудовищу, которой все свое любочестіе полагаетъ въ томъ, чтобъ государство неминуемо было жертвою насильствъ и игралищемъ прихотей его; если всѣ уродливыя движенія души влекутъ его первенствовать только богатствомъ, титлами и силою вредить;—если взоръ его, осанка, рѣчь, ничего другаго не знаменуютъ какъ: "боготворите меня, я могу васъ погубить;" если безпредѣльная его власть надъ душою государя препровождается въ его душѣ безчисленными пороками; если онъ гордъ, наглъ, коваренъ, алченъ къ обочащенію, сластолюбецъ безстыдный, лѣнивецъ, — тогда нравственная язва становится всеобщею, всѣ сіи пороки разливаются и заражаютъ дворъ, городъ, и наконецъ государство. Вся молодость становится надмѣнна, и принимаетъ тонъ буйственнаго презрѣнія ко всему тому, что должно быть почтенно; всѣ узы благо-

чинія разторгаются, и къ крайнему соблазну ни вѣкъ изнуренный въ служеніи отечества, ни санъ пріобрѣтенный истинною службою, не ограждаютъ почтеннаго человѣка отъ нахальства и дерзости едва изъ ребятъ вышедшихъ и однимъ случаемъ подни-маемыхъ негодяевъ. Коварство и ухищреніе пріем-лется главнымъ правиломъ поведенія, никто нейдетъ стезею себѣ свойственною. Никто не намѣренъ заслуживать, всякой ищетъ выслуживать въ сіе благо-спѣшное недостойнымъ людямъ время; какого воз-даянія могутъ ожидать истинныя заслуги или паче есть-ли способъ служить мыслящему и благородное любочестіе имѣющему гражданину? Какой чинъ, какой знакъ почести, какое мѣсто государственное не изгажено скареднымъ прикосновеніемъ пристраст-наго покровительства? Посвятя жизнь свою военной службѣ, лестно-ли дослуживаться до полководства, когда вчерашній капралъ, не извѣстно кто, и сказать стыдно за что, становится сегодня полководцемъ и принимаетъ начальство надъ заслуженнымъ и ранами покрытымъ офицеромъ? Лестно-ль быть судьею, когда правосуднымъ быть не позволяется? Тутъ алчное корыстолюбіе довершаетъ общее развра-щеніе. Головы занимаются однимъ примышленіемъ средствъ къ обогащенію. Кто можетъ — грабитъ, кто не можетъ—крадетъ. И когда государь безъ не-преложныхъ государственныхъ законовъ зиждетъ на пескѣ свои зданія, и выдавая непрестанно частные уставы, думаетъ истребить вредные государству откупы, тогда не знаетъ онъ того, что въ государствѣ

его ненаказанность всякаго преступленія давно на откупу, что для безсовѣстныхъ хищниковъ стало дѣломъ единаго разсчета изчислить, что принесетъ ему преступленіе, и во что милостивый указъ стать ему можетъ.

Когда же правосудіе претворилось въ торжище, и можно бояться потерять безъ вины свое, и надѣяться безъ права взять чужое, тогда всякой спѣшитъ наслаждаться безъ пощады тѣмъ, что въ его рукахъ, угождая развращеннымъ страстямъ своимъ. И что можетъ остановить стремленіе порока, когда идолъ самаго государя, предъ очами цѣлаго свѣта въ самыхъ царскихъ чертогахъ водрузилъ знамя беззаконія и нечестія, когда насыщая безстыдно свое сластолюбіе, ругается онъ явно надъ священными узами родства, правилами чести, долгомъ человѣчества, и предъ лицемъ законодателя божескіе и человѣческіе законы попирать дерзаетъ. Не вхожу я въ подробности гибельнаго состоянія дѣлъ изторгнутыхъ имъ подъ особенное его начальство; но вообще видимъ, что если съ одной стороны заразившійся его духъ любоначалія кружитъ всѣмъ головы, то съ другой духъ праздности поселившій въ него весь адъ скуки и нетерпѣнія разпространяется далеко и привычка къ лѣности укореняется тѣмъ сильнѣе, что рвеніе къ трудамъ и службѣ почти оглашено дурачествомъ смѣха достойнымъ. Послѣ всего мною сказаннаго и живымъ примѣромъ утверждаемаго, не ясноль видимъ, что не тотъ государь самовластнѣйшій, которой на недостаткѣ государственныхъ законовъ чаетъ утвердить свое само-

властіе. Порабощенный одному или нѣсколькимъ рабамъ своимъ, почему онъ самодержецъ? развѣ потому что самаго держутъ въ кабалѣ недостойные люди. Подобенъ будучи прозрачному тѣлу, чрезъ которое на сквозь видны дѣйствующія имъ пружины, тщетно пишетъ онъ новые законы, возвѣщаетъ благоденствіе народа, прославляетъ премудрость своего правленія; новые законы его будутъ ничто иное, какъ новые обряды запутывающіе старые законы; народъ все будетъ угнетенъ, дворянство унижено, и не смотря на собственное свое отвращеніе къ тиранству, правленіе его будетъ тиранское. Нація тѣмъ не меньше страждетъ, что не самъ государь принялся ее терзать, а отдалъ на расхищеніе извергамъ себѣ возлюбленнымъ. Такое положеніе долго устоять не можетъ. При крайнемъ ожесточеніи сердецъ всѣ частные интересы, раздробленные существомъ деспотическаго правленія, нечувствительно въ одну точку соединяются. Вдругъ всѣ устремляются разторгнуть узы нестерпимаго порабощенія и тогда что есть государство? колоссъ державшійся цѣпями; цѣпи разрываются, колоссъ упадаетъ и самъ собою разрушается. Деспотичество, раждающееся обыкновенно отъ анархіи, весьма рѣдко въ нее опять не превращается.

Для отвращенія такія гибели, государь долженъ знать во всей точности всѣ права своего владычества, дабы—первое, содержать ихъ у своихъ подданныхъ въ почтеніи, и второе, чтобъ самому не преступить предѣловъ ознаменованныхъ его правамъ самодер-

жавнѣйшею всѣхъ па свѣтѣ властію, а именно властію здраваго разсудка. До перваго достигаетъ государь правотою, до втораго кротостію.

Правота и кротость суть лучи божественнаго свѣта возвѣщающіе людямъ, что правящая ими власть поставлена отъ Бога и что достойна она благоговѣйнаго ихъ повиновенія : слѣдственно всякая власть неознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ несчастія временъ попустили, уступя силѣ, унизить человѣческое свое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находитъ средство разорвать свои оковы тѣмъ же правомъ, какимъ на нее положены, весьма умно дѣлаетъ если разрываетъ. Тутъ дѣло ясное, или она теперь въ правѣ возвратить свою свободу, или никто не былъ въ правѣ отнимать у ней свободы. Кто не знаетъ, что всѣ человѣческія общества основаны на взаимныхъ добровольныхъ обязательвствахъ, кои разрушаются такъ скоро, какъ ихъ наблюдать перестаютъ. Обязательства между государемъ и подданными суть равнымъ образомъ добровольныя, ибо не было еще въ свѣтѣ націи, которая насильно принудила бы кого стать ея государемъ ; и если она безъ государя существовать можетъ, а безъ нея государь существовать не можетъ, то очевидно, что первобытная власть была въ ея рукахъ, и что при установленіи государя не о томъ дѣло было, чѣмъ онъ націю пожалуетъ, а какою властію она его облекаетъ. Возможно-ли же, чтобъ нація добровольно

поставила сама законъ разрѣшающій государя дѣлать неправосудіе безотчетно? не стократноль для нея лучше не имѣть никакихъ законовъ, нежели имѣть такой, которой даетъ право государю дѣлать всякія насильства? а потому и долженъ онъ быть всегда исполненъ сею великою истинною, что онъ установленъ для государства, и что собственное его благо отъ счастія его подданныхъ долженствуетъ быть не разлучно.

Разсматривая отношенія государя къ подданнымъ, первой вопросъ представляется разуму, чтожъ есть государь? Душа правимаго имъ общества. Слаба душа, если не умѣетъ управлять прихотливыми стремленіями тѣла; несчастно тѣло надъ коимъ властвуетъ душа безразсудная, которая чувствамъ, своимъ министрамъ, или вовсе ввѣряется, или ни въ чемъ не довѣряетъ. Положась на нихъ безпечно принимаетъ кучу за гору, планету за точку; но буде презираетъ она ихъ служеніе, буде возмечтаетъ о себѣ столько, что захочетъ сама зажмурясь видѣть, и заткнувъ уши слышать, какой правильной разрѣшимости тогда ожидать отъ нея можно и въ какія напасти она сама себя не завлекаетъ!

Государь душа политическаго тѣла равной судьбинѣ подвергается. Отверзаетъ-ли онъ слухъ свой на всякое внушеніе, отвращаетъ-ли оной отъ всякихъ представленій, уже истина его не просвѣщаетъ; но есть ли онъ самъ и не признаетъ верховной ея власти надъ собою, тогда всѣ отношенія его къ государству въ источникахъ своихъ развращаются. Пойдетъ

различіе между его благомъ и государственнымъ; тотчасъ посѣвается къ нему ненависть; скоро самъ онъ начинаетъ бояться тѣхъ, кои его ненавидятъ, и ненавидитъ тѣхъ, которыхъ боится: словомъ вся власть его становится беззаконная, ибо не можетъ быть законна власть, которая становитъ себя выше всѣхъ законовъ естественнаго правосудія.

Просвѣщенный умъ въ государѣ представляетъ ему сіе заключеніе, безъ сомнѣнія во всей ясности; но просвѣщенный государь есть тѣмъ не меньше человѣкъ. Онъ какъ человѣкъ родится, какъ человѣкъ умираетъ, и въ теченіи своей жизни какъ человѣкъ погрѣшаетъ, а потому и должно разсмотрѣть, какое есть свойство человѣческаго просвѣщенія. Между первобытнымъ его состояніемъ въ естественной его дикости, и между истиннымъ просвѣщеніемъ, разстояніе толь велико, какъ отъ неизмѣримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхожденія на гору потребно человѣку пространство цѣлой жизни; но взошедъ на нее, если позволитъ онъ себѣ шагнуть чрезъ черту раздѣляющую гору отъ пропасти, уже ничто не останавливаетъ его паденія, и онъ погружается опять въ первобытное свое невѣжество. На самомъ порогѣ сея страшныя пропасти стоитъ просвѣщенный государь. Стражи недопускающіе его къ паденію суть правота и кротость. Въ тотъ часъ, какъ онъ изъ рукъ ихъ себя изторгаетъ, погибель его совершается, меркнетъ свѣтъ душевныхъ очей его, и летя стремглавъ въ бездну, вопіетъ онъ внѣ ума "все мое, я все, всѣ ничто."

Державшійся правоты и кротости просвѣщенный государь, не поколеблется никогда въ истинномъ своемъ величествѣ; ибо свойство правоты таково, что самую ее никакія предубѣжденія, ни дружба, ни склонности, ни самое сострàданіе поколебать не могутъ. Сильный и немощный, великій и малый, богатый и убогій, всѣ на одной чредѣ стоятъ. Добрый государь добръ для всѣхъ, и всѣ уваженія его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ. Состраданіе производится въ душѣ его, не жалобнымъ лицемъ обманывающаго его корыстолюбца, но истинною бѣдностію несчастныхъ, которыхъ онъ не видитъ, и которыхъ жалобы часто къ нему не допускаются. При всякой милости вельможѣ, долженъ онъ весь свой народъ имѣть предъ глазами. Онъ долженъ знать, что государственнымъ награждается одна заслуга государству, что неповинно оно платить за угожденія его собственнымъ страстямъ, и что всякій налогъ, взыскуемый не ради пользы государства, есть грабежъ въ существѣ своемъ и формѣ. Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частію естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству; что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому ввѣряетъ правленіе дѣлъ, и что слѣдственно ихъ преступленія имъ терпимыя, становятся его преступленіями. Тщетно государь помыслилъ бы оправдаться тѣмъ, что самъ онъ предъ отечествомъ невиненъ, и что тѣмъ весь долгъ свой предъ нимъ исполняетъ. Нѣтъ, невинность его есть платежъ

долгу, коимъ онъ самъ себѣ долженъ; но государству все еще должникомъ остается. Онъ повиненъ отвѣчать ему не только за зло, которое сдѣлалъ, но и за добро котораго не сдѣлалъ. Всякое попущеніе его вина, всякая жестокость его вина; ибо онъ долженъ знать, что послабленіе пороку есть ободреніе злодѣянію, и что съ другой стороны наистрожайшее правосудіе надъ слабостями людскими есть наивеличайшая человѣчеству обида. Къ несчастію подданныхъ приходитъ иногда на государя такая полоса, что онъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о томъ, что онъ государь, иногда ни о чемъ больше, какъ о томъ что онъ человѣкъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно походитъ онъ въ дѣлахъ своихъ на худаго человѣка, во второмъ бываетъ неминуемо худымъ государемъ. Чтобъ избѣгнуть сихъ обѣихъ крайностей, государь ни на одинъ мигъ не долженъ забывать ни того, что онъ государь, ни того, что онъ человѣкъ. Тогда бываетъ онъ достоинъ имени премудраго. Тогда во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ вмѣщаетъ судъ и милость. Ничто за черту свою не преступаетъ. Кто поведеніемъ своимъ возмущаетъ общую безопасность, предается всей строгости законовъ. Кто поведеніемъ своимъ безчеститъ самаго себя, наказывается его презрѣніемъ. Кто не рачитъ о должности, теряетъ свое мѣсто. Словомъ, государь правоту наблюдающій, исправляетъ всечасно пороки, являя имъ грозное чело, и утверждаетъ добродѣтель, призывая ее къ почестямъ.

Правота дѣлаетъ государя почтеннымъ, но кро-

тость, сія человѣчеству любезная добродѣтель, дѣлаетъ его любимымъ. Она напоминаетъ ему безпрестанно, что онъ человѣкъ и правитъ людьми. Она не допускаетъ поселиться въ его голову несчастной и нелѣпой мысли, будто Богъ создалъ милліоны людей для ста человѣкъ. Между кроткимъ и горделивымъ государемъ, та ощутительная разница, что одинъ заставляетъ себя внутренно уважать, а другой наружно боготворить: но кто принуждаетъ себя боготворить, тотъ внутри души своей видно чувствуетъ, что онъ человѣкъ; напротивъ того кроткій государь не возвышается никогда униженіемъ человѣчества. Сердце его чисто, душа права, умъ ясенъ. Всѣ сіи совершенства представляютъ ему живо всѣ его должности. Онѣ твердятъ ему всечастно, что государь есть первый служитель государства, что преимущества его распространены націею только для того, чтобъ онъ въ состояніи былъ дѣлать больше добра, нежели всякой другой; что силою публичной власти ему ввѣренной можетъ онъ жаловать почести и преимущества честнымъ людямъ, но что саму націю ничѣмъ пожаловать не можетъ, ибо она дала ему все то, что онъ самъ имѣетъ, что для его-же собственнаго блага долженъ онъ уклониться отъ власти дѣлать зло, и что слѣдственно желать деспотичества есть ничто иное, какъ желать найти себя въ состояніи пользоваться сею пагубною властію. Невозможность дѣлать зло можетъ ли быть досадна государю? А если можетъ, такъ развѣ для того, что дурному человѣку всегда досадно не смочь дѣлать дурно. Право деспота есть право

сильнаго, но и разбойникъ тоже право себѣ присвояетъ. И кто не видитъ что изрѣченіе *право сильнаго* выдумано въ посмѣяніе!

Въ здравомъ разумѣ сіи два слова никогда вмѣстѣ не встрѣчаются. Сила принуждаетъ, а право обязываетъ. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нуждѣ, и которое въ ту минуту у силы исчезаетъ, когда большая сила сгоняетъ ее съ мѣста. Войдемъ еще подробнѣе въ существо сего мнимаго права. Потому что я не въ силахъ кому нибудь сопротивляться, слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ я морально обязанъ былъ признавать его волю правиломъ моего поведенія? Истинное право есть то, которое за благо признано разсудкомъ, и которое слѣдственно производитъ нѣкое внутреннее чувство обязывающее насъ повиноваться добровольно. Въ противномъ случаѣ повиновеніе не будетъ уже обязательство, а принужденіе. Гдѣ же нѣтъ обязательства, тамъ нѣтъ и права. Самъ Богъ въ одномъ своемъ качествѣ существа всемогущаго, не имѣетъ ни малѣйшаго права на наше повиновеніе. Вообразимъ себѣ существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить можетъ, которое захотѣло бы сдѣлать насъ несчастными, или покрайней мѣрѣ не захотѣло бы никакъ пещися о нашемъ благѣ; тогда чувствовали ли бы мы въ душѣ обязанность повиноваться сей вышней волѣ, клонящейся къ нашему бѣдствію или насъ пренебрегающей? Мы уступили бы по нуждѣ ея всемогуществу, и между Богомъ и нами было бы ничто иное,

какъ одно физическое отношеніе. Все право на наше благоговѣйное повиновеніе, имѣетъ Богъ въ качествѣ существа всеблагаго. Разсудокъ признавая благимъ употребленіе его всемогущества, совѣтуетъ намъ соображаться съ его волею и влечетъ сердца и души ему повиноваться. Существу всеблагому можетъ ли быть пріятно повиновеніе вынужденное однимъ страхомъ? И такое гнусное повиновеніе приличноль существу разсудкомъ одаренному? Нѣтъ, оно не достойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Сила и право совершенно различны, какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ образѣ дѣйствованія. Праву потребны достоинства, дарованія, добродѣтели. Силѣ надобны тюрьмы, желѣза, топоры. Совсѣмъ излишне входить въ толки о разностяхъ формы правленія, и разыскивать, гдѣ государь самовластнѣе, гдѣ ограниченнѣе. Тиранъ, гдѣ бы онъ ни былъ, есть тиранъ, и право народа спасать бытіе свое пребываетъ вѣчно и вездѣ непоколебимо.

Истинное блаженство государя и подданныхъ тогда совершенно, когда всѣ находятся въ томъ спокойствіи духа, которое происходитъ отъ внутренняго удостовѣренія о своей безопасности. Вотъ прямая политическая вольность націи. Тогда всякій воленъ будетъ дѣлать все то, чего позволено хотѣть, и никто не будетъ принужденъ дѣлать то, чего хотѣть не должно; а дабы нація имѣла сію вольность, надлежитъ правленію быть такъ устроену, чтобъ гражданинъ не могъ страшиться злоупотребленія

власти, чтобъ никто не могъ быть игралищемъ насильствъ и прихотей, чтобъ по одному произволу власти никто изъ послѣдней степени не могъ быть взброшенъ на первую, ни съ первой свергнутъ на послѣднюю; чтобъ въ лишеніи имѣнія, чести, и жизни одного, данъ былъ отчетъ всѣмъ, и чтобъ слѣдственно всякій безпрепятственно пользоваться могъ своимъ имѣніемъ и преимуществами своего состоянія.

Когдажъ свободной человѣкъ есть тотъ, которой не зависитъ ни отъ чьей прихоти, напротивъ же того рабъ деспота тотъ, которой ни собою, ни своимъ имѣніемъ располагать не можетъ, и которой на все то, чѣмъ владѣетъ, не имѣетъ другого права кромѣ высочайшей милости и благоволенія, то по сему истолкованію политической вольности видна неразрывная связь ея съ правомъ собственности. Оно есть ничто иное какъ право пользоваться; но безъ вольности пользоваться что оно значитъ? Равно и вольность не можетъ существовать безъ права; ибо тогда не имѣла бы она никакой цѣли, а потому и очевидно, что нельзя никакъ нарушить вольности не разрушая права собственности, и нельзя никакъ разрушить права собственности, не нарушая вольности. При изслѣдованіи, въ чемъ состоитъ величайшее благо государствъ и народовъ и что есть истинное намѣреніе всѣхъ системъ законодательства, найдемъ необходимо два главнѣйшіе пункта, а именно тѣ, о коихъ теперь разсуждаемо было, *вольность* и *собственность*. Оба сіи преимущества равно какъ и форма, каковою

публичной власти дѣйствовать, должны быть устроены сообразно съ физическимъ положеніемъ государства и моральнымъ свойствомъ націи. Священные законы опредѣляющіе сіе устройство разумѣемъ мы подъ именемъ законовъ фундаментальныхъ. Ясность ихъ должна быть такова, чтобъ ни малѣйшаго недоразумѣнія никогда не повстрѣчалось, чтобъ изъ нихъ монархъ и подданный равномѣрно знали свои должности и права. Отъ сихъ точно законовъ зависитъ общая ихъ безопасность, слѣдственно они и должны быть непремѣнными.

Теперь представимъ себѣ государство объемлющее пространство, каковаго ни одно на всемъ извѣстномъ земномъ шарѣ не объемлетъ, и котораго по пропорціи его обширности нѣтъ въ свѣтѣ малолюднѣе. Государство раздробленное слишкомъ на тридцать большихъ областей, и состоящее можно сказать изъ двухъ только городовъ, изъ коихъ въ одномъ живутъ люди большею частію по нуждѣ, въ другомъ большею частію по прихоти. Государство многочисленнымъ и храбрымъ своимъ воинствомъ страшное, и котораго положеніе таково, что потерею одной баталіи можетъ иногда бытіе его вовсе истребится. Государство, которое силою и славою своею обращаетъ на себя вниманіе цѣлаго свѣта, и котораго мужикъ однимъ человѣческимъ видомъ отъ скота отличающійся, и никѣмъ не предводимый, можетъ привести такъ сказать въ нѣсколько часовъ на самой край конечнаго разрушенія и гибели. Государство дающее чужимъ землямъ царей и котораго собственный престолъ

зависитъ отъ отворенія кабаковъ для звѣрской толпы буянъ, охраняющихъ безопасность царскія особы. Государство, гдѣ есть всѣ политическія состоянія людей, но гдѣ никоторое неимѣетъ никакихъ преимуществъ, и одно отъ другаго пустымъ только именемъ отличается. Государство движимое вседневными и часто другъ другу противурѣчащими указами, но не имѣющее никакого твердаго законоположенія! Государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ и судьею надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый слѣдственно можетъ быть или тиранъ или жертва. Государство, въ которомъ почтеннѣйшее изъ всѣхъ состояній, долженствующее оборонять отечество, купно съ государемъ и корпусомъ своимъ представлять націю,—руководствуемое одною честію: *дворянство*, —уже именемъ только существуетъ и продается всякому подлецу ограбившему отечество; гдѣ знатность, сія единственная цѣль благородной души, сіе достойное возмездіе заслугъ отъ рода въ родъ оказываемыхъ отечеству, затмѣвается фаверомъ поглотившимъ всю пищу истиннаго любочестія. Государство не деспотическое, ибо нація никогда не отдавала себя государю въ самовольное его управленіе, и всегда имѣла трибуналы гражданскіе и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступленія. Не монархическое, ибо нѣтъ въ немъ фундаментальныхъ законовъ. Не аристократія, ибо верховное въ немъ правленіе есть бездушная машина движимая произволомъ государя. На демократію же

и походить не можетъ земля, гдѣ народъ, пресмыкаясь во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носитъ безгласно бремя жестокаго рабства.

Просвѣщенный и добродѣтельный монархъ заставъ свою имперію и свои собственныя права въ такой несообразности и неустройствѣ, начинаетъ великое свое служеніе немедленнымъ огражденіемъ общія безопасности посредствомъ законовъ непреложныхъ. Въ семъ главномъ дѣлѣ не долженъ онъ изъ глазъ выпускать двухъ выраженій. Первое, что государство его требуетъ немедленнаго врачеванія отъ всѣхъ золъ приключаемыхъ ему злоупотребленіемъ самовластія. Второе, что государство его ничѣмъ такъ скоро не можетъ быть подвергнуто конечному разрушенію, какъ если вдругъ и не приготовя націю дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные Европейскіе народы.

Въ заключеніе надлежитъ признать ту истину, что главнѣйшая наука правленія состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть сдѣлать людей способными жить подъ добрымъ правленіемъ. На сіе никакіе именные указы не годятся. Узаконеніе быть добрымъ не подходитъ ни подъ какую главу устава о благочиніи. Тщетно было бы вырѣзывать его на доскахъ, и ставить на столы въ управахъ; буде не врѣзано оно въ сердца, то всѣ управы, будутъ плохо управляться. Чтобъ устроить нравы, нѣтъ нужды ни въ какихъ пышныхъ и торжественныхъ обрядахъ. Свойство истиннаго величества есть то, чтобъ навеличайшія дѣла дѣлать наипростѣйшимъ образомъ.

Здравый разсудокъ и опытъ всѣхъ вѣковъ показываютъ, что одно благонравіе государя образуетъ благонравіе народа. Въ его рукахъ пружина, куда повернуть людей къ добродѣтели или къ пороку. Всѣ на него смотрятъ, и сіяніе окружающее государя освѣщаетъ его съ головы до ногъ всему народу. Ни малѣйшее его движеніе ни отъ кого не скрывается, и таково есть счастливое или несчастное царское состояніе, что онъ ни добродѣтелей, ни пороковъ своихъ утаить не можетъ. Онъ судитъ народъ, а народъ судитъ его правосудіе. Если же надѣется онъ на развращеніе своей націи столько, что думаетъ обмануть ее ложной добродѣтелію—самъ сильно обманывается. Чтобъ казаться добрымъ государемъ необходимо быть такимъ; ибо какъ люди порочны ни были бы, но умы ихъ никогда столько не испорчены, сколько ихъ сердца, и мы видимъ, что тѣ самые, кои меньше всего привязаны къ добродѣтели, бываютъ часто величайшіе знатоки въ добродѣтеляхъ. Быть узнану, есть необходимая судьбина государей, и достойный государь ее не устрашается. Первое его титло есть титло честнаго человѣка, а быть узнану есть наказаніе лицемѣра, и истинная награда честнаго человѣка. Онъ ставъ узнанъ своею націею, становится тотчасъ образцомъ ея. Почтеніе его къ заслугамъ и лѣтамъ, бываетъ наистрожайшимъ запрещеніемъ всякой дерзости и нахальству. Государь добрый мужъ, добрый отецъ, добрый хозяинъ, не говоря ни слова устроиваетъ во всѣхъ домахъ внутреннее спокойствіе, возбуждаетъ чадолюбіе, и само-

державнѣйшимъ образомъ запрещаетъ каждому выходить изъ мѣръ своего состоянія. Кто не любитъ въ государѣ мудраго человѣка? а любимый государь— чего изъ подданныхъ сдѣлать не можетъ. Оставя всѣ тонкіе разборы правъ политическихъ, вопросимъ себя чистосердечно, кто есть самодержавнѣйшій изъ всѣхъ на свѣтѣ государей? душа и сердце вопіютъ единогласно : тотъ, кто болѣе любимъ.

Документъ этотъ напечатанъ былъ въ Варшавѣ, во время Польской революціи, въ 1831 году. Въ предисловіи этого печатнаго экземпляра было между прочимъ сказано : Le comité chargé de la révision des archives de la police secrete, a trouvé dans les papiers laissés à Varsovie par M. de Novosiltzoff, conseiller privé de S. M. l'Empereur, deux exemplaires d'un projet de constitution pour la Russie, dont l'un est écrit en langue russe et l'autre en français. Le gouvérnement national auquel le comité a remis ces deux pièces les a jugées dignes d'être portées à la connaissance du public.

Le ministre des affaires étrangères en exécution de l'ordonnance rendue par le gouvernement national, le 15 du mois de Juillet s'empresse de faire imprimer ce projet, afin que tout le monde puisse le lire et le méditer. Il décide évidemment l'intention qui a présidé à sa rédaction, et qui était de

le faire servir de fondement à un systême complet de législation. Nous regrettons infinement de n'avoir pu : ni découvrir l'epoque à laquelle ce projet a été conçu, ni trouver une trace qui aurait pu nous apprendre par quelle voie il s'est trouvé entre les mains de M. de Novosiltzoff et quels sont les ordres que ce dernier a pu reçevoir a cet egard. Ce qu'il y a de positif, c'est que le projet de constitution à donner à l'empire de Russie est posterieur à la constitution octroyée au royaume de Pologne, en 1815 ; car il renferme un grand nombre d'articles tirés de cette même Charte, comme on le voit par les notes qui sont écrites en marge du manuscrit et il se trouve aussi accompagné d'un sommaire des chapitres qui sont contenus dans notre constitution.

Подлинникъ напечатанъ на двухъ языкахъ французскомъ и русскомъ ; содержаніе обоихъ текстовъ совершенно одинаково.

ГЛАВА I.

Предварительныя распоряженія.

Ст. 1. Россійское государство, со всѣми владѣніями, присоединенными къ нему, подъ какимъ бы наименованіемъ то ни было, раздѣляется сообразно съ росписаніемъ у сего приложеннымъ, на большія области, называемыя Намѣстничествами.

2. Каждое Намѣстничество заключаетъ въ себѣ опредѣленное число губерній, по мѣрѣ народонаселенія, разстоянія, обширности, и смотря на нравы, обычаи и особенные или мѣстные законы, жителей между собою сближающіе.

3. Намѣстничества называются по имени одной изъ составляющихъ оныя губерній, или по мѣсту для присутствія Намѣстническаго начальства опредѣленному.

4. Губерніи сохраняютъ настоящее раздѣленіе свое на уѣзды, исключая тѣ случаи, въ которыхъ мѣстныя обстоятельства востребовали бы новыхъ разграниченій.

5. Уѣзды раздѣляются на округи; округамъ состоять изъ городовъ 3й степени и изъ опредѣленнаго числа волостей, селъ и деревень, по мѣрѣ народонаселенія и разстоянія отъ мѣста, для присутствія окружному начальству опредѣленнаго.

6. Городами первой степени суть: города губернскіе; второй степени: города уѣздные; а городами третьей степени всѣ прочіе. Изъ сихъ послѣднихъ исключаются тѣ, которымъ по выгодному положенію своему и по торговымъ сношеніямъ, слѣдовать будетъ поступить на одну изъ высшихъ степеней.

7. Каждый городъ первой и второй степени имѣетъ свой округъ. Онъ заимствуетъ отъ него свое имя и есть мѣстопребываніе начальства онаго. Прочимъ округамъ называться по мѣсту, къ коему будутъ приписаны.

8. Изъ сего разграниченія исключаются столицы С. Петербургъ и Москва, равно какъ и ихъ губерніи.

ГЛАВА II.

О ПРАВЛЕНІИ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О государѣ или державной власти.

9. Корона Россійско-императорскаго престола есть наслѣдственная; она переходитъ по порядку установленному въ Бозѣ почивающимъ родителемъ нашимъ императоромъ Павломъ.

10. Основанія державной власти и образъ дѣйствія оной опредѣляются сею государственною уставною грамотою, жалуемою нами любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ на вѣчныя времена,

11. Державная власть нераздѣлима : она сосредоточивается въ лицѣ монарха.

12. Государь есть единственный источникъ всѣхъ въ имперіи властей : гражданскихъ, политическихъ, законодательныхъ и военныхъ.

Онъ управляетъ исполнительною частію во всемъ ея пространствѣ. Каждое начальство исполнительное, управительное и судебное имъ однимъ постановляется.

13. По законодательной власти государя содѣйствуетъ государственный Сеймъ, о которомъ ниже упомянуто будетъ, на основаніи уставной грамоты и особенныхъ учрежденій.

14. Особа государя священна и неприкосновенна.

15. Государь есть верховная глава общаго управленія Имперіи. Онъ печется о внутренней и внѣшней безопасности государства. Онъ бдитъ о своихъ правахъ и владѣніяхъ.

16. Право объявлять войну и заключать договоры и условія всякаго рода, принадлежитъ одному государю.

17. Предводительство военною силою сухопутною и морскою, какъ въ мирное такъ и въ военное время, равно какъ и назначеніе главнокомандующихъ и производство генераловъ и офицеровъ, принадлежитъ монарху безъ исключенія.

18. Государь назначаетъ пословъ, посланниковъ и другихъ уполномоченныхъ чиновниковъ для переговоровъ политическихъ и торговыхъ.

19. Государь на всѣ мѣста гражданскія, правительныя и судебныя, назначаетъ непосредственно или чрезъ тѣхъ, коимъ ввѣритъ онъ таковую власть.

20. Какъ верховная глава православной Греко-Россійской церкви, государь возводитъ во всѣ достоинства духовной іерархіи.

21. Право помилованія принадлежатъ исключительно государю. Онъ можетъ преступника простить или облегчить его наказаніе.

22. Дѣла по всѣмъ судебнымъ и всякимъ другимъ присутственнымъ мѣстамъ производятся и приговоры оными равно какъ и всякаго рода публичные акты объявляются именемъ его императорскаго величества.

23. Учрежденіе орденовъ, постановленія оnымъ статутовъ и награжденіе военными и гражданскими орденами принадлежитъ государю, равно какъ и право возведенія на степень дворянства и высшихъ онаго достоинствъ, принятіе въ подданство и пожалованіе въ чины и классы.

24. Государь располагаетъ доходами государства сообразно съ утвержденными имъ частными росписаніями доходовъ и расходовъ (бюджетами) намѣстничествъ и съ общимъ росписаніемъ доходовъ и расходовъ всего государства.

25. Первое же общее росписаніе доходовъ и расходовъ, имѣющее быть составлено въ силу настоящей грамоты, на основаніи ли частныхъ росписаній

доходовъ и расходовъ намѣстничествъ, или по соображеніямъ министерствъ, предоставляется въ особенности единственному распоряженію государя императора.

26. Для опредѣленія законодательныхъ дѣйствій государя, общія основанія права въ Имперіи дѣлятся на три разряда :

Въ первомъ заключаются законы.

Во второмъ уставъ и учрежденія.

Въ третьимъ указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія.

27. Подъ именемъ законовъ разумѣюся всѣ законодательныя распоряженія, кои основаны на началахъ, по существу своему непремѣнныхъ и кои не могутъ быть иначе ни отмѣнены, ни преобразованы, какъ съ соблюденіемъ ненарушимости оныхъ началъ, и тогда только, когда въ послѣдствіе времени опытъ покажетъ необходимость измѣненій, или когда будутъ вынуждены причинами важными и рѣшительными.

28. Подъ словомъ : уставы и учрежденія должно разумѣть всѣ распоряженія, требуемыя обстоятельствами или для защиты государства и охраненія цѣлости его границъ, или для устройства разныхъ предметовъ по части внутренняго управленія, или наконецъ по дѣламъ до порядка службы и до усовершенствованія общаго и частнаго благосостоянія касающимся.

29. Наконецъ подъ именемъ указовъ, повелѣній, рескриптовъ и постановленій, должно разумѣть все, что предписывается къ исполненію по частнымъ

и случайнымъ обстоятельствамъ, въ различныхъ отдѣленіяхъ государственнаго управленія встрѣчающимся, или что относится до какого либо начальства, чиновника военнаго, гражданскаго или частнаго лица, и по свойству своему смотря по надобности можетъ подвергаться разнымъ измѣненіямъ.

30. Законы раздѣляются на общіе государственные законы и на особенные или мѣстные. Общіе законы составляютъ общее право, и примѣняются во всѣхъ случаяхъ въ коихъ мѣстные законы недостаточны.

31. Общіе законы постановляются государемъ при содѣйствіи общаго государственнаго Сейма, о коемъ ниже будетъ упомянуто.

32. Особенные или мѣстные законы постановляются государемъ при содѣйствіи Сеймовъ намѣстническихъ.

33. Право издавать уставы, учрежденія, указы, рескрипты и постановленія принадлежитъ исключительно государю. Онъ можетъ ввѣрить оное въ совокупности или въ частяхъ, мѣсту или лицу, по своему благоусмотрѣнію.

34. Общіе и особенные или мѣстные законы скрѣпляются министромъ начальникомъ управленія юстиціи. Уставы, учрежденія, указы, повелѣнія и постановленія должны быть за скрѣпою того изъ министровъ, до котораго они по содержанію своему будутъ принадлежать. Онъ отвѣчаетъ за все, что въ сихъ уставахъ, учрежденіяхъ, указахъ, повелѣніяхъ, рескриптахъ и постановленіяхъ могло бы заключаться противнаго правиламъ уставной грамоты и законовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О государственномъ Совѣтѣ.

35. Государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ государя, состоитъ изъ министерствъ, членовъ государственнаго совѣта, государственныхъ докладчиковъ или статсъ-секретарей и изъ особъ, коихъ угодно будетъ его императорскому величеству въ него призвать.

36. Государственный совѣтъ раздѣляется на общее собраніе совѣта и на правительный совѣтъ или комитетъ министровъ.

A) Правительный Совѣтъ.

37. Правительный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ государя состоитъ изъ министровъ-начальниковъ управленій и другихъ особъ призванныхъ въ него по волѣ государя.

38. Члены правительнаго совѣта имѣютъ голоса совѣщательные. Одинъ государь рѣшаетъ. Его величество можетъ сіе право ввѣрить въ совокупности или въ частяхъ намѣстнику въ правительномъ совѣтѣ или кому заблагоразсудитъ. Сей обязанъ рѣшить въ совѣтѣ согласно съ уставными правилами государства и законами.

39. Правительный государственный совѣтъ или комитетъ министровъ, имѣетъ право уничтожить постановленія изданныя намѣстниками въ намѣстническомъ совѣтѣ, когда они противны законамъ, учрежденіямъ, указамъ, повелѣніямъ и рескриптамъ

на имя ихъ писаннымъ или имъ даннымъ. Въ подобныхъ сему случаяхъ онъ уничтожаетъ также постановленія и опредѣленія нижнихъ присутственныхъ мѣстъ, когда упущеніемъ посреднихъ начальствъ того не учинено.

40. Если сіи постановленія и опредѣленія нарушаютъ общественную безопасность или общественное спокойствіе, то за исключеніемъ однихъ намѣстниковъ, комитетъ министровъ вправѣ удалять по управительной части всякаго рода чиновниковъ, съ обязанностію неотлагательно доносить о томъ государю и входить съ представленіемъ въ общее собраніе государственнаго совѣта, буде удаленіе отъ должности относится до чиновниковъ, коихъ преданіе суду подлежитъ его вѣдомству.

41. Если по случаю упомянутому въ предидущей статьѣ слѣдовало бы удалить намѣстника, то комитетъ министровъ доноситъ о томъ государю и входитъ съ представленіемъ въ сенатъ, до коего принадлежитъ преданіе суду намѣстниковъ какъ о томъ ниже въ ст. 145 сказано будетъ.

Б) *Общее собраніе государственнаго Совѣта.*

42. Общее собраніе государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ государя, намѣстника его или другаго уполномоченнаго его величествомъ, или подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ составляется какъ означено въ ст. 35.

Дѣла вѣденію государственнаго совѣта подлежащія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя возложены

на него по образованію, учрежденному 1809 года суть слѣдующія :

1) Разсматривать и составлять проэкты законовъ или уставовъ и учрежденій, относящихся до общаго управленія имперіи.

2) Разрѣшать споры произойти могущіе отъ присвоенія какою либо властію непринадлежащаго себѣ вѣдомства или столкновенія вѣдомствъ.

3) Опредѣлять преданіе суду по предложенію правительнаго совѣта или комитета министровъ, чиновниковъ управленія, по назначенію его императорскаго величества опредѣляемыхъ, за злоупотребленіе въ отправленіи ихъ должностей и въ случаяхъ подвергающихъ ихъ отвѣтственности, за исключеніемъ тѣхъ чиновниковъ, коихъ преданіе суду предоставлено сенату или намѣстническимъ совѣтамъ (ст. 60).

4) Ежегодно разсматривать и повѣрять отчеты поданные каждымъ главнымъ начальствомъ управленія.

5) Дѣлать замѣчанія на всѣ существующія или вкрадывающіяся злоупотребленія въ управленіи; равно какъ и на всѣ нарушенія государственной уставной грамоты и законовъ, и составлять изъ нихъ общій докладъ для поднесенія его императорскому величеству. Принятіе мѣръ въ слѣдствіе доклада и распредѣленіе предметовъ, смотря по существу ихъ, для препровожденія въ сеймъ, въ сенатъ или къ другимъ властямъ, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія его величества.

43. Общее собраніе государственнаго совѣта занимается также разсужденіями о предметахъ вообще, поступающихъ въ оное по волѣ государя императора или по предложенію одного изъ министровъ, на основаніи существующихъ общихъ и частныхъ учрежденій министерствъ.

44. Опредѣленія государственнаго совѣта подносятся на утвержденіе государя или особы, имъ уполномоченной. Изъ сего исключаются опредѣленія относящіяся до преданія суду (ст. 42 пунктъ 3) чиновниковъ и столкновенія вѣдомствъ (ст. 42 пунктъ 2) по коимъ исполняется непосредственно.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О министерствахъ или главныхъ управленіяхъ.

45. Исполненіе законовъ возложено, согласно общему учрежденію министерствъ, изданному 25 Іюня 1811 года на нижеслѣдующія министерства или главныя управленія.

1) На главное управленіе духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

2) На главное управленіе военное.

3) На главное управленіе морское.

4) На главное управленіе юстиціи.

5) На главное управленіе финансовъ и государственнаго казначейства.

6) На главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ.

7) На главное управленіе внутреннихъ дѣлъ.

8) На главное управленіе полиціи.

9) На главное управленіе путей сообщенія.

10) На министерство иностранныхъ дѣлъ.

Каждое изъ сихъ главныхъ управленій съ составляющими оное департаментами, состоитъ подъ начальствомъ и предсѣдательствомъ министра или главноуправляющаго.

46. Министры, начальники управленій, директоры департаментовъ и правители дѣлъ, подлежатъ отвѣтственности за всякое нарушеніе уставной грамоты, законовъ, равно какъ указовъ и повелѣній отъ государя императора послѣдовавшихъ, и буде бы оказались въ томъ виновными, то предаются верховному государственному суду.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О намѣстникахъ и совѣтахъ намѣстничествъ.

47. Въ каждой области устроенной по образу намѣстничествъ, имѣетъ быть постановленъ намѣстникъ и учрежденъ совѣтъ намѣстничества, присутствующіе въ назначенномъ мѣстопребываніи.

48. Намѣстникъ, совокупно съ совѣтомъ, на основаніи предписаннаго порядка, печется о благосостояніи ввѣренныхъ ему губерній и блюдетъ за точнымъ исполненіемъ законовъ и повелѣній высшаго начальства по всѣмъ частямъ управленія.

49. Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника и раздѣляется на правительный совѣтъ и общее собраніе.

А) Правительный совѣтъ.

50. Правительный совѣтъ составляется изъ намѣстника, опредѣленнаго числа членовъ и всѣхъ другихъ лицъ, по высочайшей волѣ въ него призванныхъ. Сверхъ того при немъ находится еще членъ правитель дѣлъ.

51. Члены правительнаго совѣта, въ качествѣ начальниковъ отдѣленій по совѣту намѣстничествъ и въ видѣ отряженныхъ чиновниковъ отъ каждаго министерства или главнаго государственнаго управленія, завѣдываютъ по губерніямъ составляющимъ область намѣстничества, на основаніи особенныхъ учрежденій, всѣми дѣлами, до ввѣренной имъ части касающихся.

52. Члены совѣта имѣютъ голоса совѣщательные. Рѣшитъ дѣло намѣстникъ. Онъ обязанъ рѣшить въ совѣтѣ сообразно съ уставными правилами государства, законами и въ мѣрѣ даннаго ему полномочія.

53. Каждый членъ совѣта, завѣдывающій какою либо частію, долженъ скрѣплять всѣ рѣшенія и постановленія намѣстника по своей части. Буде бы несогласенъ былъ съ его рѣшеніемъ, то въ такомъ случаѣ имѣетъ право записать свое мнѣніе въ протоколъ, и тогда отстраняется отъ всякой отвѣтственности.

54. Намѣстникъ въ совѣтѣ имѣетъ право, по управительной части, уничтожить всѣ рѣшенія и опредѣленія губернскихъ начальствъ, когда они окажутся противны законамъ, учрежденіямъ, указамъ

и предписаніямъ высшей власти. Буде бы сіи рѣшенія угрожали общественной безопасности, общественному спокойствію или заключали въ себѣ явныя злоупотребленія, то намѣстникъ въ совѣтѣ имѣетъ право самъ отрѣшать и предавать суду виновныхъ чиновниковъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, за исключеніемъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, членовъ губернскаго правленія и казенныхъ палатъ, и другихъ лицъ особенному вѣдомству подлежащихъ, о коихъ представляетъ комитету министровъ.

55. Опредѣленія и постановленія намѣстниковъ тогда только становятся обязательными, когда послѣдуютъ изъ совѣта и за скрѣпою того изъ членовъ до коего тотъ предметъ относится, или другаго, на мѣсто его призваннаго.

56. Буде бы не послѣдовало высочайшаго повелѣнія о продолженіи власти намѣстника, то въ присутствіи государя императора власть его пресѣкается. Въ семъ случаѣ государь императоръ занимается дѣлами по своему благоусмотрѣнію съ каждымъ начальникомъ отдѣленія особенно или въ правительномъ совѣтѣ.

57. Въ случаѣ смерти намѣстника государь императоръ, до назначенія другаго, замѣщаетъ его временнымъ предсѣдателемъ.

Б) Общее собраніе совѣта намѣстничества.

58. Общее собраніе совѣта намѣстничества состоитъ изъ членовъ означенныхъ выше въ ст. 50, и

изъ членовъ выбранныхъ въ разныхъ губерніяхъ, лежащихъ въ области намѣстничества и по представленіямъ комитета министровъ государемъ императоромъ утвержденныхъ.

59. Общее собраніе совѣта намѣстничества имѣетъ свои непремѣнныя засѣданія токмо при выборахъ и при созваніи сеймовъ. Въ прочее время они собираются по повелѣнію государя и востребованію намѣстника. Общее собраніе разсуждаетъ вообще о всѣхъ предметахъ до управленія намѣстничествъ касающихся, и по высочайшей волѣ государя императора или по предложеніямъ комитета министровъ и намѣстника, въ него вносимымъ; въ особенности же о раскладкѣ и взиманіи податей, установленіи земскихъ повинностей, сбереженіи государственныхъ расходовъ по области намѣстничества, умноженіи съ оной доходовъ, распространеніи земледѣлія, промышленности и торговли и тому подобномъ.

60. Сверхъ сего къ непремѣнной обязанности онаго принадлежитъ:

1) Разсматривать и обработывать всѣ проэкты частныхъ законовъ и учрежденій, относящихся къ области каждаго намѣстника.

2) Въ особенности же опредѣлять по представленіямъ правительственнаго совѣта преданіе суду чиновниковъ управленія за злоупотребленія по ихъ должности и въ другихъ случаяхъ, подвергающихъ ихъ отвѣтственности. Изъ сего исключаются тѣ чиновники, коихъ преданіе суду зависитъ отъ сената и государственнаго совѣта.

3) Разсматривать и повѣрять ежегодно отчеты представляемыя въ концѣ года каждымъ управляющимъ членомъ по своей части и составлять изъ частныхъ вѣдомостей одну общую по всѣмъ ввѣреннымъ совѣту намѣстничества губерніямъ, для доставленія оной чрезъ намѣстника въ комитетъ министровъ.

4) Дѣлать замѣчанія на подаваемыя отчеты и на всѣ существующія или вкрадывающіяся въ управленіе злоупотребленія, равно какъ и на всѣ испытываемыя нарушенія государственной уставной грамоты законовъ, составляя изъ всего онаго общій всеподданнѣйшій докладъ для представленія онаго государю императору чрезъ посредство намѣстника и государственнаго совѣта.

61. Всѣ рѣшенія общаго собранія совѣта намѣстничества представляются на утвержденіе намѣстника, за исключеніемъ однихъ рѣшеній о преданіи суду которые исполняются непосредственно.

62. Отъ каждаго намѣстническаго совѣта будетъ находиться въ столицѣ при правительствѣ докладчикъ или статсъ-секретарь того намѣстничества; должность и образъ сношеній его опредѣлены будутъ особеннымъ постановленіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О губернскомъ начальствѣ.

63. Законъ постановляетъ за неизмѣнное и непоколебимое правило: чтобы управительная и судебная части были раздѣлены, и дѣйствія оныхъ, яко несовмѣстныя, ни въ какомъ случаѣ не сливались.

Въ слѣдствіе чего частные уставы въ отмѣну 97 статьи главы V учрежденія о губерніяхъ, съ точностію опредѣлятъ, въ какія судебныя мѣста должны поступить тѣ спорныя дѣла, кои по основаніи вышесказанной статьи подлежали до сего времени вѣдѣнію губернскаго правленія.

64. Изъ сего общаго правила изъемлются. 1) Судебныя полиціи, возложенныя на городскія полицейскія управы и уѣздныя правительства (нижніе земскіе суды) въ обязанность коихъ входитъ изслѣдованіе преступленій, содѣянныхъ на мѣстахъ, вѣдомству ихъ подлежащихъ и представленіе виновныхъ куда слѣдуетъ къ суду. 2) Обыкновенная градская и сельская полиція.

65. Губернское начальстео подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора составляется изъ вице-губернатора и извѣстнаго числа членовъ, управляющихъ особенными экспедиціями.

66. Для скорѣйшаго движенія дѣлъ и успѣшнѣйшаго исполненія, губернское начальство раздѣляется на два главныя отдѣленія : на управительное и казенное. Первое подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора заключается въ губернскомъ правленіи, а второе подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора въ казенной палатѣ.

67. Каждое изъ сихъ отдѣленій раздѣляется на извѣстное число экспедицій, коихъ начальники составляютъ членовъ каждаго отдѣленія.

68. Особенныя учрежденія опредѣлятъ въ подробности какимъ дѣламъ окончиваться по экспедиціямъ

и отдѣленіямъ и какимъ по важности своей, поступать въ общее собраніе всего губернскаго начальства. Общее собраніе составляется чрезъ соединеніе обѣихъ отдѣленій и находится подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, а въ отсутствіи его, заступающаго его мѣсто вице-губернатора.

69. Общее собраніе имѣетъ право уничтожать всѣ рѣшенія и опредѣленія нижнихъ мѣстъ по части управительной, буде усмотритъ, что они противны законамъ, учрежденіямъ, уставамъ, указамъ и предписаніямъ на имя ихъ даннымъ. Ежели бы сими опредѣленіями нарушалось спокойствіе и общая безопасность, то въ такомъ случаѣ правитель губерніи доноситъ о томъ намѣстнику въ правительномъ совѣтѣ и предлагаетъ о удаленіи отъ должности чиновниковъ, оказавшихся въ томъ виновными.

70. Члены губернскаго начальства какъ по отдѣленіямъ, такъ и въ общемъ онаго собраніи, имѣютъ голоса совѣщательные. Одинъ предсѣдатель рѣшитъ. Рѣшенія его должны быть основаны на правилахъ государственной уставной грамоты и законахъ и ничего противнаго онымъ въ себѣ не заключать.

71. Каждый членъ управляющій экспедиціею обязанъ скрѣплять послѣдовавшія какъ по отдѣленію, такъ и по общему собранію по части его рѣшенія. Ежели бы который изъ нихъ былъ не согласенъ съ симъ рѣшеніемъ, то долженъ записать мнѣніе свое въ протоколъ, чѣмъ и устраняется отъ всякой отвѣтственности.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О уѣздныхъ, окружныхъ и городскихъ начальствахъ.

72. Всякій уѣздъ имѣетъ свое уѣздное начальство. Оно состоитъ въ земскомъ уѣздномъ правленіи (нижній земскій судъ) и составляется подъ предсѣдательствомъ земскаго уѣзднаго исправника, и извѣстнаго числа засѣдателей, которое смотря по обширности уѣзда, можетъ быть увеличиваемо.

73. Земское уѣздное правленіе, равно какъ и предсѣдательствующій въ ономъ земскій уѣздный исправникъ, поступаютъ по данному имъ наказу. Они подчинены правителю губерніи и губернскому начальству, и исполняютъ въ точности всѣ получаемыя отъ нихъ предписанія.

74. Каждый уѣздъ, смотря по своей обширности и народонаселенію, раздѣляется на нѣсколько округовъ, которые подвѣдомы окружному начальству. Оно состоитъ въ окружномъ исправникѣ или ключь-войтѣ и его помощникѣ, и имѣетъ при себѣ нѣсколько сотниковъ и десятскихъ, отряжаемыхъ на опредѣленное время отъ селеній, къ составу каждаго округа принадлежащихъ.

75. Окружное начальство есть среднее мѣсто между уѣзднымъ начальствомъ и каждымъ селеніемъ своего округа. Оно доставляетъ посредствомъ сотниковъ и десятскихъ въ каждое селеніе прикащикамъ, старостамъ, сельскимъ начальникамъ, выборнымъ и всякаго

другаго наименованія составляющимъ послѣднее звѣно управительной власти, всѣ повелѣнія и предписанія имѣющія послѣдовать отъ уѣзднаго начальства, и смотритъ за строгимъ оныхъ исполненіемъ. Сверхъ сего неослабно наблюдаетъ, чтобы вездѣ въ округѣ подъ вѣденіемъ его состоящимъ, наблюдаемъ былъ установленный порядокъ, обезпечивающій общую безопасность и тишину.

76. Каждый городъ первой и второй степени, кромѣ ратушъ или магистратовъ, имѣетъ еще свою городскую полицейскую управу. Она состоитъ подъ начальствомъ городничаго или полицмейстера, и въ ней засѣдаютъ : (на основаніи городоваго положенія § 34, статьи о обывателяхъ) два ратмана городовые.

77. Образъ дѣйствія сихъ нижнихъ начальствъ, равно какъ предѣлы и степень власти и отвѣтственности, частію опредѣленные уже въ существующихъ узаконеніяхъ, будутъ предметомъ особаго учрежденія, соотвѣтствующимъ изложеннымъ въ государственной уставной грамотѣ правиламъ.

ГЛАВА III.

Ручательства державной власти.

78. Православная греко-россійская вѣра будетъ на всегда господствующею вѣрою имперіи, императора и всего императорскаго дома. Она непрестанно будетъ обращать на себя особую попечительность правительства, безъ утѣсненія однакожъ свободы всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій. Рарзличіе хри-

стіанскихъ вѣроисповѣданій не производитъ никакихъ различій въ правахъ гражданскихъ и политическихъ.

79. Священнослужители всѣхъ исповѣданій вообще состоятъ безъ исключенія подъ покровительствомъ и надзоромъ законовъ и правительства.

80. Законъ безъ всякого различія покровительствуетъ равно всѣмъ гражданамъ.

81. Коренный россійскій законъ : "Безъ суда никто да не накажется" — и освященное учрежденіемъ о губерніяхъ правило : (§ 401) "чтобы никто безъ объявленія ему вины и снятія съ него допроса въ теченіи 3 дней по задержаніи, не лишался свободы и несодержался въ тюрьмѣ" — распространяется на всѣхъ жителей вообще въ слѣдующей силѣ.

82. Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу, обвиненъ и лишенъ свободы, какъ только въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ и съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ на сей конецъ правилъ.

83. Всякое самопроизвольное задержаніе вмѣняется въ преступленіе, подвергающее наказанію означенному въ уголовномъ правѣ.

84. Взятому подъ стражу должно немедленно объявить причину его задержанія.

85. Каждый задержанный долженъ быть представленъ въ теченіи 3 (въ рѣдкихъ же токмо случаяхъ, въ которыхъ розысканіе потребовало бы отсрочки не позднѣе 6 сутокъ) въ то присутственное мѣсто, до котораго онъ принадлежитъ, для снятія съ него допроса или сужденія узаконеннымъ порядкомъ. Всякое отступленіе отъ сего вмѣняется въ злоупотребленіе

власти. Ежели обвиняемый оправдается при первомъ слѣдствіи, то немедленно освобождается.

86. Во всѣхъ случаяхъ закономъ неизъятыхъ, обвиняемый отпущается на поруки.

87. Никто не долженъ быть наказанъ какъ въ силу закона постановленнаго и обнародованнаго до содѣланнаго преступленія, и по приговору того суда, которому онъ принадлежитъ.

88. Право просить о помилованіи (vis agratiandi) предоставляется лицамъ, осужденнымъ на смертную казнь, на вѣчную и свыше 15 лѣтъ продолжиться имѣющую ссылку, заточеніе и каторжную работу.

89. Свобода тисненія обезпечивается. Законъ излагаетъ правила къ обузданію злоупотребленій.

90. Каждому россійскому подданному вольно переселиться въ другое государство и вывезть свое имѣніе, лишь бы соблюлъ закономъ предписанныя на таковые случаи правила.

91. Да будетъ россійскій народъ отнынѣ навсегда имѣть народное представительство. Оно должно состоять въ государственномъ сеймѣ (государственной думѣ) составленномъ изъ государя и двухъ палатъ. Первую подъ именемъ высшей палаты, образуетъ сенатъ; а вторую подъ именемъ посольской палаты, земскіе послы и депутаты окружныхъ городскихъ обществъ.

92. Государственныя должности какъ гражданскія, такъ и военныя, иначе возлагаемы быть не могутъ, какъ на россійскихъ подданныхъ.

93. Каждый иностранецъ предъявившій законные

виды, будетъ пользоваться на равнѣ съ другими жителями государства покровительствомъ законовъ и выгодами, законами обезпеченными. Ему вольно будетъ на основаніи учрежденныхъ правилъ, жить въ государствѣ, выѣзжать изъ онаго, возвращаться и пріобрѣтать въ немъ недвижныя имѣнія.

94. Каждый иностранецъ, укоренный, при безпорочномъ поведеніи и послѣ пятилѣтняго пребыванія, научась россійскому языку, можетъ допущенъ быть въ отправленіе государственныхъ должностей.

95. Одинъ государь по собственному выбору, или по представленію государственнаго совѣта, можетъ въ отмѣну сего правила, допустить къ отправленію государственныхъ должностей иностранцевъ превосходными дарованіями отличающихся.

96. Всѣ государственные чиновники по части правительственной, отрѣшаются отъ должностей тою же властію, которая ихъ опредѣляетъ, съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ натаковой конецъ правилъ. Всѣ безъ исключенія подвержены отвѣтственности въ отправленіи своихъ должностей.

97. Всякая собственность на поверхности ли земли находящаяся или въ нѣдрахъ оной сокровенная какого бы рода ни была, въ чемъ бы ни состояла, и кому бы ни принадлежала, признается священною и неприкосновенною. Никакая власть и ни подъ какимъ предлогомъ посягнуть на нее не можетъ. Посягающій на чуждую собственность осуждается и наказывается какъ нарушитель общественнаго спокойствія.

98. Правительство имѣетъ однако право по

справедливомъ и предварительномъ вознагражденіи требовать отъ частнаго лица пожертвованія его собственностію. Законъ опредѣлитъ особенные случаи употребленіе сего права, и правила имѣющія опымъ руководствовать.

ГЛАВА IV.

О народномъ представительствѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О государственной думѣ или сеймѣ.

99. Представительство народное образуется, какъ выше сказано (ст. 91.)

100. Государственный сеймъ (государственная дума) раздѣляется на частные сеймы (думы) намѣстническихъ областей, созываемые каждые три года и на общую государственную думу или сеймъ, созываемый каждые пять лѣтъ.

101. Законодательная власть заключается въ особѣ государя при содѣйствіи двухъ палатъ государственнаго сейма, (какъ сказано въ ст. 13).

РАЗРЯДЪ 1.

О частныхъ думахъ или сеймахъ намѣстническихъ областей.

102. Сеймы намѣстническихъ областей составляются изъ государя и двухъ палатъ. Первая подъ именемъ высшей палаты образуется изъ одного департамента сената, присутствующаго въ главномъ

мѣстопребываніи намѣстническаго начальства. Вторая подъ именемъ земской посольской палаты составляется изъ двухъ третей избраннаго въ области намѣстничества числа пословъ и депутатовъ, государемъ утвержденныхъ.

103. Сеймы намѣстническихъ областей разсматриваютъ проэктъ общихъ законовъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ государь заблагоразсудитъ повелѣть имъ оные сообщить чрезъ государственный совѣтъ. Они разсматриваютъ въ особенности всѣ проэкты частныхъ законовъ до каждой намѣстнической области касающихся, по повелѣнію государя чрезъ правительственный совѣтъ намѣстничества къ нимъ препровождаемыхъ. Сверхъ сего они разсуждаютъ по сообщенію же отъ имени государя подобно вышесказанному, о увеличеніи или уменьшеніи всякаго рода сборовъ, податей и земскихъ повинностей; о средствахъ къ уравненію раскладокъ, о составленіи частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ намѣстническихъ областей: (Бюджетъ), однимъ словомъ о всемъ, что государю благоугодно будетъ высочайше указать внести къ нимъ на разсужденіе.

104. Сеймы намѣстничествъ разсуждаютъ еще, когда послѣдуетъ на то высочайшая воля, по предметамъ содержащимся въ всеподданнѣйшихъ докладахъ общаго собранія намѣстническихъ совѣтовъ, составленныхъ на основаніи ст. 60 изъ годовыхъ отчетовъ по каждой отрасли управленія. Наконецъ каждый намѣстническій сеймъ, изложивъ свое мнѣніе по всѣмъ симъ предметамъ, приступаетъ къ разсмо-

трѣнію наказовъ, земскимъ посламъ и депутатамъ отъ ихъ избирателей данныхъ и заключающихъ въ себѣ ихъ замѣчанія, представленія и прошенія, касательно всего того, что относится до ихъ пользы. Изъ сихъ наказовъ дѣлается самое вѣрное извлеченіе, которое препровождается въ общее собраніе намѣстническаго совѣта, а изъ онаго въ государственный совѣтъ для поднесенія государю императору на высочайшее разрѣшеніе и принятіе тѣхъ мѣръ, къ коимъ таковыя представленія могутъ подать поводъ.

105. Проэкты частныхъ законовъ относящихся до каждой области намѣстничества, составляются въ намѣстническомъ совѣтѣ и вносятся на сеймъ по повелѣнію государя членами означеннаго совѣта.

106. Для разсмотрѣнія и уваженія сихъ проэктовъ въ сеймахъ намѣстничествъ, каждая палата назначаетъ по баламъ три коммиссіи. Онѣ состоятъ въ высшей палатѣ изъ пяти голосовъ и суть слѣдующія:

1) Коммиссія законодательная.

2) Коммиссія управленія.

3) Коммиссія финансовъ.

Каждая палата увѣдомляетъ правительный совѣтъ объ учиненномъ его выборѣ. Коммиссіи находятся въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ совѣтомъ намѣстничества.

107. Проэкты предложенные именемъ государя, по всѣмъ отмѣнамъ, какія послѣдовать могли бы вслѣдствіе замѣчаній, коммиссіями учиненныхъ, исправляются токмо въ совѣтѣ намѣстничества.

108. Право читать приготовленныя рѣчи въ

обѣихъ палатахъ предоставляется однимъ членамъ намѣстническаго совѣта и членамъ коммиссіи каждой палаты. Всѣ прочіе члены объясняются изустно.

109. Члены совѣта во время разсужденій о проэктахъ, имѣютъ право присутствовать и говорить въ обѣихъ палатахъ; но тѣ изъ нихъ, которые не несутъ званія сенаторовъ, земскихъ пословъ или депутатовъ, числа голосовъ не составляютъ.

110. Общій отчетъ о состояніи всякой области намѣстничества, составленный въ каждомъ намѣстническомъ совѣтѣ, за внесеніемъ онаго предварительно въ департаментъ сената, выслушивается въ совокупныхъ палатахъ.

111. Каждая палата поручаетъ своимъ коммиссіямъ разсмотрѣть сей отчетъ. По учиненномъ разсмотрѣніи, коммиссіи въ общемъ донесеніи за подписаніемъ всѣхъ членовъ ихъ, представляютъ палатамъ свои на оный замѣчанія. Каждая палата по выслушаніи и уваженіи сихъ замѣчаній, излагаетъ мнѣніе свое касательно поданнаго отчета и подноситъ оное государю.

112. При закрытіи сейма, палата земскихъ пословъ и депутатовъ каждаго намѣстничества, приступаетъ къ выбору земскихъ пословъ и депутатовъ, имѣющихъ составить вторую палату общаго государственнаго сейма. Сей выборъ производятъ они изъ своей среды. Число избранныхъ должно соотвѣтствовать четвертой части состоящихъ на лицо пословъ и депутатовъ.

113. На сей конецъ заготовляется особый прото-

колъ, въ который вносятся поименно алфавитнымъ порядкомъ всѣ избранные члены. Сей актъ законнымъ образомъ составленный, отсылается намѣстнику для поднесенія онаго государю чрезъ комитетъ министровъ.

РАЗРЯДЪ 2.

О общемъ государственномъ сеймѣ.

114. Общій государственный сеймъ составляется изъ государя и двухъ палатъ. Первую подъ именемъ высшей палаты образуетъ сенатскій департаментъ, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, съ присовокупленіемъ къ нему единственно на время сейма и по назначенію государя изъ двухъ департаментовъ извѣстнаго числа сенаторовъ, образовательнымъ учрежденіемъ опредѣленнаго. Вторая подъ названіемъ палаты земскихъ пословъ составляется, по назначенію государя изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ, въ каждой намѣстнической области посольскою палатою изъ среды своей избранныхъ.

115. Общій государственный сеймъ, по сообщеніи отъ имени государя чрезъ государственный совѣтъ, разсматриваетъ всѣ проэкты законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и по части управительной, коихъ дѣйствіе распространяется на всю имперію. Онъ разсуждаетъ по предложеніямъ вносимымъ по высочайшему-жъ повелѣнію, о прибавленіи и уменьшеніи налоговъ, податей, сборовъ и всякаго рода общественныхъ повинностей; о удобнѣйшихъ и справедли-

вѣйшихъ раскладкахъ, о уравненіи налоговъ и податей по всему государству по мѣрѣ силы и возможности каждой намѣстнической области, о составленіи главнаго росписанія доходовъ и расходовъ (бюджетъ) на основаніи представленныхъ ему на разсмотрѣніе частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ, составленныхъ въ каждой области намѣстничества; равно какъ и о всѣхъ другихъ предметахъ, на разсужденіе по волѣ государя ему отсылаемыхъ.

116. Общій сеймъ разсуждаетъ еще по соблюденіямъ, которыя государю благоугодно было бы повелѣть сдѣлать по предметамъ, заключающимся въ общемъ государственномъ отчетѣ, коего составленіе возложено на общее собраніе государственнаго совѣта въ силу ст. 42. Наконецъ общій государственный сеймъ изложивъ свое мнѣніе по всѣмъ симъ предметамъ, приступаетъ къ разсмотрѣнію наказовъ, земскимъ посламъ и депутатамъ отъ ихъ избирателей данныхъ и заключающихъ въ себѣ ихъ замѣчанія, представленія и прошенія, касательно всего того, что относится до ихъ пользы. Изъ сихъ наказовъ дѣлается самое вѣрное извлеченіе, которое препровождается въ государственный совѣтъ, а отъ онаго представляется государю императору, на высочайшее разрѣшеніе и для принятія тѣхъ мѣръ, къ коимъ таковыя представленія могли подать поводъ.

117. Проэкты законовъ составленные въ государственномъ совѣтѣ вносятся на общій государственный сеймъ по повелѣнію государя, членами означеннаго совѣта.

118. Для разсмотрѣнія и уваженія сихъ проэктовъ на общемъ государственномъ сеймѣ, каждая палата назначаетъ по баламъ три коммиссіи. Онѣ состоятъ въ высшей палатѣ изъ трехъ, и въ посольской палатѣ изъ пяти членовъ и суть слѣдующія :

1) Коммиссія законодательная :

2) Коммиссія управленія.

3) Коммиссія финансовъ.

Каждая палата увѣдомляетъ государственный совѣтъ объ учиненномъ ею выборѣ. Коммиссіи находятся въ безпрестанномъ сношеніи съ государственнымъ совѣтомъ.

119. Проэкты предложенные именемъ государя, по всѣмъ отмѣнамъ, какія послѣдовать могли бы вслѣдствіе замѣчаній коммиссіями учиненныхъ, исправляются токмо въ государственномъ совѣтѣ.

120. Право читать приготовленныя рѣчи въ обѣихъ палатахъ предоставляется однимъ членамъ государственнаго совѣта; всѣ прочіе объясняются изустно.

121. Члены государственнаго совѣта во время разсужденій о проэктахъ законовъ имѣютъ право присутствовать и говорить въ обѣихъ палатахъ; но тѣ изъ нихъ, которые не суть сенаторами, земскими послами или депутатами, числа голосовъ не составляютъ.

122. Общій отчетъ о состояніи государства, составленный въ государственномъ совѣтѣ, выслушивается въ совокупныхъ палатахъ.

123. Каждая палата поручаетъ своимъ коммис-

сіямъ разсмотрѣть сей отчетъ, который дозволяется и напечатать. Донесенія коммиссій относительно содержанія отчетовъ не иначе должны быть представляемы въ палаты, какъ по единогласію и за общимъ подписаніемъ всѣхъ членовъ составляющихъ коммиссіи. Каждая палата по выслушаніи и уваженіи сихъ замѣчаній излагаетъ мнѣніе свое касательно поданнаго отчета и подноситъ оное государю.

124. Въ обѣихъ столицахъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ, кои не входятъ въ составъ намѣстничествъ, созываются чрезъ каждые три года столичные сеймы, дѣйствующіе на томъ основаніи какъ намѣстническіе сеймы. Сіи сеймы составляются изъ двухъ палатъ подъ предсѣдательствомъ государя императора или особы высочайшею довѣренностію для сего назначенной.

Первую палату подъ названіемъ верхней, составляетъ сенатскій департаментъ, засѣдающій въ столицѣ.

Вторая палата подъ названіемъ посольской палаты составляется изъ двухъ третей земскихъ пословъ и депутатовъ, избранныхъ государемъ императоромъ изъ числа выбранныхъ столицею и въ уѣздахъ съ губерніи пословъ и депутатовъ.

125. Посольскія палаты столичныхъ сеймовъ избираютъ изъ своей среды одну четвертую часть пословъ и депутатовъ для общаго государственнаго сейма. Государь императоръ назначаетъ изъ оныхъ половину.

РАЗРЯДЪ 3.

Постановленія общія касающіяся какъ, до государственныхъ общихъ, такъ и до частныхъ сеймовъ.

126. Право созвать, распустить, отсрочить и продлить сеймы какъ обыкновенные, такъ и чрезвычайные, принадлежитъ одному государю. Засѣданіе сеймовъ продолжается тридцать дней.

127. Сеймы должны заниматься токмо тѣми предметами, кои завѣдыванію ихъ представлены или находятся означенными въ созывной грамотѣ.

128. Никто изъ членовъ сеймовъ во время продолженія оныхъ не можетъ быть ни задержанъ, ни судимъ уголовнымъ судомъ безъ вѣдома той палаты, которой онъ принадлежитъ.

129. Отъ воли государя зависитъ вносить проэкты первоначально въ сенатъ или въ посольскую палату. Изъ сего исключаются проэкты законовъ финансовыхъ, которые имѣютъ быть предварительно взносимы въ палату земскихъ пословъ.

130. Проэкты по высочайшей волѣ, взносимые на сеймъ, не почитаются ни одобренными ею, ни утвержденными; почему и предоставляется сеймамъ полная свобода на счетъ оныхъ излагать свое мнѣніе.

131. Обѣ палаты сеймовъ разсуждаютъ въ засѣданіяхъ своихъ при открытыхъ дверяхъ, т. е. въ присутствіи постороннихъ, коимъ входъ не возбраняется.

По предложенію однакожъ десятой части наличныхъ членовъ, они могутъ составить изъ себя особенный комитетъ.

132. Проэкты во всѣхъ сеймахъ принимаются или отвергаются большинствомъ голосовъ. Голоса объявляются вслухъ. Проэкты — большинствомъ голосовъ принятые въ одной палатѣ, поступаютъ въ другую, которая, послѣдуя тѣмъ же правиламъ, разсуждаетъ и рѣшитъ. Въ случаѣ равенства голосовъ проэктъ почитается принятымъ.

133. Проэктъ принятый одною палатою, не можетъ быть преобразованъ другою. Онъ долженъ быть просто принятъ или отвергнутъ.

134. Проэктъ принятый обѣими палатами, подносится на утвержденіе государю.

135. Ежели государь утверждаетъ его, то онъ обращается въ законъ и обнародывается по учрежденному порядку. Ежели же государь не соблаговолитъ его утвердить, то проэктъ уничтожается.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О сенатѣ.

136. Сенатъ составляется изъ великихъ князей императорскаго дома и всѣхъ особъ, кои удовлетворивъ требуемымъ условіямъ, возведены на сенаторское достоинство государемъ. Званіе сенатора сохраняется по смерть.

137. Число сенаторовъ опредѣляется государемъ. Оно не должно превосходить четвертой доли числа земскихъ пословъ и депутатовъ всего государства.

138. Сенатъ раздѣляется на нѣсколько департаментовъ, изъ коихъ одинъ присутствуетъ въ С. Петербургѣ, а другой въ Москвѣ. Сверхъ сего назначается для каждаго намѣстничества по одному департаменту, присутствующему въ главномъ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства.

139. На достоинство сенатора можетъ быть возведенъ токмо тотъ, который имѣетъ не менѣе 35 лѣтъ отъ роду, выдержалъ въ нижнихъ чинахъ предписанныя испытанія, отправлялъ съ похвалою должности по части военной и гражданской и получаетъ ежегоднаго дохода съ недвижимаго имѣнія собственно ему принадлежащаго, не менѣе 1,000 руб. серебряною монетою. Изъ сего правила по необходимости исключаются первоначальныя назначенія, имѣющія послѣдовать въ силу сей грамоты.

140. Великіе князья императорскаго дома, по совершеніи 18 лѣтъ, засѣдаютъ въ сенатѣ и имѣютъ голосъ.

141. Сенатъ во время сейма образуетъ высшую палату и содѣйствуетъ купно съ посольскою палатою законодательной власти государя.

142. Каждый департаментъ сената состоитъ подъ предсѣдательствомъ того изъ своихъ членовъ, котораго государь на то изберетъ; въ отсутствіи же онаго подъ предсѣдательствомъ старшаго члена.

143. Независимо отъ законодательныхъ дѣйствій, сенатъ имѣетъ еще и другія обязанности, особенно опредѣленныя.

144. Къ законодательнымъ дѣйствіямъ сенатъ не иначе приступить можетъ, какъ по созыву отъ лица государя и во время сейма. Для совершенія же всѣхъ прочихъ обязанностей, каждый департаментъ сената созывается своимъ президентомъ съ вѣдома государева намѣстника.

145. Сенатскій департаментъ присутствующій въ С. Петербургѣ, къ коему смотря по нуждѣ присоединяются и другіе сенаторы, государемъ призванные, опредѣляетъ по предложенію государя или по жалобамъ сеймовъ, государемъ допущенныхъ, о преданіи суду сенаторовъ, министровъ, начальниковъ управленія, намѣстниковъ, членовъ общаго собранія государственнаго совѣта и членовъ правительнаго совѣта или комитета министровъ, директоровъ департаментовъ, государственныхъ докладчиковъ или статсъ-секретарей, за злоупотребленіе въ отправленіи ихъ должностей и всякія дѣйствія подвергающія отвѣтственности.

146. Каждый сенатскій департаментъ окончательно рѣшитъ въ каждомъ намѣстничествѣ по всѣмъ дѣламъ, касающимся до дворянскихъ собраній и собраній окружныхъ городскихъ обществъ. Вслѣдствіе чего повѣряетъ свидѣтельство о дворянствѣ, право къ засѣданію въ собраніяхъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія относительно сихъ предметовъ.

147. Сенаторы избранные государемъ исправляютъ сверхъ сего по очереди должность судей въ верховныхъ судахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О палатахъ земскихъ пословъ.

РАЗРЯДЪ 1.

О посольскихъ палатахъ намѣстническихъ сеймовъ.

148. Палата намѣстническаго сейма составляется по назначенію государя изъ двухъ третей пословъ и депутатовъ, избранныхъ уѣздными дворянскими собраніями и гражданскими обществами, какъ сказано выше въ ст. 102.

149. Половинное число членовъ посольской палаты намѣстническаго сейма, возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Вслѣдствіе чего и единственно на первый разъ, члены выходятъ по жребію. Такимъ образомъ одна половина остается въ званіи своемъ три года, а другая шесть лѣтъ. Члены вышедшіе по жребію могутъ быть вновь избраны.

150. На послѣдующихъ сеймахъ намѣстничествъ, члены выходятъ уже не по жребію, но по старшинству. Члены вышедшіе могутъ быть вторично избраны.

151. Тоже самое что изображено въ предыдущихъ двухъ статьяхъ, наблюдается и въ палатахъ столичныхъ сеймовъ.

РАЗРЯДЪ 2.

О посольской палатѣ общаго государственнаго сейма.

152. Посольская палата общаго государственнаго сейма составляется, какъ выше сказано въ ст. 114,

по назначенію государя изъ числа избранныхъ на сеймахъ намѣстничествъ, пословъ и депутатовъ.

153. Половинное число членовъ общаго государственнаго сейма возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Вслѣдствіе чего и единственно на первый разъ, члены выходятъ по жребію. Такимъ образомъ одна половина пословъ и депутатовъ остается въ званіи своемъ пять, а другая десять лѣтъ. Вышедшіе члены могутъ быть вновь избираемы.

154. На послѣдующихъ общихъ государственныхъ сеймахъ члены палаты выходятъ уже не по жребію а по старшинству.

РАЗРЯДЪ 3.

Распоряженія общія всѣмъ посольскимъ палатамъ.

155. Въ члены посольской палаты можетъ быть избранъ токмо тотъ, которому исполнилось уже 30 лѣтъ, кто пользуется правами гражданина и платитъ поземельныя и всякія другія подати не менѣе той суммы, которая во всякой намѣстнической области будетъ для сего опредѣлена, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и народонаселенію.

156. Никакой чиновникъ ни военный, ни гражданскій не можетъ быть избираемъ въ члены посольской палаты, не получивъ предварительнаго на то согласія отъ своего начальства.

157. Если кто изъ пословъ и депутатовъ до избранія своего не находился при должности на казенномъ жалованьѣ и приметъ оную уже по избраніи, то таковой долженъ быть замѣщенъ новымъ членомъ.

158. Государь или вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія его намѣстникъ имѣетъ право распустить посольскія палаты. Въ такомъ случаѣ палаты расходятся и по послѣдовавшимъ созывамъ приступаютъ къ новымъ выборамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О дворянскихъ собраніяхъ или сеймикахъ.

159. Дворяне каждаго уѣзда, владѣющіе собственными недвижимыми имѣніями, составляютъ между собою дворянскія собранія, на которыхъ избираютъ трехъ земскихъ пословъ. Послѣ чего приступаютъ къ другимъ выборамъ, особенными учрежденіями имъ представленнымъ.

160. Дворянскія собранія не иначе съѣзжаться могутъ, какъ въ силу созыва, по высочайшей волѣ послѣдовавшаго. Въ семъ созывѣ означается день съѣзда, время продолженія собранія и предметъ его занятій.

161. Никто изъ дворянъ не можетъ имѣть голоса въ дворянскомъ собраніи, буде не записанъ въ дворянскую книгу своего уѣзда, не пользуется правами гражданина, не достигъ 25 лѣтъ и не владѣетъ недвижимымъ имѣніемъ.

162. Книга уѣздныхъ дворянъ составляется по учрежденному и впредь учредиться имѣющемуся порядку и вносится на разсмотрѣніе и утвержденіе сенатскаго департамента, присутствующаго въ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства.

163. Дворянскія собранія или сеймики составляютъ изъ среды своей особенный комитетъ для сочиненія наказа, заключающаго въ себѣ жалобы, ежели бы встрѣтиться могло, на злоупотребленіе власти, съ присовокупленіемъ ясныхъ оному доводовъ и представленій о всемъ, что къ увеличенію благосостоянія всѣхъ жителей того уѣзда служить можетъ. Сей наказъ подписывается членами собранія, вкладывается въ пакетъ за разными печатьми, надписывается на имя сейма намѣстничества и вручается избраннымъ земскимъ посламъ. Они въ полномъ присутствіи отдаютъ его предводителю сейма, который въ полученіи расписывается и за цѣлость онаго отвѣчаетъ. Подлинники тѣхъ наказовъ сохраняются при дѣлахъ дворянскаго собранія.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О собраніи окружныхъ городскихъ обществъ.

165. Градскія общества, которыя въ силу городоваго положенія собираются каждые три года для учиненія выборовъ и представленія губернатору о своихъ нуждахъ и пользахъ, имѣютъ составить окружное градское общество на основаніи какъ нижеслѣдующихъ статей, такъ и образовательнаго учрежденія, для выбора отъ окружнаго общества трехъ депутатовъ на сеймъ.

166. Къ выбору депутатовъ отъ окружнаго градскаго общества допускаются: 1) Настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или иныя строенія, мѣсто или земли, равно какъ и обыватели не изъ

дворянъ, жительствующіе внѣ города, но въ томъ же уѣздѣ къ которому городъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семъ уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія извѣстныя подъ именемъ именитыхъ граждан, какъ то: ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники трехъ главныхъ художествъ, архитектуры, скульптуры и живописи, банкиры, капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій и 4) цѣховые мастера.

167. Всѣ Евреи не исключая и тѣхъ, кои записаны въ гильдіи или имѣютъ недвижимую собственность, участія въ собраніяхъ окружныхъ градскихъ обществъ не имѣютъ.

168. Въ городахъ, въ коихъ числится болѣе 8,000 жителей, исключая столицъ, составляются для выбора депутатовъ на сеймъ собранія градскаго общества въ каждой части города, къ которымъ допускаются обыватели всѣхъ означенныхъ въ ст. 166 состояній, жительствующіе въ той части города. Въ сихъ частныхъ собраніяхъ выбираются три гласные назначаемые въ общее градское собраніе. Общее собраніе составленное изъ всѣхъ гласныхъ, выбранныхъ въ собраніяхъ, по городскимъ частямъ производившихся, приступитъ къ выбору трехъ депутатовъ на сеймъ. За симъ совершаются отъ онаго всѣ прочія дѣлопроизводства, въ силу особенныхъ постановленій, ему предоставленныхъ.

169. Въ городахъ, въ которыхъ числится не болѣе 8,000 жителей и менѣе сего, градское общество

приступаетъ безъ посредства гласныхъ къ выбору трехъ депутатовъ на сеймъ, на основаніи ст. 166.

170. Въ столицахъ же въ С. Петербургѣ и Москвѣ, составляется собраніе градскаго окружнаго общества по частямъ, и отъ каждой городской части назначается по одному депутату на сеймъ.

171. Въ собраніи градскаго общества имѣетъ голосъ токмо тотъ, кто записанъ въ градскую обывательскую книгу, пользуется гражданскими правами и имѣетъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду.

178. Книга обывательская, содержащая имена лицъ, имѣющихъ право подавать голосъ въ собраніяхъ городскаго окружнаго общества, составляется учрежденнымъ порядкомъ въ городскихъ думахъ или магистратахъ и представляется въ сенатскій департаментъ на утвержденіе.

173. Въ окружныхъ городскихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ городскій окружный голова, назначенный отъ государя императора или отъ того начальства, которому сіе назначеніе высочайшею волею поручено будетъ.

174. Окружныя городскія общества составляютъ изъ среды своей особенные комитеты для сочиненія наказовъ, заключающихъ въ себѣ, ежели бы встрѣтиться могло, жалобы на отягощеніе и злоупотребленіе власти, основанныя на ясныхъ доказательстахъ, и представленія о пользахъ и нуждахъ всѣхъ состояній окружнаго градскаго общества. Сіи наказы вручаются депутатамъ запечатанные, а отъ нихъ представляются

какъ сказано выше въ ст. 164 о сеймахъ или дворянскихъ собраніяхъ.

ГЛАВА V.

О судебной власти.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О судахъ вообще.

175. Суды и лица носящіе званіе судей, въ отправленіи обязанности на нихъ возложенной, дѣйствуютъ по законамъ и независимо ни отъ какой власти.

176. По поелику дѣйствіе судовъ должно быть основано на точной силѣ законовъ, то всякое отступленіе отъ словъ закона и самопроизвольное толкованіе оныхъ, равно какъ и каждое злоупотребленіе судейской власти и выступленіе изъ предѣловъ ей предписанныхъ, подвергаютъ отвѣтственности и взысканіямъ.

177. Суды составляются изъ судей, опредѣленныхъ государемъ, согласно съ предписанными правилами о испытаніи, и изъ судей выбранныхъ, согласно съ существующими по сему предмету особенными постановленіями.

178. Судья не иначе отъ должности отрѣшается, какъ за противузаконный поступокъ и вслѣдствіе производившагося надъ нимъ законнымъ порядкомъ суда. Случаи удаленія отъ должности будутъ опредѣлены въ учрежденіи о судахъ.

179. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ должности, равно какъ и отвращеніе всѣхъ злоупотреб-

леній по судебнымъ мѣстамъ, подлежитъ вѣдомству верховныхъ судовъ и министерства юстиціи.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О верховныхъ судахъ.

РАЗРЯДЪ 1.

О верховномъ государственномъ судѣ.

180. Учреждается верховный государственный судъ, составленный изъ предсѣдателя, сенаторовъ и другихъ особъ, засѣдающихъ въономъ по назначенію государя императора.

181. При семъ верховномъ государственномъ судѣ опредѣляется генералъ-прокуроръ, въ качествѣ государственнаго преслѣдователя за преступленія.

182. Вѣдомству верховнаго государственнаго суда подлежатъ изслѣдованіе и наказаніе за всѣ преступленія въ оскорбленіи величества, за преступленія противу государства и всѣ противузаконные поступки высшихъ чиновниковъ, коихъ преданіе суду зависитъ отъ сената, въ силу ст. 145, и отъ общаго собранія государственнаго совѣта, въ силу ст. 42.

183. Верховный государственный судъ имѣетъ присутствовать въ столичномъ городѣ С. Петербургѣ, буде не послѣдуетъ высочайшаго повелѣнія созвать его въ другомъ мѣстѣ.

184. Приговоры верховнаго государственнаго суда суть окончательные, но исполненіе по нимъ не чинится безъ высочайшаго утвержденія.

РАЗРЯДЪ 2.

О верховномъ судѣ намѣстнической области.

185. Въ каждомъ намѣстничествѣ, въ мѣстѣ пребыванія намѣстническаго совѣта, учреждается верховный судъ намѣстнической области. Оный составляется изъ извѣстнаго числа сенаторовъ назначенныхъ государемъ для засѣданія въ ономъ по очереди, и изъ непремѣнныхъ судей, поступающихъ въ оный изъ предсѣдателей апелляціонныхъ судовъ.

186. Вѣдомству верховнаго суда подлежатъ всѣ судебныя дѣла гражданскія, уголовныя и слѣдственныя, переносимыя въ оный изъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ и другихъ низшихъ судебныхъ мѣстъ намѣстнической области, за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, кои подлежатъ разбирательству верховнаго государственнаго суда.

187. Рѣшенія и приговоры верховнаго суда намѣстнической области окончательны, исключая въ дѣлахъ, касающихся преступленій противъ императорскаго величества и государства, которые отсылаются на разсмотрѣніе въ верховный государственный судъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Объ апелляціонныхъ и низшихъ судахъ.

188. Апелляціонные суды по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ (палата уголовныхъ дѣлъ и палата гражданскихъ дѣлъ и надворные суды въ столицахъ); суды первой инстанціи по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ, (уѣздные суды и городовые маги-

страты); коммерческіе, совѣстные и мировые суды, равно какъ и другіе суды, въ коихъ окажется надобность, будутъ устроены особыми постановленіями сообразно съ государственною уставною грамотою.

ГЛАВА VI.

Общія постановленія.

189. Дополнительныя объясненія къ государственной уставной грамотѣ и къ законнымъ основаніямъ въ ней содержащимся, изложены будутъ въ образовательныхъ учрежденіяхъ и въ частныхъ установленіяхъ.

190. Послѣдующіе указы назначатъ губерніи и области, которыя имѣютъ быть соединены въ намѣстничества и пользоваться политическими правами, въ народномъ представительствѣ заключающимися.

191. Всѣ прежніе законы, указы и уставы, противные сей грамотѣ, отмѣняются.

Убѣдившись въ совѣсти, что вышеизложенныя коренныя постановленія соотвѣтствуютъ отеческимъ нашимъ желаніямъ утвердить благосостояніе и спокойствіе любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, основать неприкосновенность ихъ лицъ и собственности и охранить ненарушимость ихъ правъ гражданскихъ и политическихъ, мы жалуемъ имъ сію уставную грамоту, которую признаемъ за себя и преемникомъ нашимъ кореннымъ и уставнымъ закономъ нашего государства, предоставляя себѣ оную дополнять. Повелѣваемъ всѣмъ государственнымъ властямъ содѣйствовать ея исполненію.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

ЕРМОЛОВЪ.

Я прибылъ въ Тифлисъ въ 1827 году, 2 Февраля.* Въ то время еще былъ главнокомандующимъ Алексѣй Петровичь Ермоловъ уже ожидавшій смѣны, и потерявшій свою популярность: про него тогда говорили, что онъ только либералъ прапорщикъ; но онъ могъ играть ролю Валленштейна, естьлибъ въ немъ было по болѣе патріотизма, естьлибъ онъ при обстановкѣ своей того времени, и какого-то трепетнаго ожиданія отъ него людей ему преданныхъ и вообще всѣхъ благороднomыслящихъ, не ограничился какимъ-то непонятнымъ равнодушіемъ, увлекшимъ его въ бездѣйственность, въ какую - то апатію, за которую Николай вмѣсто благодарности заплатилъ ему неблагодарностію, смѣнилъ его бездарнымъ Паскевичемъ, при посредничествѣ начальника штаба уродца Дибича, нѣмца нелюбившаго Россіи, посланнаго Николаемъ въ Тифлисъ. Зачѣмъ было Ермолову во все свое командованіе Кавказскими войсками, особенно заботиться, привязывать солдатъ къ себѣ?

* Эта статья прислана также безъ имени автора, равно какъ и слѣдующая за нею.—Прим. Ред.

Зачѣмъ походомъ бывало въ Чечнѣ, Ермоловъ довольно долго оставался подлѣ огня въ кружку солдатъ балагурить и шутить съ ними? Ермоловъ впротчемъ всегда былъ доступенъ солдату и за то солдатъ его любилъ. Ермоловъ берегъ солдата и всегда его былъ готовъ защитить. Какъ часто Ермоловъ пріѣзжая на урочища штабъ-квартиры полковъ, найдя неудовлетворительнымъ полковой гошпиталь, выгонялъ полковаго командира изъ своего дома и отдавалъ его подъ полковой гошпиталь. Ермоловской солдатъ понималъ Ермолова и сердцемъ и душой, и съ такимъ солдатомъ чего нельзя сдѣлать. У Ермоловскаго солдата была уже идея о справедливости, чего тогда еще ни въ однихъ войскахъ не было. Александръ благословенный еще при жизни своей въ 1 арміи у Сакена съ нѣмцами : Ольдекопомъ и Дибичемъ уже давно ввели унизительную дисциплину, впослѣдствіи доведенной въ русскихъ войскахъ при Николаѣ до такого апоѳеоза! Ермоловъ также привязывалъ офицеровъ къ себѣ, разспространяя въ нихъ благородный духъ. Самъ разъ за своего адъютанта, племянника своего хотѣлъ идти къ нему въ секунданты. Въ командованіе Кавказскимъ корпусомъ Ермолова, всякая подлость, низость въ самомъ началѣ подавлялись, а начальничьяго идолопоклонства совсѣмъ не допускалось. Начальникъ его штаба генералъ Алексѣй Александровичь Вельяминовъ былъ его другомъ, и что эти два человѣка могли бы сдѣлать, естьлибъ они не были въ тоже время страшными эгоистами, все таки не сваривавши въ желудкѣ самодержавіе

и деспотизмъ, всегда столь ненавистный всѣмъ благомыслящимъ людямъ. Всѣхъ болѣе другихъ эти люди могли ожидать отъ Николая, что онъ ихъ не потерпитъ какъ умныхъ и способныхъ генераловъ. Николаю нуженъ былъ такой какъ Паскевичъ, его креатура, его вѣрнѣйшій рабъ, и вотъ въ 1827 году въ Маѣ, Паскевичъ повелъ русскія войска въ Персію, гдѣ отъ климату почти двѣ трети погибли!

На другой или на третій день по пріѣздѣ моемъ въ Тифлисъ, гдѣ я остановился въ квартирѣ моего двоюроднаго брата, бывшаго въ то время адъютантомъ начальника штаба Вельяминова, того самаго, который впослѣдствіи во всю Персидскую войну, боясь Паскевича, боясь императора Николая, боялся меня принимать къ себѣ, чтобъ не навести негодованіе; меня плацъ-маіоръ Дунаевскій представлялъ Ермолову, принявшему меня сидя въ своемъ кабинетѣ со всею любезностію начальника. Ермоловъ пересталъ уже быть для меня чѣмъ-то необыкновеннымъ, тѣмъ болѣе, что на него я глядѣлъ какъ на человѣка уже измѣнившаго отечеству. Я разглядывалъ его, но не слушалъ! Онъ вздумалъ утѣшать, что отгадываетъ желаніе государя дать намъ всѣ средства къ отличію.

Полтора года я выслужилъ рядовымъ и десять лѣтъ съ половиною унтеръ-офицеромъ и того двѣнадцать лѣтъ въ кампаніяхъ: Персидской и Турецкой, экспедиціяхъ: Лезгистанской, Аварской и Закубанской. Ермоловъ не зналъ какъ видно, совершенно Николая... Нельзя пройти молчаніемъ какъ меня въ тотъ же день

представляли Паскевичу, и какъ онъ принялъ меня. Паскевичь подбѣжавъ ко мнѣ, накричалъ объ сдѣланныхъ милостяхъ Николая, которыя въ его коронацію только въ томъ и состояли, что изъ Сибирскаго корпуса гарнизоннаго Бійскаго баталліона меня перевели въ Кавказской корпусъ въ Шарванской полкъ, то есть перемѣнили оловянныя пуговицы на мѣдныя. Про Паскевича Ермоловъ говорилъ, что онъ пишетъ безъ запятыхъ, а говоритъ съ запятыми. Подбѣжавъ ко мнѣ, Паскевичь разинулъ ротъ и остановился, потомъ еще что-то сказалъ и остановился, такъ что на маленькомъ со мною разговорѣ онъ останавливался раза три или четыре! Не бывать добру отъ такого человѣка, который далеко отъ глазъ Николая разговаривая — крикомъ наноситъ оскорбленіе человѣку, и безъ того уже несчастному! Паскевичь во всю свою жизнь былъ самый подлѣйшій рабъ Николая! Только стоитъ его разобрать всю жизнь по строже и по справедливѣе!!

Ермоловъ могъ предупредить арестованіе столькихъ лицъ, и потомъ смерть пяти мучениковъ, могъ бы дать Россіи конституцію, взявъ съ Кавказа дивизію пѣхоты, двѣ батареи артиллеріи и двѣ тысячи казаковъ, пойдя прямо на Петербургъ. Тотчасъ же бы онъ съ Дону имѣлъ прекрасный корпусъ легкой кавалеріи Донцовъ съ ихъ артиллеріею, столько сколько бы онъ захотѣлъ. Донцы въ то время, были очень недовольны правительствомъ и особенно Чернышевымъ. Они до одного всѣ возстали бы; а объ 2 арміи и Чугуевскихъ казакахъ и говорить нечего.

Они всѣ были готовы! Девизомъ возстанія была свобода Россіи, освобожденіе крестьянъ отъ рабства дворянъ, десятилѣтняя военная служба и главное, чтобъ казна шла на нужды народа, а не на пустую политику самодержца-деспота! Помѣщики-дворяне не смѣли бы пикнуть и сами всѣ до одного присоединились бы къ грозной арміи, веденой такимъ искуснымъ и любимымъ полководцемъ. Это было бы торжественное шествіе здраваго ума, истиннаго добра и будущаго благополучія Россіи! При русскомъ сметливомъ умѣ солдаты и крестьяне тотчасъ бы смѣтили, что это война чисто была бы за нихъ; а равенство передъ закономъ и сильнаго и слабаго, начальника и подчиненнаго, чиновника и крестьянина тотчасъ связало бы дѣло за татарско-нѣмецкимъ деспотизмомъ остановленное неподнятымъ..... Но Ермоловъ еще разъ повторяю имѣвъ настольную книгу Тацита и Комментарій на Цезаря ничего въ нихъ не вычиталъ, былъ всегда только интригантомъ и никогда не былъ патріотомъ..... Онъ уже принадлежитъ приговору исторіи, какъ уже принадлежитъ исторіи 14 Декабря и 1826 годъ ознаменовавшійся казнью Рылѣева, Апостола - Муравьева, Пестеля, Бестужева-Рюмина и Вадковскаго, мучениковъ за правое дѣло Россіи! Ермоловъ ничѣмъ не можетъ оправдаться: ни готовившейся Персіей ворваться въ наши предѣлы, потому, что онъ хорошо зналъ эту Персію, въ которой былъ полномочнымъ посланникомъ и въ веденномъ своемъ журналѣ, такъ вѣрно ее описавши. Ничто, ничто его не можетъ оправдывать.

Ермоловъ очень хорошо зналъ, что Персидскія войска съ ихъ сирвазами, съ кизиль-башами представляютъ собою самыхъ ничтожныхъ солдатъ и что это за войско, у которыхъ ротные командиры, султаны ихъ, торгуютъ водкою, продавая имъ въ долгъ, вычитая потомъ изъ жалованья, и всякой разъ ихъ обсчитывая. Какой тутъ требовать дисциплины отъ войскъ, всегда бѣгущихъ съ поля сраженія. Это доказало сраженіе подъ Елисаветполомъ 13 Сентября 1826 года. Извѣстный за Кавказомъ генералъ Котляревскій почти съ однимъ Грузинскимъ полкомъ всегда и вездѣ билъ Персіянъ. Но для императора Николая и его бездарнаго главнокомандующаго Паскевича Персіяне казались не тѣми, чѣмъ казались Ермолову. Императору Николаю впрочемъ нужно было послѣ 14 Декабря и дѣла подъ Бѣлой Церковью поболѣе жертвъ отъ проклятаго Персидскаго климата, что доказываетъ планъ кампаніи Персидской, избранной лѣтомъ.....

Слѣдующій разсказъ лучше выскажетъ Ермолова патріотическія чувства долга сына отечества. Въ 1812 году Ермоловъ подъ Тарутинымъ, былъ у Кутузова-Смоленскаго начальникомъ штаба; и Аршарумовъ въ своей исторіи похода 1812 года, называетъ Ермолова щитомъ Россіи. Военныхъ способностей отъ Ермолова конечно никто отнять не можетъ. Самъ Кутузовъ-Смоленскій говорилъ: что у него есть два генерала. Одинъ хочетъ—да не можетъ, Коновницынъ, а другой можетъ—да не хочетъ, Ермоловъ... Подъ Тарутинымъ Ермоловъ всякой день кутилъ. Въ одинъ день во время кутежа Ермоловъ

получаетъ отъ Кутузова конвертъ. Не распечатывая, онъ кладетъ его въ боковой карманъ и забываетъ объ немъ; между тѣмъ въ этомъ конвертѣ находился приказъ главнокомандующаго Кутузова на извѣстномъ пунктѣ, въ извѣстное время сосредоточить войска для нападенія на короля Неаполитанскаго Мюрата. Кутузовъ пріѣзжаетъ и не находитъ ни одного солдата, посылаетъ за Ермоловымъ, запираетъ дверь кабинета, и начинаетъ ругать его, кричитъ, что я тебя въ 24 часа разстрѣляю, непремѣнно въ 24 часа разстрѣляю. Ермоловъ молчитъ и не находитъ словъ къ оправданію... Мнѣ объ этомъ разсказывалъ въ Тамбовѣ покойный генералъ Ушаковъ, бывшій подъ Тарутинымъ адъютантомъ главнокомандующаго Кутузова, и какъ большая часть адъютантовъ, подслушавшій у дверей кабинета въ чемъ Ушаковъ и не запирается.

Въ Москвѣ на балѣ у покойной графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, Ермоловъ въ черномъ фракѣ и въ бѣломъ жилетѣ съ Георгіемъ 2 степени на шеи, прислонившись въ залѣ къ одной изъ колоннъ, былъ окруженъ толпою удивлявшихся; но когда Ермоловъ уже надѣлъ опять мундиръ и долженъ былъ таскаться на всѣ маневры и во всѣ дворцы, на него даже не смотрѣла и та толпа, которая всему безсознательно удивляется, на этотъ разъ впрочемъ сознавая, что Ермоловъ бѣдный человѣкъ!

О

ПРОИСХОЖДЕНІИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Короткое царствованіе Петра III внесется въ лѣтописи нашей исторіи самымъ замѣчательнымъ образомъ. Двѣ женщины Екатерина II и Екатерина Воронцова-Дашкова съ двумя Орловыми и съ нѣсколькими другими, замыслили свергнуть съ трона Петра Ѳеодоровича, и имъ удалось безъ малѣйшаго кровопролитія—чѣмъ этотъ coup d'etat и отличается отъ всѣхъ прочихъ, произведенныхъ когда нибудь во дворцахъ, гаремахъ и на площадяхъ, однакожъ не мѣшало Петру III, послѣ своего отреченія, какъ извѣстно, на восьмой день умереть. Перевезенный въ Ропшу, въ закрытой на глухо каретѣ, съ гренадерами на подножкахъ, запяткахъ и козлахъ, онъ былъ задушенъ Орловыми! Кровь все таки не была пролита! Полуграмотный Алексѣй Орловъ пишетъ записку къ Екатеринѣ: "матушка, пощади и помилуй, дуракъ нашъ вздумалъ драться, мы его и порѣшили!"

Петръ III былъ самое жалкое нѣмецкое существо, и самое жалкое существо, какое когда либо было на

Россійскомъ престолѣ. Безъ малѣйшаго современнаго образованія, безъ воспитанія, пьяница, безъ всякой энергіи, слабоумный императоромъ какъ и великимъ княземъ онъ только игралъ въ солдатики, прогонялъ сквозь строй крысъ, ихъ вѣшалъ, напередъ осудивъ военнымъ судомъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ казни, оставляя висѣть ее трое сутокъ. Императоръ стоялъ на часахъ, у дверей прусскаго посланника во изъявленіе своего глубокаго уваженія, къ прусскому королю Фридриху великому, котораго впрочемъ предостереженія не спасли его. Ненавидѣлъ и унижалъ безпрестанно жену свою, и иногда за большимъ столомъ, посреди своихъ Голштинцевъ ругалъ ее дурою, онъ въ тоже время продолжалъ любить дѣвицу фрейлину графиню Елисавету Воронцову, которая послѣ въ замужествѣ была за Полянскимъ, родную сестру Екатерины Воронцовой-Дашковой.

Еще при царствованіи Елисаветы, будучи великой княгиней, Екатерины супружеское ложе не посѣщалось милымъ другомъ, и горько объ этомъ она плакала, и Елисавета заставшая разъ ее въ слезахъ, замѣтила Екатеринѣ, что молодыя женщины не любящія мужей, всегда объ этомъ плачутъ, а надобно было непремѣнно имѣть наслѣдника престола. Русскіе царедворцы и министры того времени не могли какъ и теперь существовать безъ повелителей. Министръ, великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, чрезъ преданную статсъ-даму Чоглакову, приставленную съ мужемъ своимъ къ великой княгинѣ, какъ и къ

великому князю, одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ Екатеринѣ, взять къ себѣ въ любовники кого нибудь, чтобъ имѣть наслѣдника. Бестужевъ и подобные ему не видали другаго блага для Россіи, какъ въ самодержавіи, а "самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель", стихъ Якова Княжнина въ его напечатанной трагедіи *Вадимъ Новгородскій*, за которую онъ въ царствованіе Екатерины II въ 1791 году былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и засѣченъ до смерти въ тайной канцеляріи, страшнымъ того времени Санктпетербургскимъ полицеймейстеромъ Шишковскимъ. Дашкова въ своихъ запискахъ, кадя безпрестанно во всемъ Екатеринѣ II, объ этомъ нисколько не упоминаетъ, какъ и объ множествѣ происшествій этого рода.

Екатеринѣ понравился прекрасный собою, молодой Сергѣй Салтыковъ, отъ котораго она и родила мертваго ребенка, замѣненнаго въ тотъ же день родившимся въ деревнѣ Котлахъ, недалеко отъ Ораніенбаума, Чухонскимъ ребенкомъ, названнымъ Павломъ, за что все семейство этого ребенка, самъ пасторъ съ семействомъ и нѣсколько крестьянъ, всего около 20 душъ, изъ этой деревни на другой же день, сосланы были въ Камчатку. Ради тайны деревня Котлы была снесена, и вскорѣ соха запахала и самое жилье! Въ наше время этого дѣлать почти невозможно; но не надо забывать, что это было во время слова и дѣла и ужасной пытки; а между тѣмъ сосѣдъ этой деревни Котлы, Карлъ Тизенгаузенъ, тогда еще бывшій юношей, передалъ объ этомъ про-

изшествіи сыну своему, сосланному въ Сибирь по 14 Декабря Василію Карловичу Тизенгаузену.

Екатерина въ своихъ запискахъ намекаетъ, что она родила Павла отъ Салтыкова. Это очень легко можетъ быть; но въ тоже время, этого ребенка, она говоритъ, родила въ ужасныхъ мукахъ, и что она не сомнѣвалась его выкинуть. Въ это же самое время, она находилась подъ вліяніемъ сильной ипохондріи, готовая плакать всякую минуту и по всякому случаю, не могши, какъ она сама говоритъ, выгнать изъ головы мысль, что все клонилось къ удаленію Сергѣя Салтыкова, котораго она уже такъ нѣжно любила. Муки ея продолжались 22 часа, и сама императрица Елисавета находившаяся при родахъ, тотчасъ велѣла взять ребенка и нести его за собою. Кто можетъ ручаться, что спеленанной младенецъ, уже нарѣченный духовникомъ императрицы Павломъ, былъ не мертвой ребенокъ, и особенно въ спальнѣ великой княгини, занавѣшенной занавѣсками? Екатерина весь этотъ эпизодъ разсказываетъ, чтобъ ей непремѣнно повѣрили, что она родила живаго ребенка, объ крикѣ котораго она совершенно умолчала, а крикъ то и составляетъ радость матери, и что значитъ поведеніе съ Екатериною послѣ родовъ? Мучившись столько времени, всѣ ее тотчасъ оставили. Приставленная къ ней камеръ-фрау Владиславова, видя ее вспотѣвшую не смѣла ей перемѣнить бѣлья; Екатерина просила пить, ей не давали, просила переложить съ родильной постели на ея постель, тоже не смѣли сдѣлать; нѣсколько разъ приказывала

позвать повивальную бабушку, и та къ ней не являлась. Наконецъ послѣ трехъ часовъ явилась графиня Шувалова, вся разряженная, вскрикнувъ, что въ такомъ положеніи какъ оставлена великая княгиня можно умереть, и что только по уходѣ графини Шуваловой, черезъ полчаса явилась бабушка, извинявшаяся, что императрица была очень занята ребенкомъ и не отпускала ея отъ себя ни на минуту. Екатерина продолжаетъ въ своихъ запискахъ, что заливалась слезами съ той самой минуты, какъ родила. Ее особенно огорчало то, что ее совершенно бросили. Послѣ тяжелыхъ и болѣзненныхъ усилій, она оставалась рѣшительно безъ призора, между дверьми и окнами плохо въ спальнѣ затворявшимися и въ какое время — 20 Сентября? Постель ея была въ двухъ шагахъ и не имѣя силъ перейти, никто не смѣлъ перенести ее. Объ ней вовсе не думали, она умираетъ отъ жажды, проситъ пить, и никто не слышитъ ее, и какъ сама пишетъ, что въ этотъ день какъ она родила по уходѣ императрицы, великаго князя, графа и графини Шуваловыхъ, она никого больше не видала, и никто не присылалъ навѣдываться о ея здоровьи, даже и во второй день, когда почувствовала нестерпимый ревматизмъ въ ногѣ и сильную лихорадку, никто не приходилъ къ ней, и никто не присылалъ спросить, что было съ нею.

Что же все это доказываетъ, что при искуственномъ возпроизведеніи наслѣдника русскому престолу, Екатеринѣ не удалось родить живаго мальчика отъ Салтыкова; и какъ видно, что должны были подмѣ-

нить изъ Чухонской деревни Котловъ, за что пустая и злая императрица Елисавета, открывшая свою досаду, обнаружила ее тѣмъ, что послѣ родовъ Екатерина, оставленная безъ всякаго призора, могла бы умереть, еслибъ не крѣпкій организмъ Екатерины все вынесшій, какъ мы видѣли изъ самаго описанія ея. Итакъ не только Павелъ произошелъ не отъ Голштинской династіи, но даже и не отъ Салтыкова. Къ Екатеринѣ только чрезъ 40 дней, когда ей должно было брать очистительную молитву, пришла Елисавета и застала ее истощенную, истомленную и слабую. Елисавета даже позволила ей сидѣть на кровати. Съ 20 Сентября Екатеринѣ позволено было видѣть своего сына въ третій разъ. Это можетъ служить доказательствомъ, что прочимъ было не позволено совсѣмъ видѣть. Надобно было прятать его какъ Чухонца.

Изъ семейства, изъ котораго взяли будущаго наслѣдника Русскаго престола, въ сѣверо-восточной Сибири въ послѣдствіи явился братъ Павла I, по имени Афанасій Петровичъ въ 1823 или 1824 годахъ, въ народѣ прозванный Павломъ, по разительному съ нимъ сходству. Онъ велъ подъ старость бродяжническую жизнь, и въ городѣ Красноярскѣ одинъ мѣщанинъ Старцовъ былъ очень съ нимъ друженъ, и Афанасій Петровичъ крестилъ у него дѣтей. Какъ то разъ Старцовъ написалъ безъименное письмо къ покойному цесаревичу Константину Павловичу, гдѣ увѣдомляетъ объ его родномъ дядѣ бродягѣ Афанасьѣ Петровичѣ, его скитальческой жизни, о необыкно-

венномъ сходствѣ съ покойнымъ императоромъ Павломъ I, и наконецъ всю исторію ссылки ихъ семейства. Цесаревичь Константинъ передалъ письмо императору Александру, а тотъ графу Аракчееву, который тотъ-часъ же посылаетъ императорское повелѣніе въ Сибирь къ генералъ - губернатору Капцевичу наистрожайшее приказаніе непремѣнно отъискать по этому письму какъ писавшаго, такъ и Афанасія Петровича. Капцевичь вытребовалъ изъ Тобольска расторопнаго полицмейстера Александра Гавриловича Алексѣевскаго, который беретъ съ собою квартальнаго изъ казаковъ г. Посѣжерскаго и еще двухъ простыхъ казаковъ, и отправляется отъискивать по восточной Сибири, въ которой народъ не очень охотно пособляетъ отъискивать кого либо скоро, а особливо политическихъ несчастныхъ ..

Бѣдный полицмейстеръ Алексѣевскій не спитъ ночи. Всѣ его мысли сосредоточены, какъ бы отъискать и получить награду, ѣздитъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, изъ деревни въ деревню— и все безъ успѣха. Тоска овладѣла имъ, началъ видимо худѣть, наконецъ доѣхавши до Иркутска, гдѣ совершенно потерялъ слѣдъ Афанасія Петровича обратился назадъ, и остановился въ городѣ Красноярскѣ, гдѣ ночевавши, въ одну изъ безсонныхъ ночей, въ зимнюю долгую ночь, очень рано вставъ видитъ, что хозяйка дома затопила печь, проситъ ее поставить самоваръ и вступаетъ съ нею въ разговоръ, и между разговоромъ спрашиваетъ, нѣтъ-ли у ней кого въ городѣ знакомаго, хорошо и четко пишу-

щаго. Ему надобно писаря въ коммиссію по заготовленію провіанта. Въ это самое время Гатчинскій генералъ-губернаторъ Капцевичъ, въ видахъ экономіи, вздумалъ продовольствовать войска въ Сибири чрезъ исправниковъ и своихъ адъютантовъ, закупавшихъ хлѣбъ изъ первыхъ рукъ у самыхъ жителей, что давало случай имъ безнаказанно дѣлать всякія злоупотребленія, покупавши по баснословно-дешевой цѣнѣ, почти даромъ! Это довело крестьянъ въ Сибири до того, что имъ нечѣмъ было платить государственныя подати. У крестьянина на подати продавали послѣднюю корову. Ропотъ былъ страшный. По многимъ мѣстамъ было волненіе. Капцевича какъ неспособнаго человѣка смѣнили, при самомъ восшествіи на престолъ Николая! Полицмейстеръ Алексѣевскій могъ отвести всякое подозрѣніе тѣмъ, что отыскивалъ себѣ писаря въ коммиссію по заготовленію провіанта, за которымъ безпрестанно ѣздили исправники и адъютанты Капцевича. Хозяйка Алексѣевскаго отвѣчаетъ: какъ же батюшка, у насъ здѣсь въ городѣ есть мѣщанинъ, который очень хорошо пишетъ; наврядъ ли онъ пойдетъ. У него есть свой домъ. — Матушка пошли за нимъ! А у самаго полицмейстера тутъ же родилось какое-то радостное предчувствіе, что можетъ быть этотъ и есть мѣщанинъ, писавшій письмо. Приходитъ мѣщанинъ, крестится иконѣ, кланяется полицмейстеру Алексѣевскому, спрашиваетъ его, что батюшка вамъ угодно?—Мнѣ, братецъ, необходимъ писарь въ коммиссію, къ заготовленію провіанта, не хотите-ли

ко мнѣ въ писаря! — Куда мнѣ батюшка, не могу, не въ состояніи. Не съ кѣмъ покинуть домъ. — Но пожалуйста покажите, какъ вы пишете?—Мѣщанинъ взялъ бумагу и началъ писать. Полицмейстеръ Алексѣевскій хвалитъ письмо и скрываетъ радость, что видитъ сходство руки съ письмомъ у него имѣющимся. Проситъ продолжать писать, продолжая спрашивать, вы всегда однимъ этимъ почеркомъ пишете. — Всегда-съ.—А это, вынимая письмо изъ боковаго кармана, это вашею рукою писано? — Мѣщанинъ поблѣднѣлъ и упалъ на колѣни. Не погубите, ваше высокоблагородіе!—Какъ ваша фамилія?—Старцовъ. —Я тебя теперь не отпущу. Пошли домой за шубой, дорожной шапкой, за теплыми сапогами. Мы вмѣстѣ поѣдемъ отъискивать Афанасія Петровича.—Да былъ онъ у меня съ двѣ недѣли тому назадъ.—Поѣхали искать Афанасія Петровича по слѣдамъ и Богъ знаетъ сколько времени проискали бы, потому что жители не охотно отвѣчали на распросы. Наконецъ, въ одной большой деревнѣ, измученный полицмейстеръ Алексѣевскій, со своими людьми и мѣщаниномъ Старцовымъ, пріѣхалъ къ одной хорошо выстроенной большой избѣ переночевать, и Старцовъ полѣзъ грѣться на полати, какъ вдругъ входитъ самъ Афанасій Петровичъ, которому съ полатей кричитъ мѣщанинъ Старцовъ: здравствуй Афанасій Петровичъ, старый мой знакомецъ! при неописанной радости Тобольскаго полицмейстера Алексѣевскаго, который сначала отъ душевнаго волненія не могъ слова проговорить. Опамятавшись отъ радости, тот-

часъ обращается къ Афанасію Петровичу и спрашиваетъ его утвердительно, что точно ли его зовутъ Афанасіемъ Петровичемъ. Впрочемъ по разительному сходству съ императоромъ Павломъ I, не позволилъ себѣ полицмейстеръ и минуты сомнѣваться.—Точно батюшка меня зовутъ Афанасьемъ Петровичемъ, и вотъ мой хорошій пріятель мѣщанинъ Старцовъ.—Ну, такъ я васъ арестую и повезу въ Петербургъ.—Что нужды батюшка, вези къ нимъ. Я имъ дядя, только къ Костѣ, а не къ Сашѣ.—Полицмейстеръ Алексѣевскій въ туже минуту понесся въ Петербургъ. Выѣзжая изъ Томска, полицмейстеръ Алексѣевскій встрѣтилъ фельдъегеря Сигизмунда, ѣхавшаго изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію узнать объ успѣхѣ разъискиванія. Чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, когда Алексѣевскій разсказывалъ о Старцовѣ и объ Афанасіѣ Петровичѣ одному изъ Декабристовъ фонъ-Бригену, нечаянно вошелъ къ нему самъ фельдъегерь Сигизмундъ, привезшій въ Тобольскъ какого-то поляка, и подтвердившій все разсказываемое Алексѣевскимъ и между прочимъ, оба разомъ вспомнили, что они въ Петербургъ неслись какъ птицы.

Наконецъ полицмейстеръ Алексѣевскій прискакалъ въ Петербургъ къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, который съ важной претензіей на званіе государственнаго человѣка, съ гнусливымъ выговоромъ, проговорилъ входящему полицмейстеру Алексѣевскому: спасибо братецъ, спасибо и тотчасъ же поѣзжай въ Ямскую, тамъ тебѣ назначена квар-

тира изъ которой не смѣй отлучаться до моего востребованія, и чтобъ тебя никто не видѣлъ и не слышалъ—смотри ни гугу.

Полторы сутки прождалъ зовъ Аракчеева Алексѣевскій, какъ вдругъ прискакиваетъ за нимъ фельдъегерь. Аракчеевъ вынесъ ему Анну на шею, объявилъ слѣдующій чинъ и отъ императрицы Маріи Феодоровны передалъ 5,000 рублей ассигнаціями. Сей часъ выѣзжай изъ Петербурга въ Тобольскъ. Повторяю, смотри ни гугу.

Мѣщанинъ Старцовъ и Афанасій Петровичъ, какъ водится были посажены въ Петропавловскую крѣпость. Помнятъ многіе и особенно членъ государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Сергѣевичъ Ланской, разсказывавшій своему племяннику Декабристу, князю Александру Ивановичу Одоевскому, что по ночамъ къ императору Александру въ это время изъ крѣпости привозили какого-то старика и потомъ опять отвозили въ крѣпость.

Мѣщанинъ Старцовъ просидѣвшій семь мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости, возвращался черезъ Тобольскъ въ свой городъ Красноярскъ худой, блѣдный, изнеможенный. Онъ видѣлся въ Тобольскѣ съ полицмейстеромъ Александромъ Гавриловичемъ Алексѣевскимъ; но ничего не говорилъ, что съ нимъ было въ крѣпости, въ которой конечно въ назиданіе и въ предостереженіе на будущій разъ, не писать подобныхъ писемъ къ августѣйшимъ особамъ навели на него такой страхъ, отъ котораго онъ опомниться

не могъ, не смѣя разкрыть рта; а Алексѣевскому какъ онъ самъ признавался, очень хотѣлось знать всѣ подробности его пребыванія въ крѣпости.

Состарѣвшійся придворный Свистуновъ зналъ объ рожденіи Павла I, и за это Павломъ былъ ласкаемъ и одаренъ большимъ имѣніемъ; но за какую-то свою нескромность объ этомъ, пересказанную Павлу, приказано Свистунову Павломъ жить въ своихъ деревняхъ и не смѣть оттуда выѣзжать.

Вотъ почему императоръ Павелъ I былъ злой, онъ былъ чухонецъ, а извѣстно эта раса весьма зла! Вотъ почему онъ придирался ко всему тому въ чемъ сколько нибудь его личное, мелкое самолюбіе могло быть чѣмъ нибудь затронуто, онъ приходилъ въ бѣшенство, онъ думалъ притомъ, что всѣ знаютъ его чухонское рожденіе; а между тѣмъ рожденіе его не могло быть совсѣмъ скрыто отъ приближенныхъ Екатерины II; почему теперь и объясняется, дѣланное великому князю Павлу Петровичу неуваженіе Потемкинымъ-Таврическимъ, который въ зимнемъ дворцѣ, при проходѣ его въ амбразурѣ окна, положа ноги напротивъ стоящее кресло, не только не вставалъ, но и не отнималъ ихъ, что необыкновенно всегда бѣсило Павла Петровича.

Мелкая душа Павла I и кропотливое самолюбіе его, безъ истиннаго чувства собственнаго достоинства дѣлали его извергомъ. При проѣздѣ въ Москву на коронацію, остановившись на ночлегъ въ какой-то деревнѣ, позвавъ къ себѣ этой деревни стараго раскольника, вошедшаго къ нему въ шапкѣ, при-

казалъ его за это заковать въ желѣзы и сослать въ Сибирь въ каторжную работу, а деревню сжечь!!! — За написаніе стиха на Исакіевскій Соборъ что

Сей храмъ двумъ царствіямъ приличный
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный—

Павелъ приказалъ отрѣзать языкъ; а впослѣдствіи времени оказался что не тотъ написалъ стихи, кому отрѣзали языкъ!!!.....

Найдено графомъ Ростопчинымъ въ своей подмосковской деревнѣ, письмо Павла къ его отцу, извѣстному въ 1812 году Еространу Москвы, въ которомъ Павелъ пишетъ, что не признаетъ дѣтей своими. Нѣкоторыхъ правда могъ, но не всѣхъ!

Этимъ открытіемъ рожденія Павла отъ чухонца, также еще объясняется глубокая меланхолія, въ которою впалъ въ послѣдніи два года своей жизни покойный императоръ Александръ. Можно себѣ представить какъ тягостно должно было быть для него то чувство, что онъ разъигрываетъ роль обманщика предъ цѣлой Россіей, а къ тому же опасеніе, что это очень легко можетъ открыться, потому что ничего нѣтъ тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ.....

Въ 1846 году кто-то слушая исторію Афанасья Петровича назвалъ императора Николая Карломъ Ивановичемъ. Да къ тому же въ этотъ годъ въ Гатчинѣ самъ Николай игралъ на театрѣ роль булочника Карла Ивановича. И вотъ Карлъ Ивановичь, Карлъ Ивановичь — разнеслось по Россіи.

Даже распустили слухъ, что бабка Николая живетъ въ Петербургѣ въ Галерной улицѣ. Николай бѣсился и велѣлъ отыскать назвавшаго его Карломъ Ивановичемъ. Николай хорошо зналъ на что намекали.

ВЫСОЧАЙШЕ КОНФИРМОВАННЫЙ 19 ДЕКАБРЯ 1849

ДОКЛАДЪ ГЕНЕРАЛЪ-АУДИТОРІАТА

О

ТИТ. СОВ. БУТАШЕВИЧЪ-ПЕТРАШЕВСКОМЪ

И

ДРУГИХЪ ЛИЦАХЪ.

По высочайшему е. и. в. повелѣнію служащій въ департаментѣ внутреннихъ сношеній минист. иностр. дѣлъ тит. сов. Буташевичъ-Петрашевскій и съ нимъ еще 22 человѣка преданы были военному суду, по *полевому уголовному уложенію*, за преступные замыслы противъ правительства. По суду оказалось :

Преступные замыслы подсудимыхъ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства возникли *отъ либеральнаго направленія ума и отъ усвоенныхъ ими вредныхъ соціальныхъ идей западной Европы.*

Первый примѣръ къ такимъ замысламъ подалъ Буташевичъ-Петрашевскій, который *съ юношества* былъ проникнутъ либеральными понятіями, укоренившимися въ немъ еще болѣе по окончаніи въ 1841 году университетскаго курса. Онъ возъимѣлъ преступный замыселъ на ниспроверженіе государственнаго устройства. Для этого онъ пытался поселять *зловредныя начала либерализма* въ молодомъ поко-

лѣніи, посредствомъ учителей, самъ развращалъ юные умы зловредными книгами и бесѣдами, а съ 1845 года, дѣйствуя уже въ духѣ пропаганды, собиралъ у себя въ извѣстные дни знакомыхъ ему учителей, литераторовъ, студентовъ и вообще лицъ разныхъ сословій, и постоянно возбуждалъ и направлялъ происходившія на сихъ собраніяхъ сужденія, клонившіяся къ попранію религіознаго убѣжденія, къ осужденію существующаго въ Россіи государственнаго управленія, къ порицанію правительства и даже священной особы е. и. в. Такимъ образомъ онъ *доводилъ* посѣтителей своихъ *до того*, что они получали на многое новые взгляды и убѣжденія и оставляли собранія его болѣе или менѣе потрясенными въ прежнихъ своихъ вѣрованіяхъ и наклонными къ *преступному направленію.* Не довольствуясь этимъ, Петрашевскій, въ концѣ 1848 года, для скорѣйшаго достиженія переворота, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лицъ, посѣщавшихъ его, дѣлалъ попытки образовать тайное общество, независимое отъ своихъ собраній, и въ этихъ видахъ имѣлъ совѣщаніе съ помѣщикомъ Спѣшневымъ и отставнымъ подпоручикомъ Черносвитовымъ, о возможности возстанія въ восточной Сибири и на Уралѣ, а вслѣдъ затѣмъ участвовалъ въ такихъ же совѣщаніяхъ съ поручикомъ Момбелли и съ другими тремя подсудимыми объ учрежденіи тайнаго общества подъ названіемъ товарищества или братства, съ цѣлью преобразованія гражданскаго быта въ Россіи ; однакожъ общество это, по разногласію совѣщавшихся, не состоялось.

По примѣру Петрашевскаго, въ концѣ того же 1848 и въ началѣ 1849 года учредились подобныя собранія у литератора отставнаго кол. ас. Дурова и у служащаго въ Азіятскомъ департаментѣ мин. иностр. дѣлъ тит. сов. Кашкина.

У Дурова читаны были рукописныя сочиненія *въ либеральномъ духѣ* и сверхъ того предполагалось писать статьи противъ правительства, а для распространенія ихъ завести тайную литографію, что̀ однакожъ оставлено безъ исполненія.

Собранія у Кашкина, состоявшія изъ круга немногочисленнаго, имѣли цѣлью изученіе системъ соціальныхъ и коммунистскихъ, и по преимуществу системы Фурье, въ видахъ примѣненія ея къ Россіи.

Свойство сихъ системъ, *какъ видно изъ рѣчей и рукописныхъ сочиненій обвиняемыхъ*, клонилось къ ниспроверженію религіозныхъ и политическихъ убѣжденій въ народѣ, къ уничтоженію семейственныхъ отношеній, права собственности, къ произведенію труда и промышленности общественнымъ способомъ, чрезъ соединеніе *помѣщиковъ и крестьянъ* въ одну общину—*слѣдственно вели къ тому же разрушенію настоящаго порядка.*

Независимо отъ означенныхъ собраній и лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, представлялось еще сомнѣніе на мѣщанина Петра Шапошникова и сына почетнаго гражданина Катенева — въ злоумышленіяхъ противъ правительства и въ намѣреніи приступить къ бунту— но это по изслѣдованію не подтвердилось. Обнаружено только, что Шапошниковъ, *питая вредный*

образъ мыслей и будучи подстрекаемъ посѣщавшими его — бывшимъ студентомъ Толстовымъ и Катеневымъ, велъ съ ними, *у себя въ квартирѣ*, преступные разговоры, о религіи и правительствѣ и разсуждалъ о возможности ввести въ Россіи республику.

Впрочемъ всѣ означенныя собранія, отличавшіяся вообще *духомъ противнымъ правительству*, и стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка, не обнаруживаютъ единства дѣйствій; къ разряду организованныхъ тайныхъ обществъ они тоже не принадлежали, и чтобы имѣли сношенія въ Россіи не доказывается никакими положительными данными. За всѣмъ тѣмъ преступныя начинанія подсудимыхъ, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, *могли бы* имѣть вредныя послѣдствія для спокойствія государства, еслибъ оныя не были *своевременно* предупреждены принятыми со стороны правительства мѣрами,—тѣмъ болѣе, что *превратныя мысли распространялись* между многими лицами.

Всѣ тѣ лица, кои были въ соприкосновеніи къ сему дѣлу и оказались вовлеченными въ преступные замыслы, или случайно, или чрезъ посредство другихъ, какъ маловиновные, по высочайшему е. и. в. милосердію, освобождены уже отъ преслѣдованія законовъ. Затѣмъ, по свойству виновности признаны подлежащими окончательному судебному разбору 23 человѣка.

Изъ числа сихъ подсудимыхъ главнѣйшими виновниками по сему дѣлу признаны: т. с. Буташевичъ-Петрашевскій, помѣщикъ неслужащій дворянинъ

Николай Спешневъ и поручикъ Николай Момбелли. Изъ прочихъ подсудимыхъ, одни въ большей, другіе въ меньшей степени были соучастниками въ преступныхъ замыслахъ, или произнесенными ими возмутительными рѣчами на собраніяхъ, или собственными ихъ сочиненіями, или наконецъ личнымъ принятіемъ участія въ совѣщаніяхъ о предполагавшемся тайномъ обществѣ.

Обвиненіе каждаго изъ подсудимыхъ основывается на собственныхъ ихъ показаніяхъ, на письменныхъ актахъ, у нихъ найденныхъ, и на другихъ *болѣе или менѣе* положительныхъ доказательствахъ.

Степень виновности ихъ, по обнаруженнымъ личнымъ дѣйствіямъ въ преступныхъ замыслахъ, излагается въ представляемомъ при семъ спискѣ.

Заключеніе. Генералъ-аудиторіатъ находитъ, что хотя степень виновности подсудимыхъ различна, ибо одни изъ нихъ болѣе, другіе менѣе принимали участіе въ злоумышленіи, но какъ всѣ они суждены по полевому угол. уложенію, въ преступленіяхъ же государственныхъ, по точной силѣ нашихъ законовъ, *не постановлено различія между главными виновниками и соучастниками*, то, на основаніи сего уложенія, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: подсудимыхъ т. с. Буташевича-Петрашевекаго, неслужащаго дворянина Спѣшнева, поручиковъ Момбелли и Григорьева, штабсъ-капитана Львова 2, студента Филиппова, кандидата Ахтарумова, студента Ханыкова, колл. асс. Дурова, поруч. Достоевскаго, колл. сов. Дебу 2, учителя Толля, тит. с. Ястржембскаго, неслу-

жащаго дворянина Плещеева, тит. сов. Кашкина и Головинскаго, поруч. Пальма, тит. сов. Тимковскаго, колл. секр. Европеуса и мѣщанина Шапошникова— подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Генералъ-аудиторіатъ, опредѣливъ мѣру наказанія подсудимымъ, на основаніи полевыхъ военныхъ законовъ, не могъ не принять въ уваженіе тѣхъ облегчительныхъ обстоятельствъ, которыя представляются по дѣлу, именно, раскаянія многихъ, добровольное сознаніе въ поступкахъ, кои, безъ ихъ откровенности, могли бы остаться неизвѣстными, юность лѣтъ нѣкоторыхъ и наконецъ то, что преступныя ихъ начинанія не достигли вредныхъ послѣдствій, бывъ своевременно предупреждены мѣрами со стороны правительства.

Посему, повергая участь подсудимыхъ монаршему милосердію е. и. в., генералъ-аудиторіатъ, на основаніи правилъ, въ руководство ему данныхъ, осмѣливается всеподданнѣйше *ходатайствовать объ опредѣленіи имъ*, вмѣсто смертной казни, *наказаній по мѣрѣ вины.*

Мѣра полагаемаго генералъ-аудиторіатомъ наказанія подсудимымъ, вмѣсто смертной казни, излагается въ томъ же спискѣ, въ которомъ объясняется ихъ виновность.

Въ заключеніе, генералъ-аудиторіатъ, раздѣляя мнѣніе слѣдственной коммиссіи, изложенное во всеподданнѣйшемъ докладѣ е. и. в., находитъ, что сколь ни безумны были начинанія и замыслы подсудимыхъ и сколь ни чужды оныя правамъ, понятіямъ и чувствамъ русскаго народа и войска, но что и открытаго уже

совершенно достаточно, дабы обратить на себя самое бдительное вниманіе правительства и принять мѣры для предупрежденія, чтобы и впредь не возникли подобные замыслы.

Существенными мѣрами предупрежденія справедливо могутъ быть признаны :

1) Особенное наблюденіе за общественнымъ обученіемъ, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія.

2) Бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза иностранныхъ сочиненій, *опаснаго* содержанія, способствующаго *превратному* образу мыслей въ умахъ юныхъ и *неопытныхъ*.

3) Самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями.

4) Возможно строгое наблюденіе, со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ, *за движеніемъ общественнаго состава*, нетолько въ его цѣломъ, но и въ частностяхъ, именно за сборищами и собраніями, дабы при настоящемъ *развратѣ умовъ на Западѣ и прилипчивости вредныхъ идей* не могли образоваться у насъ собранія, подобныя открытымъ по настоящему дѣлу.

Всеподданнѣйше подвергая все сіе на высочайшее усмотрѣніе, *генералъ-аудиторіатъ полагалъ* бы, съ своей стороны, сообщить къ непремѣнному исполненію : относительно *особеннаго* наблюденія за общественнымъ обученіемъ—всѣмъ главнымъ начальствамъ учебныхъ заведеній, о строжайшемъ цензур-

номъ надзорѣ—министерству народн. просвѣщенія, и о принятіи мѣръ противъ ввоза запрещенныхъ книгъ и о наблюденіи за сборищами и *собраніями въ частныхъ домахъ*, по принадлежности, министерству финансовъ, мин. внутр. дѣлъ и *шефу жандармовъ*.

ВЫСОЧАЙШАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ:

"Быть по сему, но съ тѣми измѣненіями, которыя означены на выпискѣ."

Извлеченіе изъ доклада генералъ-аудиторіата по военно-судному дѣлу о злоумышленныхъ. Дѣло сіе начато: слѣдствіемъ 29 Апрѣля 1849 г., судомъ 30 Сентября, кончено 16 Ноября, въ Аудиторіатскій департаментъ поступило 18 Ноября. Подсудимые содержатся въ С. Петербургской крѣпости.

РУКОЮ КНЯЗЯ ЧЕРНЫШЕВА:

Исполнить по собственноручнымъ отмѣткамъ государя императора, въ семъ извлеченіи значащимся.

Кто подсудимые.

1) Служащій въ департаментѣ внутр. сношеній мин. иностр. дѣлъ тит. сов. Михаилъ Буташевичъ - Петрашевскій (27 л.).

2) Помѣщикъ Курской губерніи, неслужащій и неимѣющій чина Николай Спѣшневъ (28 л.).

3) Поручикъ лейбъ гвардіи Московскаго полка Николай Момбелли (27 л.).

4) Поручикъ лейбъ-гвардіи конногренадерскаго полка Николай Григорьевъ (27 л.).

5) Штабсъ - капитанъ лейбъ - гвардіи Егерскаго полка Өедоръ Львовъ (25 л.), состоявшій при Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ для исправленія должности репетитора химіи.

6) Студентъ С. Петербургскаго университета Павелъ Филиппо въ (24 л.)

7) Состоящій при Азіятскомъ департаментѣ, въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ кандитатъ С. Петербургскаго университета Дмитрій Аршарумовъ (26 л.)

8) Студентъ С. Петербургскаго университета Александръ Ханыковъ (24 л.).

9) Служащій въ Азіятскомъ департаментѣ мин. иност. дѣлъ коллеж. сов. Константинъ Дебу 1 (38 л.).

10) Служащій въ томъ же департаментѣ колл. секр. Ипполитъ Дебу 2 (25 л.).

11) Служащій въ томъ же департаментѣ тит. сов. Николай Кашкинъ (20 л.).

12) Отставной коллежскій ассесоръ, литераторъ Сергѣй Дуровъ (33 л.).

13) Отставной инженеръ-поручикъ Өедоръ Достоевскій, литераторъ (27 л.).

14) Неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ, литераторъ (23 л.).

15) Состоящій при министерствѣ юстиціи тит. сов. Василій Головинскій (20 л.).

16) Учитель въ главномъ инженерномъ училищѣ, неимѣющій чина Феликсъ Толль (26 л.).

17) Помощникъ инспектора классовъ въ технологическомъ институтѣ тит. сов. Иванъ Ястржебскій (34 л.).

18) Поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Александръ Пальмъ (27 л.).

19) Служащій при мин. внутр. дѣлъ тит. сов. Константинъ Тимковскій (35 л.).

20) Отставной колл. секр. Александръ Европеусъ (22 л.).

21) Мѣщанинъ Петръ Шапошниковъ (28 л.).

22) Сынъ почетнаго гражданина Василій Катеневъ (19 л.)

23) Отставной подпоручикъ Рафаилъ Черносвитовъ (39 л.).*

---

* Въ опубликованномъ приговорѣ возрастъ подсудимыхъ показанъ иначе, однихъ увеличенъ—другихъ уменьшенъ—Момбелли, Ханыкова, Пальма, Тимковскаго. Подчеркнутыя слова или измѣнены, или пропущены (въ пространномъ докладѣ означены литераторами Момбелли и Пальмъ). Повышены въ послѣдовательномъ порядкѣ подсудимыхъ Дуровъ, Достоевскій, Толль, Ястржембскій.

Что по суду оказалось.

Въ концѣ Апрѣля 1849 года, по *предварительному, въ теченіе годичнаго времени*, наблюденію со стороны министерства внутр. дѣлъ,*открыто было подозрѣніе*, что тит. сов. Буташевичъ-Петрашевскій имѣетъ преступные замыслы противъ правительства, что для этой цѣли собирались у него, по пятницамъ, извѣстныя ему лица и что на этихъ собраніяхъ происходили разсужденія о нравственныхъ и политическихъ вопросахъ, клонящіяся къ перемѣнѣ нынѣ существующаго въ Россіи порядка.

Поэтому, какъ Буташевичъ-Петрашевскій, такъ и нѣкоторыя изъ посѣщавшихъ его лицъ, всего 34 человѣка (въ томъ числѣ изъ поименованыхъ подсудимыхъ 17) по высочайшему повелѣнію, 23 Апрѣля были арестованы и отправлены въ С. Петербургскую крѣпость.

Въ то же время были подвергнуты аресту : жившій на Петербургской сторонѣ табачный торговецъ мѣщанинъ Петръ Шапошниковъ и имѣвшіе съ нимъ близкія связи—сынъ почетнаго гражданина Василій Катеневъ, бывшій студентъ Толстовъ и другіе два товарища ихъ, на коихъ, по сдѣланнымъ агентами министерства вн. дѣлъ наблюденіямъ, возникло подозрѣніе въ такихъ же преступныхъ замыслахъ противъ правительства.

Плещеевъ (послѣдній противъ Кашкина). Это же перемѣщеніе сдѣлано и въ резолюціи генералъ-аудиторіата. Случайно ли оно выпало во вредъ литераторамъ и наставникамъ? О Львовѣ смотри конфирмацію.

Для изслѣдованія о семъ, по высочайшему повелѣнію, учреждена была въ С. Петербургской крѣпости секретная слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ коммендапта крѣпости генералъ-адъютанта Набокова; для разбора же бумагъ, у арестованныхъ лицъ опечатанныхъ, составлена особенная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Голицына.

По предварительнымъ разспросамъ слѣдственною коммиссіею взятыхъ лицъ, открыты были новыя лица, участвовавшія въ близкихъ сношеніяхъ съ арестованными, а потому, по представленію коммиссіи, было арестовано еще 9 человѣкъ, въ томъ числѣ изъ подсудимыхъ Тимковскій, Ханыковъ, Европеусъ и Черносвитовъ.

Изъ показаній лицъ, бывшихъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, открыто, что собранія тѣ начались въ концѣ 1845 года и имѣли характеръ политическій.

На собраніяхъ этихъ читали рѣчи о религіи, въ преступномъ смыслѣ, доказывая, что религія вредна, потому что подавляетъ образованіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ не по собственному убѣжденію, а по чувству страха наказанія; отвергали достовѣрность всѣхъ книгъ священнаго писанія и даже самое бытіе Божіе; приводили, что самъ Богъ и спаситель нашъ Іисусъ Христосъ былъ не богочеловѣкъ, а лишь геніальный нововводитель, умѣвшій воспользоваться своимъ положеніемъ; отрицали семейственность и всѣ ея условія, порицали дѣйствія высшихъ сановниковъ и даже священной особы

ваш. вел.; разсматривали разные государственные вопросы въ отношеніи перемѣнъ судопроизводства, освобожденія крестьянъ и свободы книгопечатанія и разсуждали о способахъ вооружать подчиненныхъ противъ начальства.

Въ то же время, именно въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 года, подобныя собранія бывали и у другихъ лицъ, какъ то: у литератора, отставнаго колл. асс. Дурова и тит. сов. Кашкина, у коихъ собирались большею частію лица, бывавшія и на собраніяхъ у Петрашевскаго.

Собранія у литератора Дурова были немногочисленныя и существовали съ первыхъ чиселъ Марта до половины Апрѣля сего года, по одному разу въ недѣлю. Они заведены были сначала съ цѣлью музыкально-литературною, но впослѣдствіи и на нихъ начали читать сочиненія въ либеральномъ духѣ и предположено было заняться общими силами разработываніемъ статей противъ правительства и распространеніемъ ихъ посредствомъ тайной домашней типографіи, что однакожъ не было исполнено.

Собранія у Кашкина начались въ Октябрѣ 1848 г. и продолжались до новаго года (по одному разу въ недѣлю). Потомъ, по случаю пріѣзда къ Кашкину родителей, собранія сіи перешли на нѣкоторое время къ товарищу Кашкина, чиновнику Отто, но съ половины Февраля 1849 года снова перешли къ Кашкину и продолжались до Апрѣля сего года.

Цѣль сихъ собраній состояла въ изученіи системъ соціальныхъ и комунистскихъ, преимущественно

системы Фурье, и въ примѣненіи ихъ къ быту Россіи, какъ это обнаружилось изъ бумагъ, опечатанныхъ у нѣкоторыхъ лицъ, посѣщавшихъ Кашкина.

Между лицами, собиравшимися у Кашкина, сдѣлано было соглашеніе составить, на общихъ издержкахъ, библіотеку изъ соціальныхъ и либеральныхъ книгъ, которыя и выписывались чрезъ посредство Буташевича-Петрашевскаго. Увлеченіе ихъ системою Фурье *дошло до того*, что положено было сдѣлать, на общія деньги обѣдъ въ честь Фурье, который и былъ данъ въ день его рожденія, именно 7 Апрѣля, причемъ нѣкоторыми произнесены были преступныя рѣчи противъ существующаго порядка и положено было, для распространенія ученія Фурье, перевести главныя сочиненія его на русскій языкъ.

Чтобы всѣ сіи собранія имѣли единство дѣйствій, или взаимное между собою согласіе, и принадлежали къ организованнымъ тайнымъ обществамъ, по дѣлу не открыто, хотя видно, что нѣкоторые изъ посѣтителей бывали попеременно на всѣхъ трехъ собраніяхъ; равно не обнаруживается, чтобы лица тѣ имѣли съ кѣмъ либо преступныя сношенія внутри Россіи.

Между тѣмъ въ концѣ 1848 года, Буташевичъ-Петрашевскій пытался уже образовать тайныя общества, отдѣльно отъ своихъ собраній, и въ этихъ видахъ, изъ числа лицъ, оказавшихъ болѣе свободомыслія, старался сблизить Спѣшнева съ Черносвистовымъ и имѣлъ съ ними разговоры о возможности возстанія въ Сибири. Потомъ сводилъ Спѣшнева съ

Момбелли и участвовалъ съ ними и другими двумя подсудимыми, Львовымъ и Дебу 1, въ совѣщаніяхъ объ учрежденіи тайнаго общества подъ названіемъ, какъ сами они выражались, товарищества или братства взаимной помощи, изъ прогрессистовъ и людей передовыхъ мнѣній, которые бы могли двинуть гражданскій бытъ впередъ, на новыхъ началахъ, посредствомъ возвышенія другъ друга, причемъ Спѣшневъ читалъ планъ на возстаніе, а Львовъ опредѣлялъ формы общества; однакожъ это общество, по разномыслію членовъ, не состоялось.

Сверхъ того, изъ найденнаго въ бумагахъ Спѣшнева проэкта обязательной подписки открывалось подозрѣніе о дѣйствительномъ существованіи тайнаго общества, подъ названіемъ Русскаго. Въ проэктѣ этомъ заключается обязательствомъ, для вступленія въ русское тайное общество, участвовать въ бунтѣ вооруженною рукою, по требованію распорядительнаго комитета, и афильировать въ общество новыхъ членовъ. Но чтобы дѣйствительно существовало такое общество, не открыто. Самъ Спѣшневъ отозвался, что подписка та была имъ написана, въ видѣ проэкта, за нѣсколько лѣтъ назадъ, во время нахожденія его за границею, когда онъ занимался изученіемъ исторіи тайныхъ обществъ. У другихъ обвиняемыхъ, не смотря на внезапное арестованіе ихъ бумагъ, подобной копіи не найдено, и ни одинъ, ни собственнымъ сознаніемъ, ни опечатанными бумагами, не уличенъ, чтобы зналъ о существованіи этого обязательства.

Что касается выведеннаго, по наблюденію агентовъ, *подозрѣнія* на Петра Шапошникова и лицъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, *о преступныхъ ихъ замыслахъ противъ правительства*, то, при самомъ внимательномъ изслѣдованіи коммиссіи, не подтвердилось, чтобы они дѣлали какія либо покушенія къ злоумышленію. Обнаружено только, что Шапошниковъ, имѣя вредный образъ мыслей и будучи подстрекаемъ посѣщавшими его Толстовымъ и Катеневымъ —людьми развратнаго поведенія,—имѣлъ съ ними у себя въ квартирѣ преступные разговоры о религіи и правительствѣ, причемъ одинъ разъ Катеневъ сдѣлалъ, въ пьяномъ видѣ, вызовъ на цареубійство.

Кромѣ подсудимыхъ были въ соприкосновенности къ сему дѣлу многія лица ; но какъ по изслѣдованію оказалось, что они или не принимали прямаго участія въ преступныхъ замыслахъ, или вовлечены были къ тому случайно, чрезъ посредство другихъ, то всѣ они, какъ мало виновные, по высочайшему милосердію, освобождены уже отъ преслѣдованія законовъ, съ учрежденіемъ за ними секретнаго надзора.

Затѣмъ, по свойству виновности, признаны подлежащими окончательному судебному разбору вышепоименованные 23 человѣка.

Дѣйствія каждаго изъ подсудимыхъ заключаются въ слѣдующемъ :

1) Буташевичъ-Петрашевскій еще въ 1839 году, бывши воспитанникомъ въ Александровскомъ лицеѣ,*

* По разсчету, ему не было тогда и 15 лѣтъ.

былъ замѣченъ въ либеральномъ образѣ мыслей; по выходѣ же оттуда и по окончаніи въ 1841 году курса въ университетѣ, либеральное направленіе въ немъ еще болѣе укоренилось отъ изученія соціальныхъ системъ, въ особенности Фурье. *Избравъ* изученіе этихъ системъ какъ *средство* къ достиженію преступнаго замысла на ниспроверженіе настоящаго государственнаго устройства, онъ употреблялъ разныя средства къ осуществленію своего предположенія: раздавалъ знакомымъ, для чтенія, запрещенныя книги и періодическія изданія, которыя выписывалъ тайно изъ за границы, старался поселять несогласныя съ духомъ правительства мысли въ юношествѣ, посредствомъ знакомыхъ ему учителей, и съ этою же цѣлью самъ, въ 1844 году, просилъ объ опредѣленіи его наставникомъ въ лицей, а когда ему въ томъ было отказано, покушался поселять зловредныя идеи въ нѣкоторыхъ воспитанникахъ лицея, посѣщавшихъ его по праздничнымъ днямъ. Трехъ изъ нихъ, имѣвшихъ отъ 14 до 16 лѣтъ, онъ въ самое короткое время *успѣлъ довести до того*, что въ нихъ обнаружилось *скептическое* направленіе мыслей относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка.

Послѣ того, именно въ 1845 году, онъ, для достиженія своей *цѣли*, замыслилъ уже дѣйствовать посредствомъ пропаганды своихъ убѣжденій и въ этихъ видахъ, имѣя большой кругъ знакомства, началъ собирать у себя по пятницамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ, преимущественно изъ воспитателей,

литераторовъ и студентовъ, кончившихъ или окачивавшихъ курсъ и вообще лицъ разныхъ сословій, въ коихъ обнаруживался одинаковый съ его образъ мыслей. Самъ Буташевичъ-Петрашевскій преимущественно возбуждалъ вопросы о перемѣнѣ судопроизводсвва и объ освобожденіи крестьянъ, но и въ разговорахъ по прочимъ предметамъ принималъ дѣятельное участіе, высказывая предположенія свои къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка, въ смыслѣ системъ соціальныхъ и коммунистскихъ.

Въ концѣ 1848 года Петрашевскій возъимѣлъ замыселъ къ скорѣйшему достиженію переворота уже не посредствомъ пропаганды, а дѣйствіями насильственными и пытался образовать тайныя общества. Замѣтивъ, что пріѣзжій изъ Сибири Черносвитовъ обнаруживаетъ *свободомысліе*, онъ старался сблизить его со Спѣшневымъ и имѣлъ съ ними сужденіе о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ. Потомъ, узнавъ отъ Момбелли о предположеніи составить тайное общество, Петрашевскій свелъ его со Спѣшневымъ, пригласилъ къ участію въ обществѣ Дебу 1 и имѣлъ съ ними и Львовымъ неоднократныя совѣщанія о способахъ къ образованію общества, причемъ доказывалъ его необходимость на тотъ конецъ, чтобы, когда придетъ время, были люди готовые. Спѣшневъ же читалъ планъ, предлагая, въ числѣ другихъ средствъ, возстаніе. Когда же общество, по разногласію совѣщавшихся, не состоялось, то Петрашевскій вновь старался возобновить совѣщанія и сходился съ другими въ квартирѣ Львова, что однако также осталось безъ

послѣдствій. Вообще Петрашевскій, въ дѣйствіяхъ своихъ въ послѣднее время, показывалъ явную наклонность къ произведенію реформы, а 7 Апрѣля, на обѣдѣ въ честь Фурье, произнесъ рѣчь въ духѣ соціальномъ, называя себя старѣйшимъ пропагаторомъ въ Россіи, усиливался доказать, что настоящее устройство общественнаго быта не соотвѣтствуетъ естественнымъ потребностямъ и должно быть преобразовано; въ заключеніе же рѣчи сказалъ такъ: мы осудили на смерть настоящій бытъ общества; надо же приговоръ намъ исполнить.

При слѣдствіи Петрашевскій не только не изъявлялъ раскаянія въ поступкахъ, но объявилъ, что стремясь къ достиженію полной совершенной реформы быта общественнаго въ Россіи, желалъ стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ. Притомъ онъ дѣлалъ многіе дерзкіе и неумѣстные отзывы, покушенія тайнымъ образомъ склонить къ запирательству прочихъ подсудимыхъ и, усиливаясь доказать мнимую благонамѣренность соціальныхъ системъ, въ особенности Фурье, сравнивалъ участь свою и единомышленниковъ съ участью первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Вообще Петрашевскій, по замѣчанію слѣдственной коммиссіи, во все время содержанія въ крѣпости, одинъ изъ всѣхъ арестантовъ велъ себя предосудительно, являлся дерзкимъ и наглымъ, притворялся сумасшедшимъ и старался наговаривать на другихъ, чтобы облегчить свое обвиненіе.

Всѣ вышеизложенныя преступныя дѣйствія Петра-

шевскаго, кромѣ показаній многихъ лицъ, доказываются найденными у него бумагами, изъ коихъ обнаруживается явное стремленіе его къ перемѣнѣ существующаго въ Россіи порядка, и отсутствіе въ немъ религіознаго чувства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательно одно сочиненіе, въ которомъ онъ дерзнулъ назвать Іисуса Христа демагогомъ, нѣсколько неудачно кончившимъ свою карьеру.

Сверхъ того, Петрашевскій, при разспросахъ въ слѣдственной коммиссіи о связяхъ съ подсудимымъ Черносвитовымъ, самъ показалъ, что Черносвитовъ въ концѣ 1848 года неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, и хотя Петрашевскій не говоритъ, чтобы онъ раздѣлялъ это безумное предложеніе, но объ этомъ начальству въ то время не доносилъ. Черносвитовъ же въ этомъ не сознался.

2. *Спѣшневъ*, во время четырехлѣтняго пребыванія за границею (съ 1842 по 1846 годъ), будучи проникнутъ духомъ либерализма, возъимѣлъ, по собственному сознанію, замыселъ составить тайное общество въ Россіи, съ цѣлью произвести реформою уравненіе всѣхъ сословій. По возвращеніи въ 1846 году въ Петербургъ онъ, начавъ посѣщать собранія Петрашевскаго, принималъ участіе въ преступныхъ разговорахъ, а на одномъ собраніи читалъ рѣчь о религіи, въ которой, отвергая бытіе Бога, изъявлялъ желаніе распространять соціализмъ, атеизмъ, терроризмъ. Въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 годовъ, Спѣшневъ, бывая на собраніяхъ Дурова, Кашкина

и Плещеева, также обнаруживалъ преступныя предположенія: именно, у Плещеева, вызвался печатать за границей запрещенныя книги, что однако не было принято; у Дурова Спѣшневъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ завести тайную литографію, для распространенія сочиненій противъ правительства; когда же предположеніе это не состоялось, то Спѣшневъ вознамѣрился устроить у себя типографію, съ тѣмъ, чтобы дѣйствуя независимо и въ тайнѣ отъ другихъ, производить печатаніе по своему произволу, и для этого, за день до арестованія, пріобрѣлъ уже нѣкоторыя типографскія принадлежности. Познакомившись у Петрашевскаго съ Черносвитовымъ, имѣлъ съ нимъ преступные разговоры о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ, а вслѣдъ за тѣмъ участвовалъ, по предложенію Момбелли, вмѣстѣ съ нимъ, Петрашевскимъ, Львовымъ и Дебу 1, въ злоумышленныхъ совѣщаніяхъ объ учрежденіи тайнаго общества, съ комитетомъ изъ учредителей. При совѣщаніи Спѣшневъ читалъ написанный имъ планъ о различныхъ внѣправительственныхъ путяхъ дѣйствія (іезуитскомъ, пропагандномъ и чрезъ возстаніе) и, признавая за лучшее соединить всѣ эти пути дѣйствія, предложилъ планъ тайнаго общества на возстаніе.

Кромѣ того, Спѣшневъ участвовалъ въ обѣдѣ, данномъ 7 Апрѣля 1849 года въ честь Фурье, въ день его рожденія, при чемъ были произнесены въ высшей степени преступныя рѣчи и положено было, для лучшаго распространенія ученія Фурье,

перевести его на русскій языкъ. На обѣдѣ у Спѣшнева читана была Григорьевымъ статья "*Солдатская бесѣда*", которая потомъ хранилась у Спѣшнева.

При разсмотрѣніи опечатанныхъ у Спѣшнева бумагъ найденъ написанный имъ и неоконченный проэктъ подписки для вступающаго въ Русское тайное общество, съ обязательствомъ принимать другихъ въ члены общества и съ изъявленіемъ готовности участвовать въ бунтѣ вооруженною рукою, по требованію распорядительнаго комитета.

Въ отношеніи этой подписки Спѣшневъ показалъ, что она была имъ составлена нѣсколько лѣтъ назадъ, во время пребыванія за границею, когда онъ, занимаясь изученіемъ исторіи тайныхъ обществъ вообще, думалъ объ учрежденіи такого же въ Россіи, но впослѣдствіи начатую имъ исторію уничтожилъ, о подпискѣ же, заронившейся между бумагами, забылъ и никому ее не показывалъ.

Чтобы подписка эта была составлена для какого нибудь существовавшаго общества, по дѣлу не открыто; ни у одного изъ обвиненныхъ подобной подписки не найдено, и ни одинъ, ни собственнымъ сознаніемъ, ни опечатанными бумагами не уличенъ, чтобъ зналъ о существованіи этого обязательства.

Слѣдственная коммиссія, не убѣждаясь такимъ отрицательствомъ Спѣшнева, требовала откровеннаго объясненія о сей подпискѣ, объявивъ ему 157 статью уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Однако же Спѣшневъ и за симъ поло-

жительно утвердилъ, что русское тайное общество не существовало и что подписка та была лишь проэктъ.

Въ доказательство же искренности показанія Спѣшневъ самъ добровольно открылъ о преступныхъ разговорахъ съ Черносвитовымъ и о составленіи, по предложенію поручика Момбелли, тайнаго общества, тогда какъ объ этомъ не представлялось ни малѣйшихъ видовъ по дѣлу; давъ это показаніе, Спѣшневъ кончилъ объясненіе словами: "теперь я исполнилъ свой долгъ. Вотъ моя полная исповѣдь, я виноватъ и меня слѣдуетъ наказать."

3. *Момбелли*, будучи, какъ самъ выражается, самымъ гнуснымъ либераломъ, въ зиму 46—47 годовъ, завелъ у себя еженедѣльные литературные вечера и читалъ на нихъ писанныя и переведенныя сочиненія въ либеральномъ духѣ. По прекращеніи вечеровъ, въ Февралѣ 1847 г., Момбели, познакомившись съ Петрашевскимъ, постоянно посѣщалъ его собранія; однажды, по словамъ Момбелли, при немъ дѣлались насмѣшки надъ чинами высшихъ классовъ и дерзко отзывались о священной особѣ вашего величества. Самъ Момбелли, сочувствуя, по собственному выраженію, всему либеральному и идеѣ республиканскаго правленія, принималъ участіе въ преступныхъ разговорахъ, слышалъ чтеніе письма Бѣлинскаго и намѣренъ былъ распространять это письмо, для чего и отдалъ списывать съ него копіи. Кромѣ того, въ концѣ 1848 года, Момбелли, возъимѣвъ умыселъ составить тайное общество, съ цѣлью преобразовать гражданскій бытъ Россіи, сдѣлалъ предложеніе

Львову, Петрашевскому и Спѣшневу и имѣлъ съ ними и Дебу 1 по этому случаю совѣщаніе, причемъ предлагалъ составить комитетъ изъ учредителей, для управленія обществомъ, и произнесъ рѣчь о необходимости хранить все это втайнѣ, упомянувъ, въ видѣ угрозы, про смерть измѣннику; а подсудимый Спѣшневъ читалъ планъ тайнаго общества на возстаніе. Когда же учрежденіе общества не состоялось, по разномыслію совѣщавшихся, то Момбелли, по собственному сознанію, покушался возобновить переговоры о семъ съ Петрашевскимъ, Львовымъ и Дебу 1, однакожъ безуспѣшно.

Всѣ сіи дѣйствія Момбели, кромѣ собственнаго сознанія, доказываются показаніями другихъ лицъ, участвовавшихъ съ нимъ въ совѣщаніяхъ о тайномъ обществѣ.

Въ рукописныхъ сочиненіяхъ Момбелли заключаются многія демагогическія мысли въ отношеніи Россіи и въ высшей степени дерзкія выраженія противъ священной особы вашего величества и даже воззваніе къ уничтоженію императорскаго достоинства. Впрочемъ, чтобы сочиненія эти были имъ читаны кому либо, по дѣлу положительно не открыто.

4. *Григорьевъ*, познакомившись, въ концѣ 1848 года, съ Петрашевскимъ, бывалъ у него на собраніяхъ, *слушалъ разговоры*. Посѣщалъ собранія у Дурова, гдѣ были читаны сочиненія въ либеральномъ духѣ и предполагалось писать статьи противъ правительства и распространять ихъ посредствомъ

домашней литографіи. Самъ Григорьевъ взялся описывать злоупотребленія военныя и написалъ статью въ высшей степени преступнаго и возмутительнаго содержанія: *Солдатская Бесѣда*; читалъ ее на обѣдѣ у Спѣшнева и передавалъ другимъ лицамъ для прочтенія. Сочиненіе это, какъ по содержанію, такъ и по слогу, приноровленному къ понятію солдатъ, могло увлекательно дѣйствовать какъ на нихъ, такъ и на народъ.

Въ преступленіяхъ сихъ Григорьевъ самъ признался и, принося раскаяніе, отозвался, что онъ написалъ ее по увлеченію дурными идеями и во время болѣзненнаго припадка, отъ неудовольствія на обиды полковаго командира.

5. *Львовъ*, посѣщая, съ Октября 1848 года, собранія Петрашевскаго, слушалъ разговоры, письмо Бѣлинскаго. Въ Мартѣ 1849 г. посѣщалъ Дурова, гдѣ читались либеральныя статьи и предполагалось завести домашнюю литографію. Въ концѣ 1848 года участвовалъ въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества, причемъ самъ излагалъ формы для общества, а когда оно не состоялось, то Львовъ, по предложенію Петрашевскаго, изъявилъ согласіе возобновить предположеніе о немъ, для чего Петрашевскій, Момбели и Дебу 1 собирались въ его квартиру и имѣли дальнѣйшія совѣщанія.

Львовъ, сознавая себя виновнымъ во всѣхъ означенныхъ преступленіяхъ, обвиняетъ себя въ гнусной неблагодарности къ благодѣтельствовавшему ему, съ ранняго дѣтства, государю и молитъ Бога о позво-

лепіи умереть, удостоившись великодушнаго прощенія государя.

6. *Филиппов*, посѣщавшій съ 1848 года Петрашевскаго, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ происходившихъ тамъ преступныхъ разсужденіяхъ, охуждалъ образъ правленія и не разъ говорилъ безъ уваженія о царскомъ санѣ, стараясь, какъ самъ объясняетъ, выказать свои либеральныя мысли, съ цѣлью поколебать тѣ понятія, на коихъ у насъ основаны отношенія между начальниками и подчиненными. На собраніяхъ у Дурова, онъ первый сдѣлалъ предложеніе завести домашнюю литографію, для распространенія статей противъ правительства; а когда это предложеніе было отвергнуто, то онъ, по соглашенію съ подсудимымъ Спѣшневымъ, вознамѣрился устроить типографію и доставилъ къ Спѣшневу нѣкоторыя типографскія принадлежности. Кромѣ того, на обѣдѣ у Спѣшнева слушалъ *Солдатскую Бесѣду*. Въ бумагахъ Филиппова найдено написанное имъ въ возмутительномъ духѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Толкованіе десяти заповѣдей*. Въ сочиненіи этомъ, клонящемся къ разрушенію какъ религіозныхъ такъ и политическихъ убѣжденій въ народѣ, Филипповъ истолковалъ въ превратномъ смыслѣ нѣкоторыя изреченія священнаго писанія, съ цѣлью возбудить подчиненныхъ противъ начальства, крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Филипповъ, съ перваго допроса, сознавшись во всемъ вышеизложенномъ, объяснилъ, что хотя толкованіе десяти заповѣдей написано имъ съ цѣлью

распространять ложныя мысли о божественномъ писаніи, но онъ никому этого сочиненія не показывалъ.

Филипповъ, тронутый назидательнымъ письмомъ своего отца, приноситъ въ преступленіяхъ своихъ раскаяніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: "моя послѣдняя надежда остается только на Бога и милосердіе государя. Молю дать мнѣ средства доказать нашему общему отцу на землѣ, что онъ еще можетъ найти во мнѣ вѣрнаго сына."

7. *Ахшарумовъ*, познакомившись съ Петрашевскимъ въ Декабрѣ 1848 года, бывалъ у него на собраніяхъ, участвовалъ въ разговорахъ, *слышалъ разсужденія*; былъ на собраніяхъ у Кашкина, имѣвшихъ цѣлью распространеніе соціальныхъ системъ, на обѣдѣ 7 Апрѣля произнесъ рѣчь, въ которой, осуждая настоящее устройство, доказывалъ необходимость переворота, уничтоженіе семейной жизни, собственности, государства, законовъ, войска, городовъ, и храмовъ. Такія же мысли, но еще съ большею дерзостью, выражалъ Ахшарумовъ въ рукописныхъ сочиненіяхъ: излагалъ необходимость измѣнить правленіе, сперва въ конституціонное, а потомъ въ республиканское, исчислялъ удобныя средства и выразилъ готовность содѣйствовать къ осуществленію своихъ убѣжденій, презирая всѣ препятствія и жертвуя самою жизнію. Кромѣ того онъ употреблялъ въ высшей степени дерзкія выраженія о правительствѣ, членахъ импер. фамиліи и священной особѣ в. в. Бумаги эти переданы имъ Дебу 2, у котораго и найдены.

При слѣдствіи, Ахшарумовъ показалъ, что преступныя идеи развились въ немъ при чтеніи соціальныхъ книгъ, которыя онъ получалъ отъ Петрашевскаго, и въ минуты дурнаго расположенія отъ огорчавшихъ его несправедливо обстоятельствъ; рѣчь же, читанную на обѣдѣ, онъ написалъ изъ одного тщеславія предъ товарищами. Онъ проситъ помилованія въ письмѣ: "Государь мой! прости меня! увлеченный чтеніемъ непозволительныхъ книгъ, въ заблужденіи, въ моихъ мысляхъ даже осуждалъ я тебя, писалъ безразсудныя, безсмысленныя слова, прости мнѣ ихъ, въ память заслугъ отца моего!"

8. *Ханыковъ* посѣщалъ собранія Петрашевскаго съ 1846 года, слышалъ разсужденія, участвовалъ съ Петрашевскимъ въ выписываніи запрещеныхъ книгъ и, увлеченный либеральными идеями, особенно Фурье, стремился распространять оныя въ Россіи переводомъ. На обѣдѣ 7 Апрѣля произнесъ въ высшей степени преступную рѣчь, клонившуюся къ ниспроверженію существующаго порядка, и увѣщевалъ слушателей стремиться къ преобразованію общественнаго быта; отвергалъ семейственность и религію.

Во всемъ этомъ Ханыковъ самъ сознался, объясняя, что кромѣ того онъ говорилъ неприличныя рѣчи о правительствѣ, говорилъ и даже думалъ о тайныхъ обществахъ, но потомъ все оставилъ.

9. *Дебу* 1. Познакомился съ Петрашевскимъ въ концѣ 1848 г., былъ на собраніяхъ, слушалъ разговоры, участвовалъ въ собраніяхъ у Кашкина, гдѣ разсуждали о возможности примѣнить ученіе Фурье

къ быту Россіи и предполагалось составить библіотеку изъ запрещеныхъ книгъ, которыя отданы были въ его распоряженіе. Былъ на обѣдѣ 7 Апрѣля, слышалъ рѣчи, изъявилъ согласіе переводить сочиненія Фурье.

Въ Декабрѣ 1848 года участвовалъ въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества. При слѣдствіи Дебу объяснилъ, что онъ, узнавъ о сущности предположенія, отказался отъ участія, сказавъ, что ни къ какому тайному обществу принадлежать не хочетъ (это подтвердили Петрашевскій и Момбелли, причемъ Петрашевскій объяснилъ, что Дебу совѣтовалъ и ему отстать отъ этого общества), не донесъ же потому, что общество не состоялось; Дебу показалъ, что онъ ни словомъ, ни дѣломъ не способствовалъ распространенію вредныхъ идей, а всегда былъ преданъ правительству.

10. *Дебу* 2 Посѣщалъ собранія у Петрашевскаго 1847 года, слышалъ разговоры, бывалъ на собраніяхъ у Кашкина, гдѣ участвовалъ въ составленіи общей библіотеки изъ соціальныхъ и либеральныхъ книгъ; 7 Апрѣля, послѣ рѣчей, произнесенныхъ Петрашевскимъ, Ахшарумовымъ и Ханыковымъ, сдѣлалъ предложенія о переводѣ на русскій языкъ сочиненій Фурье и согласился быть, въ числѣ другихъ, редакторомъ переводовъ.

При обыскѣ у Дебу 2 найдено нѣсколько запрещеныхъ книгъ и выписокъ изъ сочиненій разныхъ соціалистовъ; кромѣ того, у него хранилась тетрадь сочиненій Ахшарумова.

Сочиненіе это, по показанію Ахшарумова, дано было Дебу 2 для прочтенія, а Дебу сознался, что хотѣлъ отвѣчать Ахшарумову, описавъ свою жизнь и свои намѣренія.

11. *Кашкинъ*. Въ послѣдніе 2 мѣсяца 1848 года и въ великомъ посту 1849, дѣлалъ у себя еженедѣльно вечера, на которыхъ бывали нѣкоторые, посѣщавшіе Петрашевскаго. Разсуждали преимущественно о системѣ Фурье, въ видахъ примѣчанія и распространенія ея въ Россіи; причемъ Кашкинъ читалъ рѣчь, въ преступныхъ выраженіяхъ противъ Бога и общественнаго устройства, приводилъ мнѣнія атеистовъ, очевидно раздѣляя ихъ; участвовалъ въ учрежденіи библіотеки, присутствовалъ на обѣдѣ 7 Апрѣля. На другой день былъ у Петрашевскаго, слушалъ разговоры, но участія въ нихъ не принималъ и послѣ того у Петрашевскаго не былъ.

Въ бумагахъ Кашкина, кромѣ этой рѣчи, найденъ еще проэктъ письма, въ которомъ онъ также обнаруживалъ невѣріе словами: “ Богъ, если ты существуешь, помоги мнѣ! ” При допросахъ раскаялся, обратился къ религіознымъ чувствамъ и выразилъ, что въ случаѣ прощенія онъ оправдаетъ довѣріе.

12. *Дуровъ* посѣщалъ Петрашевскаго съ 1847 г., слушалъ разговоры, а на одномъ собраніи самъ говорилъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что родство опутываетъ человѣка. Въ Мартѣ 1849 г. самъ завелъ вечера, на которыхъ читались сочиненія въ либеральномъ духѣ, а однажды письмо Бѣлинскаго, и предполагалось завести домашнюю литографію, для

распространенія статей противъ правительства. На обѣдѣ у Спѣшнева слышалъ чтеніе *Солдатской Бесѣды.*

При слѣдствіи Дуровъ утверждалъ, что умысла противъ правительства не имѣлъ, преступное вкралось на вечера незамѣтно, и потому онъ ихъ тогда же прекратилъ. Въ бумагахъ Дурова ничего, относящагося къ дѣлу, не оказалось, но по отзыву князя Голицына сочиненія Дурова *легкомысленны и въ нихъ проявляются безнравственныя чувства.* Слѣдственная же коммиссія, обращая вниманіе на ходъ дѣйствій Дурова, замѣтила въ немъ *либеральное направленіе.*

13. *Достоевскій,* по собственному сознанію, посѣщалъ собранія у Петрашевскаго 3 года, *слушалъ сужденія,* самъ принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры, и на одномъ собраніи въ Мартѣ 49 года прочелъ, полученное изъ Москвы отъ Плещеева, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копіи Момбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести литографію, у Спѣшнева слышалъ чтеніе *Солдатской Бесѣды.*

При слѣдствіи, сознаваясь въ участіи въ разговорахъ о возможности нѣкоторыхъ перемѣнъ и улучшеній, отозвался, что предполагалъ ожидать этого отъ правительства; письмо же Бѣлинскаго читалъ какъ литературный памятникъ, будучи увѣренъ, что оно не можетъ никого привести въ соблазнъ.

14. *Плещеевъ* бывалъ въ теченіе 3 лѣтъ, разъ или два въ мѣсяцъ, на собраніяхъ у Петрашевскаго, гдѣ, какъ самъ объясняется, были обсуждаемы разныя мѣры противъ правительства и разсматривалась необходимость нѣкоторыхъ преобразованій въ администраціи. Въ Мартѣ 1849 года, находясь въ Москвѣ, прислалъ Достоевскому списокъ съ письма Бѣлинскаго. Кромѣ того, въ письмахъ къ Достоевскому и Дурову, излагалъ вольныя сужденія на счетъ пребыванія въ Москвѣ высочайшаго двора, выражаясь, что будто императорская фамилія встрѣтила въ Москвѣ очень мало симпатіи и что всѣ желаютъ, чтобъ дворъ поскорѣе уѣхалъ. Въ этихъ же письмахъ Плещеевъ употребилъ дерзкіе отзывы на счетъ *начальства Московскаго университета и* вообще обнаружилъ *либеральное направленіе мыслей*.

При слѣдствіи, Плещеевъ показалъ, что письмо Бѣлинскаго онъ отъискалъ случайно въ библіотекѣ умершаго дяди своего и прислалъ къ Достоевскому какъ литературное произведеніе. Въ отношеніи же собственныхъ писемъ отозвался, что о недостаткѣ въ жителяхъ Москвы симпатіи къ императорской фамиліи упоминалъ отъ легкомыслія.

Примѣчаніе. По окончаніи суда, мать Плещеева въ просьбѣ на высочайшее имя, просила объ облегченіи участи ея сына, объясняя, что онъ впалъ въ преступленіе по молодости лѣтъ и что она имѣла въ немъ единственную подпору. По докладу просьбы государю, послѣдовало повелѣніе : принять просьбу къ дѣлу и представить вмѣстѣ съ докладомъ ген.-аудиторіата.

15. *Головинскій* былъ два раза на собраніяхъ у Петрашевскаго, слышалъ разговоры и самъ принималъ въ нихъ участіе, доказывая необходимость предоставить крѣпостнымъ людямъ свободу; посѣщалъ собранія у Дурова, слышалъ чтеніе письма Бѣлинскаго, а у Спѣшнева *Солдатскую Бесѣду*.

Кромѣ того, изъ показаній двухъ подсудимыхъ, Филиппова и Григорьева, видно, что Головинскій, при разсужденіи о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ свободы, доказывалъ, что ихъ можно освободить безъ содѣйствія и воли правительства, чрезъ возстаніе ихъ самихъ, и что при этомъ же, говоря объ измѣненіи образа правленія, сказалъ, что правленіе не можетъ измѣниться вдругъ, но прежде должна быть диктатура, какъ необходимое слѣдствіе реформы. Подобно сему показалъ и Пальмъ, объяснивъ, что Головинскій, говоря очень горячо, прибавилъ, что для освобожденія крестьянъ всѣ мѣры хороши.

Головинскій въ этомъ не признался, отзываясь, что онъ объ освобожденіи крестьянъ говорилъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство, въ силу самодержавнаго права, а подъ диктатурой разумѣлъ самодержавіе. По засвидѣтельствованію слѣдственной коммиссіи, Головинскій оказывалъ явное упорство въ объясненіи истины и изворотливость при написаніи отвѣтовъ, которые излагалъ же въ томъ видѣ, какъ объяснялъ на словахъ.

16. *Толль*. Посѣщалъ Петрашевскаго съ 1846 г.; на одномъ изъ собраній самъ говорилъ рѣчь, въ

которой доказывалъ, что религія происходитъ изъ чувства страха и нетолько не нужна, но даже вредна. Такое же отсутствіе религіознаго чувства въ найденномъ у Толля сочиненіи, написанномъ имъ же: "Историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ. Въ немъ Толль сравниваетъ Іисуса Христа съ основателями языческихъ вѣрованій.

При слѣдствіи Толль сознавался, что говорилъ рѣчь, но утверждалъ, что приводилъ заключеніе о ненадобности религіи не отъ себя, а какъ мнѣніе одного изъ германскихъ философовъ.

17. *Ястржембскій*, бывая неоднократно на собраніяхъ у Петрашевскаго, слышалъ разговоры и чтеніе письма Бѣлинскаго. Самъ онъ, принимая дѣятельное участіе въ сужденіяхъ, читалъ на нѣсколькихъ собраніяхъ, лекціи о политической экономіи и статистикѣ *въ либеральномъ духѣ, дѣлалъ насмѣшки* надъ чинами высшихъ классовъ и доказывалъ, что вообще государство не имѣетъ никакой цѣли, но что развитіе человѣчества должно быть по системѣ Фурье.

Все это подтверждается показаніями многихъ прикосновенныхъ лицъ и собственнымъ сознаніемъ Ястржембскаго.

Сверхъ того, *двое** изъ прикосновенныхъ къ дѣлу показали, что Ястржембскій, доказывая на одномъ собраніи у Петрашевскаго, что россійское государство имѣетъ цѣлью подчинить всѣхъ власти одного, отзывался рѣзко о сановникахъ и, сравнивая Россію съ

* Въ заключеніи ген.-аудиторіата трое.

Китаемъ, дерзалъ называть ваше величество *богдыханомъ*. Но самъ Ястржембскій въ этомъ не признался.

18. *Пальмъ*. Съ Августа мѣсяца 47 года бывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго; участія въ разговорахъ не принималъ. Въ Мартѣ 49, живя на одной квартирѣ съ Дуровымъ, участвовалъ въ бывшихъ у послѣдняго собраніяхъ, гдѣ слушалъ преступныя статьи, письмо Бѣлинскаго и предположенія учредить литографію. Слушалъ у Спѣшнёва *Солдатскую Бесѣду*.

Въ бумагахъ Пальма ничего предосудительнаго не оказалось, напротивъ, въ литературныхъ и историческихъ сочиненіяхъ его, какъ увѣдомилъ князь Голицынъ, видна сильная любовь къ Россіи.

При слѣдствіи Пальмъ изъявилъ раскаяніе въ томъ, что присутствовалъ при чтеніяхъ и разговорахъ; онъ отозвался, что никакихъ преступныхъ замысловъ не имѣлъ и никогда либераломъ не былъ, но виноватъ въ томъ, что терпѣлъ либерализмъ въ другихъ.

Пальмъ проситъ милосердія ваш. вел.: "Еслибъ я могъ, говоритъ онъ, молить о милосердіи того, кто неистощимо милосердъ къ несчастнымъ. Но я не стою ничего, я ничего не заслужилъ."

19. *Европеусъ*. Посѣщалъ собранія у Кашкина, участвовалъ въ составленіи библіотеки и въ квартирѣ своей дѣлалъ, на общія деньги, обѣдъ 7 Апрѣля. Избранъ, въ числѣ другихъ, редакторомъ переводовъ.

При слѣдствіи Европеусъ отозвался, что къ поли-

тическимъ перемѣнамъ никакого желанія не имѣлъ, а въ военномъ судѣ, изъявивъ искреннее и совершенное раскаяніе, объяснилъ, что дѣйствія его произошли не отъ злонамѣренности, а отъ легкомыслія, по его молодости.

20. *Тимковскій.* Познакомился съ Петрашевскимъ въ Октябрѣ 1848 году, бывалъ на 6 собраніяхъ. На одномъ изъ нихъ онъ читалъ рѣчь въ похвалу коммунистскихъ и соціальныхъ системъ, совѣтовалъ изучать ихъ, для примѣненія къ Россіи, приглашалъ всѣхъ дѣйствовать и распространять ихъ, въ особенности ученіе Фурье, предлагалъ солидарность, чтобъ подвигать другъ друга и достигнувъ значительныхъ мѣстъ по службѣ, имѣть вліяніе на правительство, для осуществленія своихъ намѣреній. Взаключеніе совѣтовалъ устроить кружки для пропаганды Фурьеризма. Отправившись въ Декабрѣ 1848 г. въ Ревель, на службу, началъ распространять и тамъ ученіе Фурье и переводить соціальныя сочиненія на русскій языкъ. Но встрѣтивъ со всѣхъ сторонъ возраженія и убѣдившись въ лживости ученія, прекратилъ распространеніе его и переводы.

При слѣдствіи Тимковскій, раскаяваясь, объяснилъ, что все это произошло по вліянію собраній у Петрашевскаго и что тамъ онъ былъ доведенъ даже до безбожія; но потомъ, убѣдившись во вредности этого ученія, ведущаго прямымъ путемъ къ безбожію, прекратилъ свои дѣйствія.

Хотя въ отношеніи означенной рѣчи Тимковскаго Момбелли, Львовъ и Толль показывали, что въ рѣчи

Тимковскій дѣлалъ возмутительныя предложенія, а Толль объяснилъ, что Тимковскій требовалъ безотлагательнаго исполненія своихъ предположеній къ возмущенію, — но самъ Тимковскій, отвергая это, объяснилъ, что онъ говорилъ въ смыслѣ возможности постепеннаго преобразованія государства по системѣ Фурье и неоднократно повторялъ, чтобы идти путемъ мира и убѣжденія. Самой же рѣчи не оказалось. Притомъ показанія Тимковскаго подтверждаютъ отчасти подсудимые Спѣшневъ и Достоевскій. Спѣшневъ показалъ, что хотя форма рѣчи Тимковскаго была нѣсколько горяча, но онъ положительно и добросовѣстно отклонялъ въ ней отъ всякаго политическаго переворота. Это подтвердилъ и Достоевскій. Равнымъ образомъ никто изъ прочихъ подсудимыхъ не показалъ, чтобы рѣчь Тимковскаго была въ возмутительномъ духѣ, въ томъ смыслѣ, какъ объяснили Момбелли, Львовъ и Толль.

21. *Шапошниковъ.* По собственному показанію, Шапошниковъ, начитавшись разныхъ вредныхъ сочиненій, усвоилъ самый либеральный образъ мыслей и, находясь въ короткихъ отношеніяхъ съ бывшимъ студентомъ Толстовымъ и сыномъ почетнаго гражданина Катеневымъ, имѣлъ съ ними, у себя въ квартирѣ, преступные разговоры о религіи и правительствѣ, о преимуществахъ свободы и равенства и о возможности ввести въ Россіи республиканское правленіе, причемъ одинъ разъ Катеневъ, бывъ въ пьяномъ видѣ, при немъ, Шапошниковѣ, и Толстовѣ, вызвался на цареубійство. О дѣйствитель-

ности такихъ разговоровъ *подтвердили Толстовъ* (впослѣдствіи прощеный) и Катеневъ; изъ нихъ Катеневъ, *кромѣ того, показалъ,* что Шапошниковъ, внушая ему развратныя мысли противъ религіи и правительста, разрушилъ его религіозныя убѣжденія и что одинъ разъ Шапошниковъ произносилъ *два дерзкіе стиха* противъ священной особы в. в.

Самъ Шапошниковъ, при слѣдствіи, отозвался, что въ бесѣдѣ съ Толстовымъ и Катеневымъ дѣйствительно были разговоры о французской революціи, равенствѣ, о свободѣ человѣка и республикѣ, что изъ нихъ Толстовъ, выражая ненависть къ правительству, говорилъ что въ Россіи можетъ быть республика; когда же Толстовъ узналъ, что Шапошниковъ хочетъ поступить въ актеры, то, совѣтуя оставить это намѣреніе, говорилъ, что можетъ дать ему другую дѣятельность и что его ждетъ участь лучшая, ибо даръ слова его нуженъ на площади; однакожъ онъ, Шапошниковъ, всегда противорѣчилъ въ этомъ Толстову. Самъ онъ никогда преступнаго противъ правительства не говорилъ и считаетъ себя виновнымъ лишь въ томъ, что по страсти къ театру и чтенію имѣлъ разные дурные стихи, въ которыхъ находилось можетъ быть и повторенное имъ дерзкое выраженіе о священной особѣ в. в. Когда Катеневъ, въ пьяномъ видѣ, сказалъ, что убьетъ царя, то онъ замѣтилъ Катеневу, что онъ нездоровъ и просилъ его уйти домой.

Въ военномъ судѣ, Шапошниковъ, изъявляя раскаяніе въ своихъ поступкахъ, объявилъ, что не донесъ на Катенева потому, что не имѣлъ доказательствъ.

Кромѣ того, Шапошниковъ, *по показанію агента и одного изъ знакомыхъ*, навлекаетъ на себя подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ священной особы в. в., но самъ онъ въ томъ не сознался, и положительныхъ доказательствъ къ изобличенію его не открыто.

22. *Катеневъ*. Участвовалъ съ Шапошниковымъ и Толстовымъ въ преступныхъ разговорахъ о правительствѣ и, желая, какъ, самъ показываетъ, перемѣны общественнаго быта въ Россіи, разсуждалъ о возможности ввести въ ней республиканское правленіе; отзывался дерзко о священной особѣ в. в. и одинъ разъ, въ пьяномъ видѣ, изъявилъ даже готовность на цареубійство. Кромѣ того, не признавая христіанской религіи и отвергая существованіе Бога, произносилъ богохульныя слова, публично, въ трактирѣ, и говорилъ, что религія выдумана.

Во время слѣдствія Катеневъ подвергся разстройству ума и былъ отправленъ въ больницу всѣхъ скорбящихъ. На запросъ военнаго суда, управляющій этой больницею увѣдомилъ, что Катеневъ одержимъ явнымъ помѣшательствомъ ума. Поэтому онъ спрошенъ не былъ.

23. *Черносвитовъ*. Прибылъ въ концѣ 1848 года въ Петербургъ изъ Сибири, гдѣ имѣлъ жительство; вскорѣ познакомился съ подсудимыми Петрашевскимъ и Спѣшневымъ и бывалъ неоднократно на собраніяхъ у перваго, причемъ, какъ самъ сознался, говорилъ довольно свободно и рѣзко о своемъ начальствѣ и даже о правительствѣ. Независимо отъ разговоровъ

на собраніяхъ, Черносвитовъ имѣлъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ особыя свиданія и при этомъ разсказывалъ имъ о состояніи Сибирскаго края, о бывшемъ въ 1841 году частномъ возмущеніи въ Оренбургской и Пермской губерніяхъ и о возможности на будущее время подобныхъ возмущеній въ восточной Сибири и на заводахъ хребта Уральскаго. Однакожъ всѣ эти разговоры остались безъ всякихъ послѣдствій, и Черносвитовъ вскорѣ затѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга. Во время же производства по сему дѣлу слѣдствія, по поводу показаній Спѣшнева и Петрашевскаго, что они имѣли съ Черносвитовымъ совѣщанія о произведеніи возстанія въ Сибири, Черносвитовъ былъ арестованъ близъ г. Омска, особо командованнымъ жандармскимъ офицеромъ.

Сдѣланныя на Черносвитова подсудимыми Спѣшневымъ и Петрашевскимъ показанія заключались въ томъ, что Черносвитовъ, въ разговорахъ съ ними, наводя ихъ на мысль о существованіи тайнаго общества въ Россіи, вывѣдывалъ, нѣтъ ли такого общества въ Москвѣ и Петербургѣ; что онъ, похваляясь вліяніемъ своимъ на дѣла Сибири и на раскольниковъ и, называя страну эту отдѣльной имперіей, говорилъ о возможности произвести возмущеніе въ восточной Сибири, на горныхъ заводахъ и на Уралѣ, и излагалъ планъ дѣйствій при возмущеніи, присовокупляя, что на Пермскихъ заводахъ 400,000 народу, оружіе подъ рукою и все только ждетъ первой вспышки, а наконецъ сказалъ, что для приготовленія къ возмущенію нуженъ годъ, но что можно и

въ теперешнемъ положеніи продержать лѣтъ пять, шесть.

Петрашевскій же, кромѣ того, добавилъ, что Черносвитовъ, во время означеннаго разговора, сказалъ: "надо всѣхъ запереть и разомъ хватить," относя это къ высшему правительству, и что вообще направленіе рѣчей Черносвитова всегда было проникнуто возмутительнымъ духомъ. А въ особомъ показаніи Петрашевскій объяснилъ, что Черносвитовъ неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, разсказывалъ, что онъ членъ какого-то тайнаго общества и совѣтовалъ ему заводить такія же общества въ высшемъ кругу.

Черносвитовъ, не отвергая, что онъ, въ разговорахъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ, сообщалъ имъ свѣденія о состояніи Сибири и о бывшемъ въ Пермской губерніи возмущеніи, отозвался, что разговоры его не имѣли преступной цѣли и что о возмущеніи въ Сибири говорено было въ смыслѣ возможности, но плана для дѣйствій онъ никогда не предполагалъ и, зная Сибирь, твердо убѣжденъ, что идея возстанія тамъ и на Уралѣ никогда осуществиться не можетъ. За всѣмъ тѣмъ онъ чувствуетъ себя виновнымъ въ томъ, что его разсказы, объясненія и фантазіи навели Петрашевскаго и Спѣшнева на ту мысль, и видитъ, что безъ столкновенія съ нимъ ни Спѣшневу, ни тѣмъ болѣе Петрашевскому не пришло бы на мысль составить планъ разрушенія.

Доказательствъ къ тому, чтобы Черносвитовъ имѣлъ вредные замыслы противъ правительства и

разсказывалъ Петрашевскому и Спѣшневу о возможности возстанія съ цѣлью преступною, по дѣлу не открыто; однакожъ на него падаетъ подозрѣніе въ томъ, по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1) Подсудимые Спѣшневъ и Петрашевскій сдѣлали означенное показаніе совершенно согласно между собою, объяснивъ притомъ въ подробности всѣ случаи, бывшіе при разговорахъ ихъ съ Черносвитовымъ.

2) Черносвитовъ, при изложеніи доводовъ къ опроверженію извѣта Спѣшнева и Петрашевскаго, самъ высказалъ факты или одинъ другому противурѣчащіе, или несообразные съ существомъ дѣла: говоря о прибытіи Спѣшнева и Петрашевскаго, показалъ, *что прежде пріѣхалъ Спѣшневъ, а потомъ Петрашевскій*; но Спѣшневъ и Петрашевскій показали, что они пріѣхали *вмѣстѣ*. Потомъ Черносвитовъ, объясняя поводъ къ знакомству со Спѣшневымъ, сначала упомянулъ, что Петрашевскій *рекомендовалъ* ему Спѣшнева, какъ *человѣка умнаго и высокообразованнаго*, а потомъ утверждалъ, что будто бы Петрашевскій постоянно *отзывался дурно* о Спѣшневѣ. Наконецъ при исчисленіи препятствій къ возстанію въ Сибири, Черносвитовъ писалъ, что тамъ не можетъ быть *единства дѣйствій и что всякое предпріятіе напрасно*. Въ другомъ же показаніи, описывая заслуги свои при усмиреніи въ 1841 году возмущенія государственныхъ крестьянъ въ Пермской губерніи гдѣ онъ былъ исправникомъ, излагалъ, что возмущеніе въ Сибири можетъ распро-

страшиться отъ самаго ничтожнаго *повода*, присовокупивъ, "да кто поручится и за горные заводы."

3) На очной ставкѣ съ подсудимымъ Спѣшневымъ, при объясненіи имъ всѣхъ подробностей разговора, Черносвитовъ, какъ видно изъ журнала слѣдственной коммиссіи, обнаружилъ *нѣкоторое замѣшательство*, тогда какъ Спѣшневъ объяснялся положительно и съ твердостію. Равнымъ образомъ, на очной ставкѣ съ Петрашевскимъ, Черносвитовъ также показалъ замѣшательство и далъ *неудовлетворительный отзывъ* на счетъ сказаннаго имъ въ разговорѣ со Спѣшневымъ и Петрашевскимъ: " Ну, господа, теперь надо дѣло вести на чистоту." Хотя Черносвитовъ, испросивъ впослѣдствіи разрѣшеніе явиться въ коммиссію военнаго суда, старался въ свое оправданіе объяснить, что слова тѣ сказаны имъ въ желаніи вывѣдать политическія убѣжденія Спѣшнева, но когда судъ, имѣя въ виду показаніе Черносвитова, что онъ пріѣхалъ изъ Сибири въ Петербургъ единственно по собственнымъ дѣламъ, касающимся золотопромышленности, и другаго интереса не имѣлъ,—предложилъ ему положительный вопросъ: *по какому поводу и съ какимъ намѣреніемъ* онъ, Черносвитовъ, такъ настоятельно желалъ знать политическія убѣжденія Спѣшнева?—то Черносвитовъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, а напротивъ, при объясненіи, обнаружилъ *явное замѣшательство.*

4) Черносвитовъ въ показаніяхъ своихъ при слѣдствіи обнаружилъ *либеральный образъ мыслей*

и между прочимъ сознался, что считаетъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ, особенно освободить крестьянъ.

Въ бумагахъ Черносвитова ничего, относящагося къ изобличенію его въ злоумышленіи, не оказалось.

Главное начальство восточной и западной Сибири и Оренбургскаго края отозвалось, что о распространеніи Черносвитовымъ вредныхъ толковъ, свѣденій получаемо не было и что въ странѣ поводовъ къ нарушенію спокойствія и общественнаго порядка, нѣтъ. Командированный для арестованія Черносвитова офицеръ корпуса жандармовъ донесъ, что на границѣ Пермской губерніи, гдѣ Черносвитовъ служилъ исправникомъ, всѣ отзываются объ немъ съ отличною похвалою.

Подписали:

Генералъ отъ инфантеріи князь—ШАХОВСКІЙ.
„ артиллеріи—ИГНАТЬЕВЪ.
„ инфантеріи—КНЯЖНИНЪ.
„ „ —ШТЕГМАНЪ.
„ „ —МАНДЕРШТЕРНЪ.
Генералъ-лейтенантъ—ГЕЛЬВИХЪ.
„ —КАРПЕНКО.
Генералъ-аудиторъ—НОИНСКІЙ.
Въ должности начальника отдѣленія—ПОЛЯНСКІЙ.

Приговоръ военнаго суда.

Военный судъ, по соображеніи приведенныхъ имъ узаконеній со степенью виновности подсудимыхъ, приговорилъ:

1. Буташевича-Петрашевскаго, за богохуленіе, за злоумышленное покушеніе произвести реформу быта общественнаго въ Россіи, за участіе въ совѣщаніяхъ съ подсудимыми Момбелли, Спѣшневымъ и

Львовымъ о составленіи тайнаго общества, съ цѣлью произвести возстаніе, и за недонесеніе о предположеніяхъ Черносвитова на счетъ возстанія въ Сибири и на Уралѣ и объ умыслахъ Черносвитова на цареубійство, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

2. Поручика Момбелли, за произнесеніе дерзкихъ словъ противъ священной особы ваш. имп. вел., за злоумышленіе къ уничтоженію императорскаго достоинства, за распространеніе сочиненій противъ правительства и за покушеніе составить тайное общество, съ цѣлью преобразовать гражданскій бытъ въ Россіи, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

3. Спѣшнева, за богохульство, умыселъ произвести бунтъ, за покушеніе къ учрежденію съ этой цѣлью тайнаго общества, за составленіе предположеній къ произведенію возстаній и за недонесеніе о слышанныхъ имъ злоумышленныхъ предположеніяхъ подсудимаго Черносвитова, о произнесенныхъ подсудимыми Петрашевскимъ, Ахшарумовымъ и Ханыковымъ преступныхъ рѣчахъ о религіи и правительствѣ, и въ особенности о злоумышленномъ сочиненіи Григорьева, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

4. Григорьева, за составленіе и распространеніе своего злоумышленнаго сочиненія, съ употребленіемъ въ высшей степени дерзкихъ выраженій противъ священной особы в. и. в., лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

5. Шапошникова, за участіе въ совѣщаніяхъ о перемѣнѣ образа правленія въ Россіи, произнесеніе дерзкихъ словъ противъ священной особы в. и. в. и недонесеніе объ умыслѣ подсудимаго Катенева на цареубійство, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

6. О подсудимомъ Катеневѣ, который, хотя и подлежалъ бы той же казни, но по случаю умопомѣшательства не могъ быть военнымъ судомъ спрошенъ, приговора не постановлять.

7. Ахшарумова, за умыселъ къ преобразованію общественнаго быта въ Россіи и перемѣнѣ образа правленія, дерзкія выраженія противъ правительства, членовъ императорскаго дома и въ особенности противъ священной особы в. и. в., за изложеніе предположеній къ произведенію возстанія и изъявленіе готовности участвовать въ ономъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

8. Львова, за недонесеніе о распространеніи Григорьевымъ его сочиненія и за участіе въ совѣщаніяхъ какъ о распространеніи запрещенныхъ цензурою сочиненій, такъ и о составленіи тайнаго общества, съ цѣлью произвести возстаніе и преобразовать гражданскій бытъ въ Россіи, лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

9. Филиппова, за порицаніе дѣйствій правительства и в. в., за покушеніе къ распространенію сочиненій противъ правительства, за написаніе съ возмутительною цѣлью толкованія десяти заповѣдей и недонесеніе о распространеніи преступнаго письма литератора Бѣлинскаго и сочиненія Григорьева, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

10. Дурова, за допущеніе у себя въ собраніи читать письмо Бѣлинскаго, за намѣренное распространеніе сочиненій противъ правительства и за недонесеніе о сочиненіи Григорьева, лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

11. Дебу 2, за недонесеніе о рѣчахъ Петрашевскаго, Ахшарумова, и Ханыкова, произнесенныхъ въ квартирѣ Европеуса, и храненіе у себя сочиненій Ахшарумова, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

12. Головинскаго, Достоевскаго, Пальма, за недонесеніе о распространеніи письма Бѣлинскаго и сочиненія Григорьева, лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

13. Дебу 1, за недонесеніе объ умыслахъ Петрашевскаго, Спѣшнева, Момбелли и Львова составить тайное общество съ цѣлью поносить всѣ мѣры правительства, о составленномъ Спѣшневымъ предположеніи къ произведенію возстанія и о произнесенныхъ Петрашевскимъ, Ахшарумовымъ и Ханыковымъ рѣчахъ, лишить чиновъ, знака отличія безпорочной службы и всѣхъ правъ состоянія и подвегнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

14. Толля, за порицаніе религіи, богохуленіе и недонесеніе о рѣчи Тимковскаго, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни растрѣляніемъ.

15. Ястржембскаго, за участіе въ преступныхъ разсужденіяхъ о религіи и правительствѣ, недонесеніе о письмѣ Бѣлинскаго, лишить правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ

на 6 лѣтъ, и въ произношеніи дерзкихъ словъ противъ священной особы в. в. оставить, за неимѣніемъ доказательствъ, въ подозрѣніи.

16. Ханыкова, за произнесеніе, на бывшемъ у Европеуса обѣдѣ, рѣчи, въ коей порицалъ Бога, церковь и государственное устройство, а Кашкина и Европеуса, за недонесеніе какъ объ рѣчи Ханыкова, такъ и о произнесенныхъ тогда рѣчахъ Петрашевскаго и Ахшарумова, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года.

17. Плещеева, за распространеніе письма Бѣлинскаго, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года.

18. Тимковскаго, за умыселъ составить общество съ цѣлью измѣнить общественное устройство посредствомъ неуказанныхъ и недозволенныхъ дѣйствій, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, а въ склоненіи Тимковскимъ къ возмущенію оставить его, за неимѣніемъ доказательствъ, въ подозрѣніи.

19. Черносвитова, въ злоумышленномъ изъясненіи подсудимымъ Петрашевскому и Спѣшневу средствъ къ произведенію возстанія въ Сибири и на заводахъ хребта Уральскаго и въ умыслѣ на цареубійство, за неоткрытіемъ доказательствъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи.

Заключеніе генералъ-аудиторіата

19 Декабря 1849 года.

Степень виновности подсудимыхъ, по обнаруженнымъ личнымъ дѣйствіямъ въ преступныхъ замыслахъ заключается въ слѣдующемъ:

1. Сущность и важность падающихъ на Буташевича-Петрашевскаго обвиненій изложены выше, но вина его еще усиливается:

1) Зловреднымъ примѣромъ, увлекшимъ многихъ другихъ къ подражанію и развращенію; 2) тѣмъ, что онъ не только не изъявилъ въ поступ-

кахъ своихъ раскаянія, но еще во время производства слѣдствія употреблялъ дерзкія выраженія въ своихъ объясненіяхъ и покушался тайнымъ образомъ склонить къ запирательству другихъ подсудимыхъ.

Изложеніе о степени виновности другихъ подсудимыхъ списано съ отдѣла подъ заглавіемъ : "что по суду оказалось." При этомъ они перечислены въ томъ порядкѣ, который соблюденъ и въ приговорѣ енералъ-аудиторіата, и въ опубликованномъ. Относительно нѣкоторыхъ лицъ сдѣланы генералъ-аудиторіатомъ замѣчанія, а именно :

Относительно *Спѣшнева :*

"Хотя Спѣшневъ показываетъ, что означенное обязательство написано имъ еще въ бытность за границей, по такому показанію вѣрить сомнительно, ибо послѣдующія дѣйствія его, по возвращеніи въ Россію, обнаруживаютъ въ немъ явно *направленіе злоумышленное.*"

Относительно *Головинскаго :*

Приведя отзывъ его на показаніе трехъ подсудимыхъ о произнесенной, у Петрашевскаго рѣчи,— будто объ освобожденіи крестьянъ онъ говорилъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство, въ силу самодержавнаго права, а подъ диктатурой разумѣлъ самодержавіе,—генералъ-аудиторіатъ прибавилъ : "Но такому отрицательству вѣрить нельзя, такъ какъ понятіе о диктатурѣ и самодержавіи совершенно противуположны."

Относительно *Черносвитова* :

Сознавшись, что къ изобличенію Черносвитова

въ томъ, что онъ питалъ вредные замыслы противъ правительства и разсказывалъ о возможности возстанія въ Сибири съ цѣлью преступною, *нѣтъ положительныхъ доказательствъ,*—генералъ-аудиторіатъ добавилъ: "Тѣмъ не менѣе Черносвитовъ обращаетъ на себя сильное сомнѣніе въ этомъ, сколько по неумѣстности подобныхъ разговоровъ съ людьми, въ которыхъ онъ видѣлъ вредное направленіе, столько и по своему *свободному образу мыслей*, который онъ обнаружилъ въ самыхъ показаніяхъ своихъ въ слѣдственной коммиссіи."

Далѣе по подлиннику:

Генералъ-аудиторіатъ, объяснивъ сущность вины каждаго изъ подсудимыхъ, заключаетъ, что хотя степень ихъ виновности различна, ибо одни изъ нихъ болѣе, другіе менѣе принимали участіе въ злоумышленіи, но какъ всѣ они суждены по полевому уголовному уложенію, въ преступленіяхъ же государственныхъ, по точной силѣ нашихъ законовъ, *не поставлено различія между главными виновниками и соучастниками*, то, на основаніи сего уложенія, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: Тит. сов. Буташевича-Петрашевскаго, неслужившаго дворянина Спѣшнева, поручиковъ Момбелли и Григорьева, штабсъ-капитана Львова 2, студента Филиппова, кандидата Ахшарумова, студента Ханыкова, кол. ас. Дурова, поручика Достоевскаго, кол. сов. Дебу 1, кол. сек. Дебу 2, учителя Толля, тит. сов. Ястржембскаго, неслужащаго дворянина Плещеева, тит. сов. Кашкина и Головинскаго, поручика

Пальма, тит. сов. Тимковскаго, кол. сек. Европеуса и мѣщанина Шапошникова подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Что касается Черносвитова, какъ онъ въ соучастіи въ злоумышленіи не признался и къ изобличенію его положительныхъ доказательствъ *не представляется, то оставить его*, по приведеннымъ выше обстоятельствамъ, *въ сильномъ подозрѣніи* и, какъ человѣка, *обнаруживающаго либеральный образъ мыслей*, отослать на жительство въ г. Вятку, подъ строгій полицейскій надзоръ, не лишая его получаемой за раны пенсіи. Сына почетнаго гражданина Катенева, за открытыя по дѣлу преступленія, такъ какъ надъ нимъ, по случаю помѣшательства его въ умѣ, не былъ исполненъ *обрядъ* военнаго суда, по выздоровленіи вновь предать военному суду, для поступленія съ нимъ по законамъ.

Генералъ-аудиторіатъ, опредѣливъ мѣру наказанія подсудимымъ, на основаніи полевыхъ военныхъ законовъ, не могъ не принять въ уваженіе тѣхъ облегчительныхъ обстоятельствъ, которыя представляются по дѣлу, именно: раскаянія многихъ, добровольное сознаніе въ поступкахъ, кои, безъ ихъ откровенности, могли бы остаться неизвѣстными, юность лѣтъ нѣкоторыхъ и наконецъ то, что преступныя ихъ начинанія не достигли вредныхъ послѣдствій, бывъ своевременно предупреждены мѣрами со стороны правительства.

Посему, повергая участь подсудимыхъ монаршему милосердію е. п. в., генералъ-аудиторіатъ, на осно-

ваніи правилъ, въ руководство ему данныхъ, осмѣливается всеподданнѣйше *ходатайствовать объ опредѣленіи* имъ, вмѣсто смертной казни, *наказаній по мѣрѣ вины*, въ слѣдующей постепенности.

1. Титул. сов. Буташевича - Петрашевскаго, за преступный замыселъ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченіе на бывшія у него сходбища разнаго званія, большею частію молодыхъ людей, распространеніе между ними зловредныхъ идей противъ религіи, возбужденіе въ нихъ ненависти къ правительству и наконецъ за покушеніе составить для этой же преступной цѣли тайное общество, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока.

Рукою императора:

"*Быть по сему.*"

2. Неслужившаго дворянина Спѣшнева и поручика Момбелли, за злоумышленное намѣреніе произвести реформу быта общественнаго въ Россіи, въ отношеніи религіозномъ и политическомъ, и покушенія, для той же цѣли, составить тайное общество, а поручика Момбели и за помѣщеніе въ рукописныхъ сочиненіяхъ своихъ въ высшей степени дерзкихъ отзывовъ о священной особѣ в. в., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ: Момбелли на 15 лѣтъ, а Спѣшнева, *во вниманіе къ тому, что о преступныхъ разговорахъ съ Черносвитовымъ и о состав-*

леніи тайнаго общества, по предложенію Момбелли, открылъ онъ добровольно, тогда какъ объ этомъ не представлялось ни малѣйшихъ видовъ по дѣлу, на 12 лѣтъ.

Противъ Спѣшнева рукою императора: "На 10 лѣтъ." Противъ Момбелли ничего не написано.

3. Поручика Григорьева, за участіе въ преступныхъ замыслахъ и за написаніе и распространеніе статьи въ высшей степени возмутительнаго содержанія, подъ заглавіемъ *Солдатская Бесѣда*, которая, *по смыслу и увлекательному слогу, приспособленному къ понятіямъ солдатъ*, предназначалась къ поколебанію въ нижнихъ чинахъ преданности къ престолу и повиновенія начальству, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ.

Рукою императора:

"*Быть по сему.*"

4. Львова, Филиппова и Ахшарумова, за непосредственное участіе въ такихъ же преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію реформы быта общественнаго, въ особенности изъ нихъ Львовъ, принятіемъ участія въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества, а прочіе покушеніемъ къ распространенію въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ.

Рукою императора противъ Филиппова и Ахшарумова:

"Филиппова и Ахшарумова на 4 года въ военные арестанты, а потомъ въ рядовые на Кавказъ;" внизу подъ статьей, относительно Львова: "Быть по сему."

5. Студента Ханыкова, за такое же участіе въ преступныхъ замыслахъ и произнесеніе *на обѣдѣ, данномъ въ честь Фурье*, возмутительной рѣчи, въ которой порицалъ Бога и государственное наше устройство, во вниманіе къ молодымъ его лѣтамъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ.

Рукою императора: "Рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталліоны."

6. Дурова, за участіе въ преступныхъ замыслахъ, учрежденіе у себя въ квартирѣ собраній для этой цѣли и покушеніе къ распространенію сочиненій противъ правительства, посредствомъ домашней литографіи, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ. Рукою императора: "На четыре года, а потомъ рядовымъ."

7. Достоевскаго, за такое же участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе письма литератора Бѣлинскаго, полнаго дерзкихъ выраженій противъ православной церкви и верховной власти, и за покушеніе, *вмѣстѣ съ прочими*, къ распространенію сочиненій противъ правительства, посредствомъ домашней литографіи, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ.

Рукою императора: "На 4 года, а потомъ рядовымъ."

8. Дебу 1, за участіе въ преступныхъ замыслахъ и въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества, *во вниманіе къ тому, что онъ, увидѣвъ преступную цѣль этихъ совѣщаній, личнаго согласія на предположенныя мѣры не подавалъ и даже совѣтовалъ Петрашевскому оставить это общество*,—лишивъ чиновъ, знака отличія безпорочной службы и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на 8 лѣтъ.

Рукою императора: "На 4 года въ военные арестанты, а потомъ въ рядовые."

9. Дебу 2, за такое же участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе зловреднаго *соціальнаго ученія Фурье* и храненіе у себя въ высшей степени возмутительнаго сочиненія *Ахтарумова*, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года.

Рукою императора: "Въ военные арестанты на 2 года, а потомъ рядовымъ."

10. Толля и Ястржембскаго, за участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе, на собраніяхъ у Петрашевскаго, первымъ рѣчи, *доказывающей отсутствіе въ немъ религіозныхъ убѣжденій, а* послѣднимъ *лекцій о политической экономіи въ либеральномъ духѣ*, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года.

Рукою императора: "Ястржембскаго на 6 лѣтъ*, а Толля на 2 года."

11. Плещеева, за участіе въ преступныхъ замы-

* Это за недоказанное называніе государя богдыханомъ?

слахъ и въ происходившихъ на собраніяхъ у Петрашевскаго непозволительныхъ разсужденіяхъ о правительствѣ, равно за высылку къ Достоевскому преступнаго *письма литератора Бѣлинскаго*, наполненнаго дерзкихъ выраженій противъ верховной власти и православной церкви, во вниманіе къ молодымъ его лѣтамъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе.

Рукою императора: "Рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталліоны."

12. Кашкина, за участіе въ преступныхъ замыслахъ къ произведенію реформы быта общественнаго въ Россіи, примѣненіемъ къ оному *зловредной системы Фурье*, и учрежденіе у себя въ квартирѣ собраній для этой цѣли, во вниманіе къ весьма молодымъ его лѣтамъ и раскаянію, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на житье Архангельской губерніи въ г. Холмогоры, подъ строгій полицейскій надзоръ.

Рукою императора: "Рядовымъ въ кавказскіе линейные баталліоны."

13. Головинскаго, за участіе въ либеральныхъ разговорахъ на собраніяхъ *у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства*, въ уваженіе молодыхъ его лѣтъ, лишивъ чиновъ и дворянскаго достоинства, записать въ рядовые, съ опредѣленіемъ на службу въ одинъ изъ линейныхъ баталліоновъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.

Рукою императора:

"*Быть по сему.*"

14. Пальма, за участіе въ преступныхъ собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова, во вниманіе къ тому, *что онъ лично въ разговорахъ не участвовалъ и* принесъ въ необдуманныхъ поступкахъ своихъ раскаяніе, вмѣнивъ ему въ наказаніе нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и восьмимѣсячное содержаніе въ крѣпости, перевести тѣмъ же чиномъ въ армію.

"*Быть по сему.*"

15. Тимковскаго и Европеуса, *во вниманіе, что они увлеклись зловредною системою Фурье по легкомыслію и изъявили въ поступкахъ своихъ раскаяніе, вмѣнивъ имъ въ наказаніе бытность подъ слѣдствіемъ и судомъ — и семимѣсячное содержаніе въ крѣпости въ казаматѣ*, выслать Тимковскаго въ Олонецъ, а Европеуса въ Вятку, съ учрежденіемъ надъ ними секретнаго надзора.

Рукою императора:

"*Тимковскаго на 6 лѣтъ въ арестантскія роты,* а Европеуса рядовымъ въ Кавкаскіе линейные баталліоны.*"

16. Петра Шапошникова, за преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ религіи и правительства и *о возможности введенія въ Россіи республиканскаго правленія, какъ обнаружившаго явно склонность къ вольнодумству и навлекающаго на*

* Странное усиленіе наказанія—за недоказанное же произнесеніе рѣчи? А Европеусу-то за что? Незабвенный!

себя сильное подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ выраженій, къ священной особѣ вашего имп. вел. относящихся, лишить всѣхъ правъ состоянія и отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на 6 лѣтъ, а потомъ опредѣлить на службу въ отдаленныя войска.

Рукою императора:

"*Рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны.*"*

Въ заключеніе, генералъ-аудиторіатъ не можетъ не раздѣлить мнѣнія слѣдственной коммисіи, изложеннаго во всеподданѣйшемъ докладѣ ваш. имп. вел., о томъ, что какъ ни безумны были и проч.

Дополнительный докладъ генералъ-аудитора Поинскаго военному министру.

Испрашивается разрѣшеніе, какъ приведено должно быть въ исполненіе высоч. конфирмація о трехъ лицахъ, сужденыхъ за злоумышленіе.

Генералъ-аудиторіатъ, по военносудному дѣлу о злоумышленникахъ, между прочимъ, полагалъ изъ числа преступниковъ коллежскаго секретаря Европеуса во вниманіе, что онъ увлекся зловредною системою Фурье по легкомыслію и изъявилъ въ поступкахъ своихъ раскаяніе, вмѣнивъ ему въ наказаніе бытность подъ слѣдствіемъ и судомъ и семимѣсячное содержаніе въ крѣпости въ казематѣ, выслать

* Неужели съ оставленіемъ первой части наказанія генералъ-аудиторіатъ понялъ такъ.

въ Вятку, съ учрежденіемъ надъ нимъ секретнаго надзора.

Собственноручною е. и. в. конфирмаціею послѣдовавшею 19 Декабря на представленномъ при докладѣ извлеченіи, повелѣно:

Европеуса рядовымъ въ Кавказскіе линейные баталліоны.

Какъ въ высоч. конфирмаціи не опредѣлено, съ лишеніемъ-ли или безъ лишенія дворянскаго достоинства слѣдуетъ опредѣлить Европеуса рядовымъ, то я долгомъ считаю испрашивать разрѣшенія вашей свѣтлости, какъ поступить въ семъ случаѣ съ Европеусомъ?

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь испрашивать разрѣшенія вашей свѣтлости, приказано-ли будетъ изъ числа подсудимыхъ поручика Пальма и отставнаго подпоручика Черносвитова выводить въ числѣ другихъ на Сакеновскій плацъ, для объявленія высочайшей конфирмарціи, такъ какъ Пальмъ хотя и приговоренъ былъ генералъ-аудиторіатомъ къ смертной казни, но, по представленіи къ облегченію участи его обстоятельсгвамъ, высоч. конфирмаціею, согласно съ заключеніемъ генералъ-аудиторіата, повелѣно перевести его въ армію тѣмъ же чиномъ, а Черносвитовъ, который генералъ-аудиторомъ къ смертной казни приговоренъ не былъ, по высоч. конфирмаціи ссылается въ Кексгельмскую крѣпость на житье безъ лишенія даже заслуженной имъ пенсіи.

Генералъ-аудиторъ

Ноинскій.

Резолюція:

Европеуса безъ лишенія дворянства.

Пальма вывесть тоже на площадь и тамъ объявить прощеніе.

Черносвитова отправить прямо изъ крѣпости съ фельдъегеромъ въ Кексгольмъ.

20 Декабря 1849 года.

Замѣтки, сдѣланныя при быломъ чтеніи пространнаго доклада генералъ-аудиторіата.

Надъ Петрашевскимъ уже въ Мартѣ 1848 года былъ учрежденъ двойной надзоръ: шефомъ жандармовъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ Орловъ уступилъ дѣло Перовскому (которому, при его девизѣ: "Не слыть, а быть," оно было сподручнѣе), а Перовскій возложилъ его на Липранди. Около этого времени дошло до свѣдѣнія двухъ полицій, что Петрашевскій роздалъ дворянству Петербургской губерніи болѣе 200 экземпляровъ литографированной записки: "О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній." По мнѣнію Орлова и Перовскаго вопросъ этотъ не *подлежалъ обсужденію частныхъ лицъ* и записка составляла преступленіе. Но аргусы согласились притвориться, что она не замѣчена ими. Тактика удалась. Въ теченіе года половина осужденныхъ впослѣдствіи *была вовлечена въ преступные замыслы;* безцѣльные разговоры внушили по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ мысль о составленіи тайнаго

общества. Какая была цѣль полиціи? Про это знаетъ теперь лишь предсѣдатель государственнаго совѣта.

Въ Январѣ 1849 года былъ избранъ агентомъ *сынъ живописца Антонелли, получившій образованіе въ Петербургскомъ университетѣ*; онъ былъ опредѣленъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній, въ которомъ служилъ Петрашевскій, познакомился съ послѣднимъ, былъ у него на семи вечерахъ, еженедѣльно съ 11 Марта по 22 Апрѣля, и далъ объ нихъ отчетъ. По донесенію Антонелли же на Толинова, онъ былъ обставленъ двумя агентами: мѣщанами Васильемъ Шапошниковымъ и Наумовымъ. Степень достовѣрности донесеній Антонелли о вечерахъ у Петрашевскаго и бывавшихъ на нихъ лицахъ, обнаружилась уже во время слѣдствія: Антонелли донесъ, что 25 Марта Плещеевъ былъ на вечерѣ у Петрашевскаго, а оказалось, что въ этотъ день Плещеевъ былъ въ Москвѣ. Но на это обстоятельство не было обращено должнаго вниманія. Какихъ же словъ и убѣжденій не могъ приписать подсудимымъ такой *свидѣтель*, которому не было гадко подпаивать у себя Петрашевскаго шампанскимъ, съ цѣлью подбить его на какую нибудь неосторожную фразу, въ родѣ отзыва о принцѣ Ольденбургскомъ!

Въ трехъ посѣщавшихъ Петрашевскаго воспитанникахъ лицея, отъ 14 до 16 лѣтъ, "обнаружилось скептическое направленіе мыслей — относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка." Принцъ Ольденбургскій передалъ Петер-

бургскому военному генералъ-губернатору, что пребываніе Петрашевскаго въ Петербургѣ внушаетъ ему сильныя опасенія на счетъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, а между тѣмъ распорядился одного изъ мальчиковъ-скептиковъ исключить, а другаго лечить исправительнымъ наказаніемъ, (третій былъ уже исключенъ за неуспѣхъ въ наукахъ), а тотъ классъ, къ которому принадлежали эти ученики, приговорилъ ко сну безъ подушекъ. Петрашевскій отозвался объ этой мѣрѣ Антонелли: "Что за странное наказаніе. Прежде, чѣмъ такъ наказывать, слѣдовало бы посовѣтоваться съ фельдшеромъ. Онъ сказалъ бы, что отъ этого можетъ случиться ударъ у слишкомъ полнокровныхъ."

Экспертъ Голицынъ писалъ о найденныхъ у Ханыкова университетскихъ лекціяхъ о политической экономіи: "Онѣ доказываютъ вредное направленіе, даваемое учащимся, чрезъ занятіе ума и воображенія ихъ подробнымъ философскимъ разборомъ теорій о соціализмѣ и коммунизмѣ, и притомъ не въ духѣ благонамѣренномъ, но въ выраженіяхъ соблазнительныхъ, часто выставляя благодѣтельную цѣль системъ, влекущихъ къ ниспроверженію всякаго порядка." А слѣдователи? Да знаете ли, кто спасъ Грановскаго и Кудрявцева отъ этихъ пщеекъ, захватившихъ по одному предварительному слѣдствію еще 9 человѣкъ? Закревскій, которому сдѣланъ былъ запросъ объ названныхъ двухъ профессорахъ, по поводу выраженнаго къ нимъ Плещеевымъ, въ частномъ письмѣ, уваженія.

А судьи? Да они присудили людей, за "недонесеніе" о чужихъ словахъ и чтеніи, къ смертной казни, а за "подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ словъ" противъ государя, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ арестанскія роты на 6 лѣтъ и сдачѣ потомъ въ Оренбургскіе линейные баталліоны, а за обнаруженіе на допросахъ "либеральнаго образа мыслей" къ ссылкѣ въ Вятку, подъ строгій полицейскій надзоръ. А Незабвенный? Присужденное такими судьями "по мѣрѣ вины" наказаніе онъ призналъ слишкомъ мягкимъ; въ своемъ правѣ помилованія онъ увидѣлъ средство усилить это наказаніе, во избѣжаніе же соблазна скрылъ мягкосердіе судей. А теперешній государь? До сихъ поръ не можетъ освободить Петрашевскаго!

ПЕРЕВОДЪ СТРАНИЦЫ 191.

Этотъ документъ напечатанъ былъ въ Варшавѣ, во время Польской революціи, въ 1831 году. Въ предисловіи этого печатнаго экземпляра было, между прочимъ, сказано: "Комитетъ, составленный для ревизіи архивовъ тайной полиціи, нашелъ въ бумагахъ, оставленныхъ въ Варшавѣ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ, два экземпляра проэкта конституціи Россіи, изъ которыхъ одинъ написанъ порусски, а другой пофранцузски. Народное Правленіе, которому комитетъ представилъ эти документы, признало ихъ достойными печати и опубликованія.

Министръ иностр. дѣлъ въ исполненіе приказанія Народнаго Правленія отъ 15 Іюля, принялъ мѣры къ напечатанію этого проэкта, чтобы всѣ могли его прочесть и обсудить. Проэктъ этотъ явнымъ образомъ показываетъ, что онъ составленъ для того чтобы

служитъ главнымъ основаніемъ цѣлой законодательной системы. Мы очень жалѣемъ о томъ, что не могли открыть: къ какой эпохѣ относится составленіе этого проэкта, какимъ образомъ онъ очутился въ рукахъ Новосильцова и какія приказанія онъ имѣлъ относительно его. Конституція, которую предполагалось ввести въ Россію, была очевидно основана на началахъ конституціи Царства Польскаго 1815 года. Перечень статей взятыхъ изъ Польской Хартіи и помѣщенныхъ въ началѣ этого проэкта, сходство содержанія въ нѣкоторыхъ и примѣчанія на поляхъ подлинника не дозволяютъ сомнѣваться въ этомъ.

Подлинникъ напечатанъ на двухъ языкахъ: французскомъ и русскомъ; содержаніе обоихъ текстовъ одинаково.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
5, Thornhill Place, Caledonian Road, London, N.